

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова»

На правах рукописи

Гусейнова Аурика Вагифовна

Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т.Г. Боргоякова

Абакан
2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Теоретические основы исследования. Понятия и термины	
1.1. Основные теоретические подходы к изучению базовых социолингвистических понятий	13
1.2. Сущность понятия <i>языковая ситуация</i> . Типология языковых ситуаций России	21
1.3. Изучение функциональной стороны языка в зарубежной и отечественной социолингвистике	29
1.4. Основные подходы к изучению взаимосвязи языка и этнической идентичности	41
Выводы	47
ГЛАВА II. Этнодемографическая характеристика и языковая политика Республики Хакасия	
2.1. Этнодемографическая структура населения РХ	50
2.2. Официальное регулирование языковых процессов	57
2.3. Языковая политика как фактор нейтрализации языковых конфликтов	61
2.4. Особенности развития языкового законодательства РХ	67
2.5. Перспективы развития языковой ситуации в РХ	84
Выводы	88

ГЛАВА III. Динамика функционирования хакасского языка в условиях контактного билингвизма (по результатам социолингвистических опросов)

3.1. Хакасский язык в социальных сферах Республики Хакасия . . .	91
3.1.1. Система образования	93
3.1.2. Медиапространство	100
3.1.3. Сфера духовной культуры	105
3.1.4. Сфера религии	110
3.1.5. Сфера городского пространства	112
3.2. Языковая лояльность населения Хакасии	118
3.3. Особенности речевого поведения хакасов в полиэтнической среде	
3.3.1. Гендерные особенности функционирования хакасского языка	131
3.3.2. Особенности функционирования хакасского языка, связанные с местом проживания его носителей	137
3.3.3. Возрастные особенности функционирования хакасского языка	141
3.4. Роль языка в этнической самоидентификации хакасов (результаты социолингвистического опроса старшеклассников Хакасской национальной гимназии)	145
Выводы	150
Заключение	154
Литература	157

ВВЕДЕНИЕ

Динамичные процессы глобализации продолжают оказывать негативное влияние на витальность миноритарных языков и культур в современном мире. Проблема сохранения этноязыкового разнообразия является особенно важной для многонациональных государств, включая Российскую Федерацию, в которой преобладающим является асимметричный тип билингвизма, усиливающий опасность языковой ассимиляции этносов.

Изучение динамики языковых ситуаций в многонациональных регионах России относится к приоритетным направлениям современной отечественной социолингвистики, которая особенно активно развивается в последние два десятилетия в связи с демократическими преобразованиями общества и новой языковой политикой, требующими научного осмысления.

Настоящая работа посвящена исследованию особенностей развития языковой ситуации в Республике Хакасия, в которой хакасский язык получил в 1992 году государственный статус. Сложность современной языковой ситуации в Хакасии обуславливается противоречивым характером соотношения между официальным и реальным статусом языка, особенностями исторического развития этнодемографической ситуации и спецификой республиканского языкового законодательства.

Актуальность темы исследования обусловлена целым рядом факторов: 1) недостаточной изученностью динамики и результатов языкового взаимодействия в условиях контактного билингвизма в Республике Хакасия на современном этапе; 2) необходимостью регулярного мониторинга и научного анализа языковых процессов, обусловленной изменчивостью языковой ситуации и языкового законодательства; 3) неравномерной исследованностью языковой ситуации в разных районах Хакасии с пристальным вниманием к одним и отсутствием исследований по другим.

Комплексный подход к изучению функционирования хакасского языка в свете реализации «Закона о языках народов Республики Хакасия» и долгосрочной республиканской целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011-2013 годах» даёт возможность объективно оценить проблемы и перспективы развития второго государственного языка Республики Хакасия, выработать рекомендации по оптимизации государственной языковой политики в полиэтническом регионе и механизмы расширения сфер применения хакасского языка как родного и как государственного.

Объектом диссертационного исследования является языковая ситуация в Республике Хакасия. **Предмет исследования** – динамика функционирования хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия.

Целью работы является комплексное изучение динамики функционирования хакасского языка в приоритетных коммуникативных сферах в течение последнего десятилетия и на современном этапе в контексте особенностей развития языкового законодательства РХ и РФ.

Основная цель работы определила следующие **задачи** исследования:

- изучить основные подходы к определению термина «языковая ситуация» в современной социолингвистике и выявить основные параметры, значимые для описания языковой ситуации Республики Хакасия;
- проанализировать особенности развития языкового законодательства в Республике Хакасия и обозначить перспективы развития языковой ситуации в регионе;
- определить место и роль хакасского языка в коммуникативном пространстве Республики Хакасия;

- выявить корреляцию особенностей речевого поведения хакасов в полиэтнической среде и развития языковой лояльности жителей Хакасии.

Решение поставленных задач потребовало использования следующих **методов**. Для сбора социолингвистического материала применялся *метод анкетирования и сплошного обследования*, для обработки полученных данных – *метод количественного анализа*. Использовался также *метод анализа письменных источников* – материалов переписей населения, статистических сборников, средств массовой информации. Большое значение имело применение *описательного метода*, включающего приёмы внешней и внутренней интерпретации фактов изменения языковой ситуации. *Сопоставительный метод* использовался для определения сходств и различий в особенностях функционирования хакасского языка в течение последнего десятилетия, *метод анализа и наблюдения* – для выявления специфики развития языкового законодательства РХ и РФ.

Материалом исследования послужили результаты анкетного опроса населения Республики Хакасия, проведённого автором и научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии в 2012-2013 г.г. на территории Аскизского, Таштыпского и Орджоникидзевского районов Республики Хакасия, а также в г. Абакане. Общая совокупность респондентов русской и хакасской национальностей составила около тысячи человек. Для проведения опросов использовались две формы анкет. Первая применялась для обследования главным образом русскоязычных респондентов (русских и хакасов по национальности) и была направлена на выяснение языковой лояльности населения Хакасии. Эта форма анкеты использовалась для анкетирования жителей Орджоникидзевского района РХ (главным образом – старшеклассников и их родителей), а также жителей г. Абакана (студентов ХГУ имени Н.Ф.

Катанова). При помощи второй формы анкеты, которая была направлена на выявление особенностей речевого поведения хакасов в полиэтнической среде, были опрошены респонденты хакасской национальности. В их число вошли старшеклассники Хакасской национальной гимназии-интерната имени Н.Ф. Катанова и школы № 22 г. Абакана, члены хакасской молодёжной организации «Хакас чииттерниң пірігізі», учителя хакасского языка, проходившие обучение в ГАОУ РХ ДПО «Хакасский институт развития образования и повышения квалификации», а также жители Аскизского и Таштыпского района РХ. Проведение анкетирования среди респондентов различного возраста и места жительства с разной степенью языковой компетенции на региональном языке позволило нам получить более полное представление об особенностях функционирования хакасского языка в условиях контактного билингвизма.

В работе использовались материалы социолингвистических опросов, проведённых среди населения Хакасии в предшествующие годы. Прежде всего, это сведения, изложенные в фундаментальной работе Т.Г. Боргояковой «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» (Абакан, 2002). В монографии представлены результаты массовых социолингвистических опросов, выполненных автором в 2001-2002 гг. в республиках Хакасия и Тыва. Кроме того, в конце 1990-х гг. социолингвистические обследования нескольких школ Хакасии были проведены Е.К. Побызаковой с отражением результатов в её публикациях. Сравнение результатов проведённого нами анкетирования с итогами исследований Т.Г. Боргояковой и Е.К. Побызаковой, выполненных десять и более лет назад, позволяет более точно охарактеризовать современные социолингвистические процессы РХ.

Для работы над диссертацией использовались материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения, представленные на страницах электронного информационного бюллетеня «Demoscope Weekly» и на сайтах

всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, а также в статистических сборниках Территориального органа Федеральной службы статистики по Республике Хакасия. Кроме того, в исследовании использовались материалы средств массовой информации, доклады и отчёты министерств и ведомств, результаты республиканских социологических опросов.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных исследователей по социалингвистике. В основу работы положены научно-теоретические разработки таких известных учёных как В.А. Аврорин, В.М. Алпатов, А.Н. Баскаков, Ю.Д. Дешериев, А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский, Л.П. Крысин, В.Ю. Михальченко, М.И. Исаев, Н.Б. Мечковская, М.В. Дьячков и др., посвящённые выработке общих принципов социалингвистического анализа языковой ситуации в СССР и современной России. Существенный вклад в разработку проблем функционирования автохтонных языков России в современных условиях внесли работы Л.Л. Аюповой, Г.А. Дырхеевой, Н.Б. Вахтина, Т.Г. Боргояковой, Э.В. Хилхановой, О.А. Казакевич, А.Н. Биткеевой, Р.И. Васильевой, В.Р. Галимьяновой, Н.Г. Искужиной, Д.Б. Сундуевой, В.Г. Карпова и др. В работах упомянутых социалингвистов представлено комплексное исследование проблем национально-русского двуязычия и специфики развития языковой ситуации и витальности миноритарных языков в республиках и других регионах РФ.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые за последние 10 лет языковая ситуация в Республике Хакасия подвергается комплексному анализу с опорой на результаты массовых социалингвистических опросов в сравнении с предыдущими периодами. Социалингвистические процессы последних лет исследуются в контексте развития республиканского языкового законодательства, которое в течение последнего десятилетия претерпело существенные изменения. Проведённый

анализ позволил выявить устойчивость позитивной этнической идентификации хакасов на фоне продолжающегося снижения уровня их языковой компетенции. В настоящей работе массовому социолингвистическому обследованию впервые подвергаются населённые пункты Орджоникидзевского района Хакасии, граничащего с Красноярским краем и представляющего собой в некотором смысле «Хакасию в миниатюре», где хакасское население составляет 12% жителей района.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие научного описания языковой ситуации на материале Республики Хакасия и в разработку общих теоретических вопросов сохранения и развития миноритарных языков в условиях контактного билингвизма. Материалы исследования могут быть использованы в сравнительном изучении условий формирования и развития языковых ситуаций в республиках Российской Федерации, при решении вопроса о роли родного языка в этнической самоидентификации и в сохранении национальной самобытности. Материалы диссертации могут служить базой для проведения аналогичных исследований в области социолингвистики и теории языка в различных регионах РФ и странах ближнего зарубежья.

Практическая значимость диссертации связана с тем, что её результаты и выводы могут способствовать оптимизации концепции языковой политики Республики Хакасия с учётом особенностей протекающих в ней социолингвистических процессов. Материал, содержащийся в работе, может быть полезен при составлении рекомендаций для внесения в республиканское языковое законодательство необходимых корректив, направленных на интенсификацию функционирования хакасского языка в коммуникативном пространстве современной Хакасии.

Материалы диссертационного исследования использованы при разработке комплексной научной темы Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ имени Н.Ф. Катанова

«Языки народов Саяно-Алтая в функционально-семантическом, типологическом и социолингвистическом аспектах». Кроме того, результаты и выводы работы могут найти применение в построении лекционных и практических курсов по общему языкознанию и теории языка, в преподавании курсов социолингвистики, этнолингвистики, межкультурной коммуникации, стать частью регионального компонента вузовского и школьного образования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая ситуация в Республике Хакасия характеризуется как двухкомпонентная, демографически неравновесная и коммуникативно несбалансированная, что связано с особенностями этнодемографической и социально-экономической структуры республики.
2. Хакасский язык как второй государственный язык РХ продолжает функционировать в ограниченном количестве социальных сфер с некоторым укреплением позиций в сферах медиапространства, урбонимики и религии.
3. Динамика языковой ситуации в РХ в период с 2001 по 2013 гг. носит противоречивый характер, связанный с сохранением высокого уровня языковой лояльности хакасов на фоне сокращения количества хакасов, свободно владеющих родным языком, в условиях асимметричного билингвизма.
4. Рекомендательный характер республиканского языкового законодательства в отношении использования хакасского языка в социальных сферах, включая образование, способствует сохранению межэтнического согласия, с одной стороны, и снижению престижности и востребованности хакасского языка, с другой.

5. Ресурсный потенциал восстановления и расширения функций хакасского языка связан с сохранением территорий компактного проживания хакасов в сельской местности, их позитивной этнической идентификацией и повышением степени толерантности к хакасскому языку со стороны русскоязычного большинства.
6. Разработка программ сохранения и развития языков народов РХ районного и муниципального уровней относится к приоритетным направлениям языкового планирования в РХ.

Апробация работы. Основные положения диссертации в виде публикаций и докладов были представлены на международных конференциях: «Язык – литература – культура в контексте национальных взаимосвязей» (г. Бердянск (Украина), 2013), «Человек и язык в коммуникативном пространстве» (г. Лесосибирск, 2013), «Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации» (г. Улан-Удэ, 2012), «Диалог культур в аспекте языка и текста» (г. Красноярск, 2012). Результаты диссертационного исследования обсуждались на всероссийских и региональных научно-практических конференциях и семинарах: «Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы» (Абакан, 2012), «Миноритарные языки в поликультурном пространстве России» (Абакан, 2011), «Диалог культур в аспекте языка и текста» (г. Красноярск, 2010). В 2012 году доклад автора был представлен на заседании Рабочей группы по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма при Совете по экономическому развитию при Правительстве Республики Хакасия.

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 13 научных работ, пять из которых изданы в журналах, включённых в перечень

Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ. Общий объем публикаций составляет 4,22 печатных листа.

Структура работы. Поставленные цель, задачи и материал анализа определили композицию диссертации: работа состоит из введения, трёх глав и заключения, а также списка использованной литературы. В конце каждой главы приводятся выводы.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

1.1. Основные теоретические подходы к изучению базовых социолингвистических понятий

Описание динамики социолингвистических процессов и анализ языковой ситуации в полиэтническом регионе целесообразно начать с анализа основных социолингвистических понятий и терминов, а также результатов научных исследований по вопросам изучения, сохранения и развития миноритарных языков.

По ироничному замечанию Н.Б. Вахтина, «утверждения, что язык той или иной малочисленной этнической группы находится на грани исчезновения, сегодня стали уже общим местом, почти “бродячим сюжетом”» [Вахтин 2001, с. 198]. С сожалением приходится констатировать, что частотность таких утверждений обусловлена пессимистичными прогнозами языковедов, согласно которым при нынешних темпах исчезновения языков через сто лет из 6000 языков на Земле останется только 600 – 90% языков мира пропадут безвозвратно [Там же]. Что касается языков народов Российской Федерации, то масштабы ухудшения их положения выглядят не менее угрожающими. Авторы книги «Как и зачем сохранять языки народов России?» (Хельсинки, 2012) приводят следующие данные: «Более половины языков народов России находятся на грани вымирания, и, за исключением самых больших языков, опасность исчезновения угрожает в той или иной степени почти всем... ЮНЕСКО приводит список из 135 языков России, в различной степени подвергающихся опасности исчезновения. В это число входят почти все языки России. Только русский, татарский, а также несколько языков, на которых говорят самые большие группы мигрантов, можно, по-

видимому, считать находящимися в относительной безопасности. Согласно ЮНЕСКО, ситуация 22 языков России является критической, т.е. они практически исчезли, а 29 находятся под серьезной угрозой исчезновения. За последние десятилетия было утрачено по крайней мере 15 языков народов России» [Замятин и др. 2012, с. 53]. В такой ситуации поиск эффективных стратегий сохранения миноритарных языков становится жизненной необходимостью, а для его успеха необходимо выявление условий, факторов и механизмов, при которых происходят повсеместно наблюдаемые процессы перехода малых этносов на язык большинства.

В отечественной социолингвистической традиции это явление, как правило, обозначается термином *языковой сдвиг* (*language shift*). Этот термин употребляется при появлении признаков перехода на неродной язык общения и нарушения естественной межпоколенной передачи родного языка от родителей к детям. «Словарь социолингвистических терминов» (далее – ССТ) определяет языковой сдвиг как процесс и результат утраты этносом этнического языка, однако здесь же говорится и о наличии двух типов языкового сдвига, первый из которых предполагает сохранение знания языка своей национальности, второй – полную потерю этнического языка [ССТ, с. 276-277]. Возможен и обратный языковой сдвиг, т.е. возврат к прежнему, использовавшемуся ранее языку, что случается крайне редко [Там же, с. 152].

При анализе ситуаций и причин языкового сдвига исследователи ([Fishman 1991; Вахтин 2001; Боргоякова 2002 (а); Хилханова 2009 и др.] приводят ряд условий или факторов, способствующих процессу перехода этноса на неродной язык. Прежде всего это массовая миграция на территорию этнического меньшинства представителей доминантного этноса. В результате автохтонный этнос оказывается в меньшинстве на своей исторической территории, что способствует его языковой ассимиляции. Именно так произошло, например, в Хакасии. Обычно языковой ассимиляции предшествует определенный период массового контактного билингвизма,

хотя и не всегда билингвизм приводит к языковому сдвигу. В случае с хакасским языком массовый билингвизм стал одной из причин, способствующих языковому сдвигу (см. об этом [Боргоякова 2002 (а)]). С фактором языкового окружения тесно связан и показатель числа носителей этнического языка: чем этот показатель меньше, тем меньше шансов на его (языка) сохранение. Важнейшую роль в жизни языков играет и официальная политика государства: если она направлена на ассимиляцию и монолингвизм, этнической общности становится трудно сохранить родной язык, поскольку в этом случае сферы его функционирования резко сокращаются, следствием чего становится представление о языке меньшинства как о непрестижном и бесперспективном. В результате естественная межпоколенная передача языка прерывается, его воспроизводство останавливается, что приводит к постепенной утрате языка [Там же].

Впрочем, помимо перечисленных выше объективных, или внешних факторов языкового сдвига социолингвисты выделяют и факторы субъективные, или внутренние. Последние подробно исследуются в докторской диссертации Э.В. Хилхановой «Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ» (Улан-Удэ, 2009). Выделяя в отдельную категорию внутренние факторы языкового сдвига, автор при их рассмотрении использует термин *выбор языка*, понимая его как «речевое поведение языкового сообщества в условиях языкового контактирования, ведущее либо к отказу от старого языка, либо к его сохранению в ситуации, когда был возможен переход на новый язык» [Хилханова 2009, с. 38]. При этом Э.В. Хилханова справедливо отмечает, что в отношении языковых ситуаций выбор языка почти никогда не может быть свободным, так как «внутренние детерминирующие факторы зачастую являются производными от внешних», однако «существуют факты, не позволяющие однозначно трактовать внутренние факторы как производные от внешних» [Там же, с. 82]. Автор отмечает необходимость

«обратить внимание на внутренние детерминирующие факторы, в первую очередь оценочные установки самой этнической группы по отношению к языку, выливающиеся в конкретное речевое поведение» [Там же]. Одним из внутренних факторов языкового сдвига является *языковая лояльность*, то есть приверженность этноса к своему языку, его позитивная оценка, которая препятствует переходу на неродной язык с утратой родного. Термин «языковая лояльность» трактуется исследователями двояко. Со стороны этнического меньшинства языковая лояльность – «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку. Языковая лояльность проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения» [ССТ, с. 261-262]. Второе значение этого термина – то же, что и языковая терпимость или языковая толерантность, то есть «уважительное отношение со стороны численно или социально доминирующего на какой-л. территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам этнических групп, проживающих на той же территории» [Там же, с. 267]. Понятие *языковой лояльности* теснейшим образом связано с понятием *родного языка*. В научной литературе существует несколько подходов к его толкованию, однако все они имеют много общего. В «Словаре социолингвистических терминов» *родному языку* даётся четыре определения: то же, что и материнский язык; то же, что и этнический язык; то же, что и функционально первый язык; то же, что и национальный язык [ССТ, с. 187]. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, однако, не считают эти понятия тождественными и отмечают, что «материнский язык — не обязательно родной, родной язык — не обязательно первый» [Вахтин, Головкин, с. 46]. М.И. Исаев определяет родной язык как «первый язык, который усвоен человеком с детства («язык колыбели»)». Бывают случаи, когда человек впоследствии усваивает другой язык, который порой

становится «первым», т. е. языком, которым он чаще пользуется» [Исаев 2003, с. 127]. А.Д. Каксин называет родным (или материнским языком) «тот язык, который ребёнок слышал в утробе матери, слышал вокруг до того момента, когда сам заговорил, тот язык, на котором были сказаны первые его слова» [Каксин (б) 2013, с. 98]. В книге «Как и зачем сохранять языки народов России?» предлагаются следующие критерии определения родных языков:

1) возраст освоения языков — какие языки были выучены человеком в раннем детстве;

2) какие языки были выучены человеком от родителей (или людей, их заменяющих);

3) языковая компетенция — какими языками человек владеет с максимальной свободой и глубиной;

4) этническая идентичность — с какой языковой группой человек себя отождествляет. В работе предлагается термин «домашний язык», тесно связанный с домом, семейным окружением и повседневной жизнью как синоним языка своего народа, этнического языка, используемого, главным образом, в семейно-бытовом общении. Родными языками в таких случаях могут считаться и домашний язык, и язык большинства. Человек может также отождествлять себя с тем языком, на котором говорит его народ и сообщество, даже в тех случаях, когда он сам им не владеет [Замятин и др. 2012, с. 9].

Р.И. Васильева предлагает пять критериев определения родного языка, дополнительно выделяя критерий внешней идентификации (язык, который приписывается, навязывается индивиду в качестве родного окружающими). [Васильева 2007].

Согласно определению В.И. Беликова и Л.П. Крысина, «родной язык — это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте» [Беликов, Крысин 2001, с. 22]. Язык

народа, к которому принадлежит индивид, авторы называют этническим, а функционально первый язык — основным (доминирующим). Как видно из приведённых выше подходов, большинство исследователей справедливо относят к числу обязательных критериев определения родного языка уровень владения им, а также фактор этнического происхождения. Причём языковая компетенция на родном языке может колебаться от свободной до практически нулевой. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения, согласно которой *родной язык* и *этнический язык* правомерно использовать как синонимы.

Следующим базовым термином, используемым при анализе языковой ситуации, является *двуязычие* или *билингвизм*. Существует достаточно много определений этого термина, в которых дискуссионным остаётся требование к качеству владения вторым языком: от совершенного владения обоими языками до пассивного знания одного из них. Удачным представляется определение, предложенное в ССТ: *билингвизм (двуязычие)* – это «владение, наряду со своим родным языком, ещё одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [ССТ 2006, с. 31].

Поскольку проблема двуязычия является многоаспектной, учёные выделяют множество различных типов билингвизма. Не все из них важны в контексте настоящего исследования, поэтому мы остановимся только на тех типах двуязычия, которые соотносятся с темой данной работы. Так, по количеству билингвов различается *индивидуальный*, *групповой* или *массовый* билингвизм: владение двумя языками, характерное для отдельных индивидов, определяется как индивидуальный билингвизм. Если же двуязычие характерно для некоторой части социума или для всех его членов, речь идёт, соответственно, о групповом или массовом билингвизме. *Активный* и *пассивный* вид билингвизма определяется по преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва [Там же]. Следует отметить,

что массовый пассивный билингвизм носителей миноритарных языков, характеризующийся переходом в пассив этнического языка, является тревожным признаком набирающих обороты процессы языкового сдвига. В некоторых источниках упоминается такой тип индивидуального двуязычия как *сбалансированный* и *несбалансированный* билингвизм, который определяется уровнем языковой компетенции билингва. В случае одинаковой степени владения двумя языками со стороны индивида речь идёт о сбалансированном билингвизме; если же уровни языковой компетенции на двух языках различны, то билингвизм индивида является несбалансированным [Там же].

В случае, когда речь идёт о массовом билингвизме, разный уровень владения двумя языками со стороны этнических групп побуждает исследователей выделять такие взаимосвязанные между собой типы билингвизма как *двусторонний* / *односторонний* и, соответственно, *симметричный* / *асимметричный*. Двусторонний и односторонний билингвизм – это «виды коллективного билингвизма, выделяющиеся по признаку владения двумя языками обоими контактирующими коллективами или только одним из них» [ССТ, с. 32]. С этим типом билингвизма тесно переплетается и другой его тип, при котором учёные выделяют симметричный и асимметричный билингвизм. Первый из них характеризуется функциональным равноправием обоих языков, второй развивается в результате «функционально неравноправных отношений между различными языками, функционирующими в обществе» – так, исконные носители функционально доминирующего языка в большинстве случаев остаются монолингвами, в то время как носители миноритарного языка владеют и активно пользуются мажоритарным [ССТ 2006, с. 27]. Истоки этого явления появились ещё в Советском Союзе, языковая политика которого была направлена на ассимиляцию и монолингвизм на доминирующем русском языке, что во многом и стало причиной кризисного

положения многих языков малочисленных народов в современной России. По мнению Г.Ф. Габдрахмановой и Л.В. Сагитовой, «асимметрия в функционировании русского и национальных языков была обусловлена не только требованиями культурной унификации, неизбежно сопровождавшей модернизацию, но и идеологически зашоренной культурной политикой советского государства» [Габдрахманова и др., 2011, с. 11]. М.В. Дьячков так описывает особенности асимметричного билингвизма того периода: «В СССР широко использовалось понятие национально-русского и русско-национального двуязычия. «Одностороннее национально-русское двуязычие», которым фактически маскировалась ситуация, когда носители миноритарных языков владели своим родным языком и русским, а проживающие рядом с ними русские — только русским, рассматривалось как исторически обусловленное и неизбежное, перспективное и не имеющее альтернативы. Между тем, подобная ситуация, как уже было сказано, была двуязычной лишь частично, поскольку под двуязычием понимается попеременное общение одних и тех же индивидов на двух языках. «Одностороннее двуязычие» не обеспечивало стопроцентной коммуникации между носителями различных языков, поскольку такая коммуникация осуществлялась лишь тогда, когда использовался русский язык» [Дьячков 2010]. Э.В. Хилханова указывает на существование *конвенции*, «которая может быть сформулирована следующим образом: одноязычие для России означает русское одноязычие, и двуязычие – это удел национальных меньшинств, а социальная норма в стране – переключение двуязычных на русский в присутствии одноязычных» [Хилханова 2009, с. 216]. И поскольку асимметричный билингвизм является свойством языковой ситуации в республиках РФ, необходимо перейти к рассмотрению термина *языковая ситуация*.

1.2. Сущность понятия *языковая ситуация*.

Типология языковых ситуаций России

Понятие языковой ситуации (ЯС) является одним из основных в социолингвистике, однако существует несколько вариантов определения данного термина. По мнению А.Д. Швейцера, языковая ситуация – это «социальная дифференциация языка и иерархия социально-коммуникативных систем», «модель социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [Швейцер 1977, с. 133-134]. С точки зрения Ю.Д. Дешериева, языковая ситуация – это «социальные функции, сферы использования языка, среды употребления языка» [Дешериев 1977]. По мнению В.А. Аврорина, языковая ситуация – это «выполнение функций наличных форм существования языка во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа» [Аврорин 1975, с. 120]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре языковая ситуация определяется как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [ЛЭС 1990, с. 616]. Сходное определение дают и Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин [Вахтин, Головкин 2004, с. 47].

Л.Б. Никольский называет языковой ситуацией «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [Никольский 1976, с. 79-80]. Полемизируя с ним, В.И. Беликов и Л.П. Крысин

справедливо отмечают, что недостатком данного определения является отсутствие в нем аспекта функционирования кодов и субкодов, входящих в указанную совокупность, их соотношение по функциям на данном этапе существования административно-территориальных и этнических общностей. Это дополнение мы рассматриваем как очень важное, поскольку в нём содержится указание на динамичность языковой ситуации, подверженной изменениям с течением времени. В целом же, по мнению исследователей, языковую ситуацию формируют «функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества» [Беликов, Крысин 2001, с. 26]. Вопрос об изменчивости ЯС затрагивает В.Ю. Михальченко, предостерегая от ненаучного, «бытового» употребления этого термина: «Совершенно очевидно, что при научном понимании сложного концепта "языковая ситуация", включающего ряд компонентов: языковая общность + языковая традиция + языковая компетенция + речевая практика (синхронная) + ценностные ориентации + юридический статус языка + функциональный статус языка (уровень развития его функциональных стилей), – вряд ли можно говорить о быстром изменении языковой ситуации. Здесь явно происходит подмена объективных факторов языковой ситуации (языковая общность и основные ее параметры, языковые традиции, речевая практика, языковая компетенция) динамикой субъективных факторов (ценностные ориентации, юридический статус языка)» [Михальченко 2006, с. 8].

По мнению В.А. Аврорина, доминантой понятия «языковая ситуация» выступает функциональная сторона языка, а ЯС определяется как «складывающийся под влиянием социальных условий характер функционирования различных форм существования языка и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности» [Аврорин 1975, с. 51].

Анализ данных определений позволяет выделить следующие важные параметры языковых ситуаций:

1) Языковые образования, т.е. различные формы существования языка или совокупность языков. Иначе эту составляющую языковой ситуации можно назвать компонентом социально-коммуникативной системы, которая определяется учёными как «совокупность языковых систем и подсистем (различных языков и форм их существования в условиях дву- и многоязычия, разных форм существования языка в условиях одноязычия), используемых тем или иным языковым / речевым коллективом» [ССТ, с. 203]. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин употребляют термин «идиом», выражающий родовое понятие для различных языковых образований – к примеру, язык, диалект, варианты литературного языка.

2) Границы функционирования упомянутых форм существования языка (или языков), т.е. административно-территориальное или административно-политическое образование. Впрочем, порой единство типа языковых ситуаций требует от исследователя выделения условных территориальных границ, которые могут не совпадать с административными.

3) Динамичность языковой ситуации, т.е. её развитие с течением времени под влиянием изменения объективных условий существования её компонентов либо целенаправленной языковой политики государства.

А.Д. Швейцер строит типологию языковых ситуаций на основе таких параметров как 1) социальный статус языка (положение языка, его диалекта по отношению к другим языкам, используемым в данном обществе, 2) социальные функции языка, его диалекта в различных сферах человеческой деятельности, 3) социально-коммуникативная роль языка, его диалекта, действующего в пределах конкретного политико-административного объединения [Швейцер 1977, с. 141-142].

В целом признаки языковых ситуаций исследователи справедливо объединяют в три группы критериев: количественные, качественные и

оценочные. К количественным признакам относятся такие характеристики как число идиом на данной территории, число их носителей, число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым из них. Качественные признаки языковой ситуации характеризуют соотношение компонентов социально-коммуникативной системы между собой, их функциональную равнозначность или неравнозначность, а в случае последней – характер преобладающего идиома. Оценочные признаки – это внутренние и внешние оценки языков (или различных форм их существования) на основе разного рода критериев: коммуникативной пригодности, престижности, эстетической ценности и т.п. [Вахтин, Головкин, 2004]. На основе этих признаков строится классификация моделей языковых ситуаций, которые основаны на оппозитивной характеристике компонентов. К примеру, по общему числу идиом – компонентов языковых ситуаций они могут быть охарактеризованы как *монокомпонентные* (включающие один идиом) и *поликомпонентные* (включающие несколько идиомов) [ЛЭС 1990, с. 616] (Н.Б. Мечковская называет ЯС *однокомпонентными* и *многокомпонентными* [Мечковская 2001]); по характеру компонентов – *экzogлоссные* и *эндogлоссные* (в первом случае ЯС состоит из совокупности разных языков определенного административно-территориального образования, во втором – из совокупности подязыков и функциональных стилей одного языка). В свою очередь оба вида языковых ситуаций делятся на *сбалансированные*, подразумевающие функциональную равнозначность языков или языковых подсистем, составляющих языковую ситуацию, и *несбалансированные*, когда языки или языковые подсистемы неравномерно распределены по сферам общения, социальным группам [Никольский 1976, с. 80-88].

Существенное значение имеет не только коммуникативная, но и демографическая мощь каждого идиома. Этот критерий представлен оппозицией *демографически равновесных / неравновесных* ЯС [ЛЭС 1990, с. 617], [Мечковская 2001, с. 161]. Здесь типологическим признаком, лежащим в

основе классификации, является процент населения, говорящего на каждом из языков. Неравновесные и несбалансированные ситуации могут быть классифицированы как *однополюсные* (с одним доминирующим идиомом) или *многополюсные* (с несколькими доминирующими идиомами). В.А. Виноградов отмечает, что «равновесные (сбалансированные) языковые ситуации крайне редки; чаще всего это неустойчивое равновесие, наблюдаемое краткий промежуток времени в процессе серьёзных языковых изменений» [ЛЭС 1990, с. 617].

Структурно-генетические отношения между идиомами также являются основанием для классификации языковых ситуаций: в зависимости от типологического сходства или различия языков в многокомпонентной языковой ситуации исследователями выделяются *гомоморфные* и *гетероморфные* языковые ситуации; в зависимости от их родственности или неродственности – *гомогенные* и *гетерогенные* [Там же]. Как пишет В.А. Виноградов, возможны все комбинации этих характеристик: гомогенная и гомоморфная, гомогенная и гетероморфная, гетерогенная и гомоморфная, гетерогенная и гетероморфная языковая ситуация [ЛЭС 1990, с. 616-617]. Среди прочих типологических признаков языковых ситуаций важное место занимает юридический статус языков, составляющих языковую ситуацию – он может быть тождественным, а может быть различным [Мечковская 2001]. Данный параметр оценки языковой ситуации имеет большую значимость, поскольку от него зависит уровень государственной поддержки языков, что оказывает влияние на перспективы их сохранения и развития.

На основании перечисленных выше типологических признаков может быть объективно и полно охарактеризована языковая ситуация любого российского региона. Объектом настоящего исследования является языковая ситуация в Республике Хакасия, краткие сведения о которой представлены в нижеследующей таблице: (форма таблицы предложена Н.Б. Мечковской [Мечковская 2001, с. 160])

Характеристика языковой ситуации в Республике Хакасия

Типологический признак ЯС	ЯС в РХ
Количество языков, составляющих ЯС	Двухкомпонентная ЯС: на территории РХ наиболее активно функционируют два языка: русский и хакасский.
Процент населения, говорящего на каждом из языков	Демографически неравновесная ЯС: русским языком владеет и пользуется 100% населения РХ, а хакасским – лишь 7% ¹
Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языком, в отношении к общему числу таких функций	Коммуникативно несбалансированная ЯС: русский язык доминирует во всех сферах, функционирование хакасского языка в приоритетных коммуникативных сферах (образование, духовная культура, СМИ) носит ограниченный характер. Язык практически не представлен в сфере административно-территориального управления, промышленности, связи и энергетики
Юридический статус языков, составляющих ЯС	Русский и хакасский язык имеют тождественный юридический статус – оба они являются

¹ Доля населения РХ, владеющего хакасским языком, получена путём сопоставления следующих цифр. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Хакасии проживает 532403 человека. Согласно статистическому сборнику Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РХ, о владении хакасским языком сообщили 38897 жителей республики [Население Республики Хакасия за 2002-2012 годы]. Таким образом, получается, что владеет государственным языком Республики Хакасия 7,3% её населения.

	государственными языками РХ
Степень генетической близости языков, составляющих ЯС	Неродственное двуязычие: ЯС в РХ является гетерогенной и гетероморфной.

М.А. Горячева в своём диссертационном исследовании «Типология языковых ситуаций: Российская Федерация» (М., 2003) делает следующий вывод: «Во всем разнообразии типов языковых ситуаций, представленных на территории современной России, можно выделить ряд общих черт. Все эти языковые ситуации по традиционной типологической классификации являются: 1) несбалансированными, так как их компоненты находятся в отношении функциональной дополнительности; 2) неравновесными однополюсными с доминирующим русским языком по уровню демографической и коммуникативной мощностей компонентов; 3) эндогlossными по характеру доминирующего идиома – русского языка: во всех ЯС функционирует вся совокупность его подсистем, и экзогlossными по лингвистическому статусу идиомов (ЯС составляют совокупности различных языков)» [Горячева, 2003]. На основе анализа соотношения дифференциальных признаков языковых ситуаций субъектов РФ на фоне общей ЯС в России исследователь предлагает двухступенчатую модель представленных в Российской Федерации языковых ситуаций, которая включает четыре основных типа на каждой ступени.

- 1) монокомпонентные (общегосударственный язык – ОГЯ);
  - 2) монокомпонентные с дополнительными компонентами (ОГЯ + ДК);
  - 3) бикомпонентные (ОГЯ + республиканский государственный язык – РГЯ);
  - 4) поликомпонентные (ОГЯ + (n>1) РГЯ, где n – число компонентов).
- Языковая ситуация в Республике Хакасия относится к типу III первого уровня

данной классификации: она является бикомпонентной и состоит из общегосударственного (русского) и республиканского (хакасского) языков.

На втором уровне языковые ситуации распределяются по степени демографической и коммуникативной мощностей компонентов – республиканских государственных языков, а также с учетом ряда дополнительных дифференциальных признаков, на четыре подтипа, которые характеризуются следующими дифференциальными признаками:

1) высокий уровень демографической и коммуникативной мощностей компонента-республиканского государственного языка (РГЯ), высокое число монолингвов, число этноса-носителя ОГЯ (общегосударственного языка, то есть русского) выше числа этноса-носителя РГЯ, демографическая мощность компонента-РГЯ равна его этнодемографической мощности, то есть числу соответствующего этноса, высокий процент этноса-носителя РГЯ за пределами данного субъекта РФ. Это ЯС в Р. Татарстан.

2) высокий уровень демографической и коммуникативной мощностей компонента-РГЯ, высокое или среднее число монолингвов, число этноса-носителя ОГЯ (русских) может быть незначительно выше или ниже числа этноса-носителя РГЯ, демографическая мощность компонента-РГЯ обычно равна его этнодемографической мощности, средний или низкий процент этноса-носителя РГЯ за пределами данного субъекта РФ. Это ЯС в республиках Башкортостан, Тува, Чувашия и Якутия.

3) средний уровень демографической мощности и средний или низкий уровень коммуникативной мощности компонента-РГЯ, среднее или низкое число монолингвов, число этноса-носителя ОГЯ выше числа этноса-носителя РГЯ, демографическая мощность компонента-РГЯ ниже его этнодемографической мощности, в основном низкий процент этноса-носителя РГЯ за пределами данного субъекта РФ. Это ЯС в республиках Адыгея, Алтай, Бурятия, Калмыкия и Удмуртия.

4) низкий уровень демографической и коммуникативной мощностей компонента-РГЯ, низкое число монолингвов, число этноса-носителя ОГЯ выше числа этноса-носителя РГЯ, демографическая мощность компонента-РГЯ ниже его этнодемографической мощности, низкий процент этноса-носителя РГЯ за пределами данного субъекта РФ. Это ЯС в республиках Коми, Хакасия [Горячева, 2003].

Представляется, что отнесение ЯС в Республике Хакасия к самому слабому из всех бикомпонентных типов языковых ситуаций России является оправданным. Впрочем, с точки зрения функциональной типологии языков позиции хакасского языка не столь слабы, о чём пойдёт речь в следующем параграфе данной главы.

1.3. Изучение функциональной стороны языка в зарубежной и отечественной социалингвистике

Язык издавна понимается учёными как социальное явление – его общественный характер признаётся одной из языковых универсалий (Ч.Ф. Хоккет формулирует эту мысль следующим образом: «Любое человеческое общество имеет язык» [Хоккет, 1970, с. 67]). Важнейшей языковой функцией исследователи считают коммуникативную: она выдвигается на первое место в классификациях известных отечественных социалингвистов. Так, В.А. Аврорин выделяет среди функций языка коммуникативную функцию (средство, орудие общения), экспрессивную функцию (выражение мыслей), конструктивную функцию (формирование мыслей), аккумулятивную функцию (накопление общественного опыта и знаний), среди функций речи – номинативную, эмотивно-волеутативную, сигнальную, поэтическую, магическую и этническую [Аврорин, 1975, с. 44]. Ю.Д. Дешериев в своей классификации различает коммуникативную функцию, экспрессивную

(выразительную) функцию, эстетическую функцию, а также общественную, гносеологическую и идеологическую функции [Дешериев, 1977].

Термин «общественные (социальные) функции языка», введенный в российскую науку Ю.Д. Дешериевым, закрепился в отечественной социолингвистике и получил широкое распространение. Применительно к объекту данного исследования необходимо более подробно остановиться на общественных функциях языка, которые связаны с «использованием языка как средства общения в разных коммуникативных сферах, обусловленных спецификой различных сфер человеческой деятельности» [ССТ, 2006, с. 235]. Вслед за Т.Г. Боргояковой мы считаем возможным синонимичное использование в данной работе терминов «социальные функции языка», «общественные функции языка», «коммуникативные функции языка» и «функционирование языка в определенной сфере общения». Кроме того, для понимания динамики социальных функций миноритарных языков важно рассмотрение этнической функции языка или функции этнической идентификации. Эта функция выделяется не всеми исследователями, поскольку существуют разные подходы к трактовке взаимосвязи языка и этнической идентичности (в нашей работе они подробно изложены в параграфе 1.4).

Коммуникативные сферы определяются в современной научной литературе как «различные сферы человеческой деятельности, каждая из которых характеризуется относительно однотипными условиями общения, обуславливающими определенные правила использования языка» [ССТ, 2006, с. 224]. В более ранних источниках под сферой общения подразумевалось «непосредственное производное сферы общественной деятельности людей» [Аврорин, 1975, с. 75] или же «совокупность тем, составляющих содержание коммуникации в соответствующих областях социального взаимодействия» [Швейцер, Никольский, 1978, с. 92]. Отечественными социолингвистами

разработано несколько классификаций сфер общения (сфер использования языка), наиболее удачной из которых нам представляется классификация, в которой всё многообразие коммуникативных сфер подразделяется на официальные и неофициальные в зависимости от ситуации общения и на регулируемые (регламентируемые) и нерегулируемые (аморфные) в зависимости от возможности или невозможности регулирования общения административным или законодательным путём [ССТ, 2006, с. 224]. К числу официальных регулируемых сфер относятся, например, сфера административно-территориального управления и официального делопроизводства, сфера образования, сфера массовой информации и некоторые другие. К числу неофициальных нерегулируемых сфер принадлежат различные виды межличностного общения: бытовое, семейное, дружеское. Нельзя не упомянуть и классификацию сфер общения А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, основанную на совокупности форм существования языка. Согласно данной классификации, сферы общения можно разделить на следующие группы:

- 1) сфера общегосударственного общения – литературный язык в однопациональном государстве или один из национальных языков в роли средства официального и межнационального общения в многонациональном государстве;
- 2) сфера регионального общения – наддиалектное в однопациональном государстве или язык нации, не являющийся официальным языком всей страны в многонациональном государстве;
- 3) сфера местного общения – бесписьменный диалект или диалект, имеющий письменную фиксацию в однопациональном государственном образовании, или язык национального меньшинства в многонациональном государстве;

- 4) сфера производства, обслуживаемая профессиональными языковыми образованиями, включающая родные и неродные для основного населения языки;
- 5) сфера семейно-бытового общения – диалекты, городское просторечие, разговорная форма языка в однонациональном государстве, языки этнолингвистических общностей;
- 6) сфера ритуального общения – литературный национальный язык, старописьменный язык, иностранный язык [Швейцер, Никольский, 1978, с. 92-93].

Достаточно подробными являются и классификации функций языков по сферам общения В.А. Аврорина и Ю.Д. Дешериева, первый из которых выделяет 12 сфер общения, второй – 22 [Аврорин, 1975; Дешериев, 1977].

Приведённый выше анализ имеющихся точек зрения на сущность и классификацию функций языка позволяет перейти к рассмотрению функциональной типологии языков, разработка которой значительно увеличивает эффективность интерпретации социоллингвистических данных.

Среди функциональных классификаций зарубежных социолингвистов наиболее известны разработки У. Стюарта и Ч. Фергюсона. На основе классифицирования языков по их социальным функциям, многоплановых спектр которых представлен в их работах, учёные разработали универсальную схему описания ЯС. Универсальность данной схемы заключается в соотнесённости социальных функций языка со сферами общения, что позволяет представить многообразие ЯС в виде сжатых условных обозначений. В соответствии с этой схемой ЯС определяют такие функциональные типы как крупный язык (L maj), малый язык (L min), специальный язык (L. Spec.), родной литературный (S); родной нелитературный (V); чужой литературный (C); язык, используемый за пределами страны (i); язык в качестве школьной дисциплины (s); язык в официально-деловом общении (o); язык в повседневном общении (g); язык в

религиозной обрядности (г) (Цит. по [Боргоякова 2002 (б), с. 33-34]). При помощи этой схемы ЯС конкретного региона может быть охарактеризована в виде краткой формулы. К ЯС Республики Хакасия эта формула впервые была применена Т.Г. Боргояковой, которая в 2002 году описала её следующим образом:

$$2 L_{maj}(Sogri; Sgr) + 2 L_{min}(Vg) + 4 L_{spec}(S)$$

Чтение формулы: «языковое состояние современной РХ характеризуется двумя «крупными» с точки зрения равного юридического статуса языками (русский, хакасский), один из которых является титульным, имеет литературную форму и используется в повседневном общении и религиозной обрядности (шаманизм), а другой также имеет литературную форму и используется не только в повседневном, но и в официально-деловом общении, религиозной обрядности (православие), а также служит средством связи с другими субъектами РФ и СНГ; двумя «малыми» языками компактно проживающих этносов (немецкий, чувашский), не имеющих в республике официального статуса, но используемых в своей нелитературной форме в повседневном общении; четырьмя «специальными» языками, которые изучаются как иностранные (английский, немецкий, французский, испанский)» [Боргоякова 2002 (а), с. 166].

В настоящее время, спустя более чем десятилетие, ЯС в РХ изменилась и эта формула может, на наш взгляд, быть представлена следующим образом:

$$2 L_{maj}(Sogri; Sgr^2) + 3 L_{min}(Vg) + 6 L_{spec}(S)$$

Как видно из приведенной формулы, изменения коснулись трёх параметров: количества «малых» и «специальных» языков, а также языков религиозной обрядности. В группу «малых» языков дополнительно к немецкому и чувашскому мы предлагаем включить шорский, поскольку в некоторых населённых пунктах Аскизского района (пос. Балыкса и Бискамажа) и Таштыпского района (пос. Матур и Анжуй) компактно проживают представители шорского народа, использующие в повседневном

общении родной язык. (В анализируемый период шорский язык стал пользоваться государственной поддержкой, в связи с чем появился в официальном дискурсе). В связи с тем, что за последнее десятилетие в Хакасии в качестве иностранных стали преподаваться китайский и польский языки, количество «специальных» языков увеличилось на два. Преподавание польского языка ведётся культурно-национальной общественной организацией «Полония». В Институте филологии и межкультурной коммуникации ХГУ имени Н.Ф. Катанова польский язык также преподаётся в качестве курса по выбору; кроме того, по данным Министра образования и науки РХ, в загородном оздоровительном лагере «Орлёнок» в Аскизском районе в течение ряда лет по желанию создаются отряды с изучением родных языков всех детей (хакасского, шорского, польского, русского и др.) [В республике проводятся...]. Преподавание китайского языка ведётся в ряде языковых школ Хакасии, а также на нескольких программах бакалавриата ХГУ имени Н.Ф. Катанова.

Сравнение двух приведённых выше формул позволяет выявить изменения, произошедшие за последние годы в использовании хакасского языка в религиозной практике. В 2002 г. Т.Г. Боргояковой были разделены религиозные практики, обслуживаемые государственными языками Республики Хакасия: хакасский язык был отнесён ею к шаманизму, русский – к православию [Боргоякова 2002 (а), с. 166]. В настоящее время имеется тенденция к расширению социальных функций хакасского языка, о чём подробно рассказано в первом параграфе главы III. В частности, хакасский язык теперь используется и в православии – на него переведены священные христианские тексты, он применяется в ходе воскресной литургии в некоторых православных храмах. Поэтому в соответствующем фрагменте используемой схемы Стюарта-Фергюсона нами внесена корректура, отражающая факт вхождения языка не в одну, а в две конфессиональные области, в виде знака (r^2). Следует отметить, что данная формула, как,

впрочем, и любая схема, не может в полной мере охарактеризовать особенности ЯС на определенной территории. По наблюдению Л.Л. Аюповой и В.Л. Ибрагимовой, «эта формула не отражает многого: а) характера функционирования языков (их социальных функций); б) взаимодействия языков; в) объёма социальных функций языков, находящихся в одном цифровом показателе» [Аюпова, Ибрагимова 2010, с. 84]. Однако, несмотря на указанные недостатки, схема позволяет достаточно ёмко и наглядно представить общую характеристику и динамику развития ЯС региона.

Стремительность темпов языкового сдвига и необходимость разработки эффективных стратегий их замедления побуждает исследователей к поиску новых приёмов интерпретации социолингвистических данных. В.Ю. Михальченко упоминает «социолингвистический портрет», «создание которого предполагает представление в описании всех основных, релевантных факторов, влияющих на функциональное развитие языка, а также количественную оценку совокупности социальных функций исследуемого языка» [Михальченко 2010, с. 42]. Автор настаивает на том, что лишь интенсивное функционирование языка среди соответствующей языковой общности может способствовать его поддержке и обеспечивать его распространение. На этом основании исследователь обозначает два принципиально важных момента, которые необходимо учитывать при оценке ЯС:

- 1) типологическая классификация языков по выполняемым ими социальным функциям;
- 2) выделение функциональных доминант, т. е. основных, наиболее важных, актуальных для данной языковой общности и её социально-коммуникативной системы сфер общения [Там же].

При измерении социальных функций языка необходимо, прежде всего, учитывать его демографическую и функциональную мощь. Первая

измеряется отношением числа говорящих на этом языке ко всему числу данной языковой общности и к общему числу населения исследуемой территории. Вторая показывает «соотношение сфер общения, в которых используется тот или иной язык, с совокупностью сфер общения, характерных для данной языковой общности» [Там же, с. 43]. Кроме того, автор считает нужным обратить особое внимание на тенденции функционирования языка — расширение или сужение его функций. На основании этих критериев В.Ю. Михальченко выделяет следующие функциональные типы языков России:

Тип I. Язык с глобальными социальными функциями — русский язык.

Тип II. Функционально развитые языки (татарский, чувашский, башкирский).

Тип III. Среднеразвитые языки (алтайский, бурятский, удмуртский и др.).

Тип IV. Языки с восстанавливаемыми социальными функциями (цахурский, карельский, калмыцкий)

Тип V. Языки с минимальными социальными функциями (языки малочисленных народов)

Тип VI. Языки с изолированными социальными функциями (внешние и внутренние диаспоры)

Тип VII. Языки временных языковых общностей (языковые общности мигрантов-гастарбайтеров).

В монографии Т.Г. Боргояковой «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» функциональную классификацию языков Российской Федерации предлагается выстраивать с учётом большего количества критериев, которые позволяют учитывать и историческую, территориальную закреплённость миноритарных языков. Важно отметить, что данный фактор также является определяющим в дефиниции региональных или миноритарных языков Европейской хартии региональных

языков или языков меньшинств [European Charter], что позволяет дифференцировать автохтонные языки и языки мигрантов, подчёркивая безусловный приоритет государственной защиты и поддержки языков коренных народов. Основные критерии, на основе которых строится данная функциональная классификация, приводятся ниже.

1) Локальное происхождение, с точки зрения которого языки делятся на автохтонные (коренные) и нетерриториальные (миграционные). В докладах России о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств указано 32 официальных языка, 37 языков коренных народов и 35 других «широко используемых» языков, или всего 104 языка [Замятин и др. 2012]. Автохтонными языками России являются языки народов, возникших и развившихся на российской территории; к нетерриториальным же языкам относятся языки «различных этнических групп, переселившихся в разное время на российскую территорию и проживающих здесь дисперсно или с определенной локализацией в разных субъектах России». Автор подразделяет нетерриториальные языки на несколько подгрупп в зависимости от времени переселения на российскую территорию и от наличия собственного государственного образования, однако мы не будем останавливаться на этом, поскольку область настоящего исследования ограничена автохтонными языками.

2) Количество носителей (мажоритарные, т. е. доминантные языки, и миноритарные, т. е. языки меньшинств). Мажоритарным языком в России является русский язык, выполняющий «все социальные функции, которые может выполнять человеческий язык», миноритарными — языки коренных народов России. Согласно дефиниции, предложенной в Европейской Хартии региональных или миноритарных языков [European Charter], к миноритарным языкам относятся языки народов, проживающих на своей традиционной территории в составе государств, в которых они представляют численно

меньшую группу по сравнению с остальным населением государства. В документе особо подчёркивается, что языки меньшинств отличаются от официального языка этого государства и не включают в себя ни диалекты официального языка, ни языки мигрантов.

3) Наличие или отсутствие письменности. С этой точки зрения Российской Федерации классифицируются как письменные и бесписьменные. По длительности письменных традиций литературно-письменные языки России, которых в нашей стране насчитывается более 50, делятся исследователями на четыре группы. К первой группе относятся языки, имеющие многовековую литературную традицию (например, татарский); вторую группу образуют языки, письменность которых была создана ещё в досоветскую эпоху благодаря миссионерской деятельности русского духовенства (например, алтайский, чувашский, якутский и др.); в третью группу входят младописьменные языки, получившие письменность на русской графической основе в 20-30-е годы XX века (например, башкирский, хакасский, тувинский и др.); четвертую группу составляют новописьменные языки, получившие письменность также на кириллической основе в последние три десятилетия XX века (например, долганский, тофаларский, рутульский и др.) [Баскаков, Насырова 2000, с. 52]. К категории бесписьменных относятся многие языки коренных малочисленных народов Севера, для которых особенно острой является угроза полной ассимиляции русскоязычным населением [Боргоякова 2002 (а), с. 53].

4) С административно-территориальной точки зрения языки России делятся на титульные и нетитульные. Титульный язык — это язык, название которого совпадает с названием этноса, именем которого назван субъект Российской Федерации. К ним относятся титульные языки республик, титульные языки автономных округов и титульный язык автономной области (русский язык также следует отнести к группе титульных языков, так как его название закреплено в наименовании российского государства). Наличие

собственного национально-государственного или национально-территориального образования является важным позитивным фактором функционирования и развития языков. Большое значение имеет также удельный вес коренного населения в национальных республиках и компактность его проживания, поскольку это во многом определяет реальные возможности использования языков в различных сферах общения. Нетитульными являются языки многочисленных этнических групп, дисперсно расселенных на российской территории. К ним относятся как миноритарные языки коренных народов России, не имеющие своих национально-территориальных образований, так и нетерриториальные (миграционные) языки, имеющие национально-территориальные образования за пределами России или вообще не имеющие таковых.

5) С точки зрения придания языку статусных функций Т.Г. Боргоякова подразделяет языки Российской Федерации на три группы:

- язык, имеющий статус общегосударственного языка;
- языки, имеющие статус государственного языка в соответствующих республиках;
- языки, не имеющие законодательно закрепленных статусных функций.

6) С точки зрения витальности на основе анализа выводов отечественных и зарубежных учёных языки народов Российской Федерации подразделяются на пять групп в соответствии с пятиступенчатой шкалой витальности. Автор анализирует эту шкалу и расположение на ней отдельных языков народов России следующим образом: «К высшей ступени (В1) следует отнести русский язык как *«наиболее витальный язык, перспективы существования которого не вызывают опасений»*. На следующей ступени находятся языки, к которым применена оценка *«высокой степени витальности»* (В2), например, татарский, башкирский, марийские. На третьей ступени располагаются языки, степень витальности которых определяется как *«достаточно высокая»* (В3), а перспективы функционального развития, как правило,

ограничиваются сферами образования, духовной культуры и массовой коммуникации. К этой подгруппе языков относятся бурятский, тувинский, якутский, удмуртский и др. К четвертой ступени (В4) можно отнести языки, «*витальность и перспективы сохранения и дальнейшего развития которых вызывают опасения*». Исходя из оценок исследователей, в эту подгруппу входят такие языки как, например, алтайский, даргинский, чеченский, а также большинство языков народов Севера. К последней подгруппе языков относятся *исчезающие языки* (В5), такие как орокский, керекский, энецкий и др.» [Боргоякова 2002 (б), с. 67]. По результатам исследования ЯС в Хакасии Т.Г. Боргоякова относит хакасский язык к четвёртой группе шкалы витальности.

Таким образом, хакасский язык по всем вышеперечисленным пунктам характеризуется как автохтонный миноритарный младописьменный титульный язык, имеющий статус государственного в Республике Хакасия, витальность и перспективы сохранения и дальнейшего развития которого вызывают опасения. Что же касается классификации В.Ю. Михальченко, то мы считаем возможным отнести хакасский язык к типу III так называемых среднеразвитых языков. И хотя исследователь отмечает, что «выделение функционально среднеразвитых языков (тип III) является условным, приблизительным, т. к. не существует сводимых достаточно полных исследований социальных функций этих языков» [Михальченко 2010, с. 45], мы находим именно этот тип наиболее подходящим для включения хакасского языка в функциональную классификацию. Для него характерно наличие языковой общности, проживающей относительно компактно в одной из республик, владеющей и использующей этот язык. Немаловажно, что язык имеет государственный статус; Правительством республики разрабатываются и реализуются целевые программы его сохранения и развития, что создаёт более благоприятные условия для его успешного функционирования. При

этом демографическая мощь хакасского языка невысока (число его носителей с каждым годом сокращается), а использование в приоритетных коммуникативных сферах ограничено. В то же время, нами выявлена тенденция к расширению его социальных функций в последние годы (см. главу III, параграф 3.1.). Результаты последних социолингвистических опросов позволили установить, что основной причиной нежелания представителей как доминантного, так и титульного этносов Республики Хакасия изучать хакасский язык и передавать его своим детям является узкая сфера применения государственного языка республики. Это даёт основание предположить, что наблюдающееся расширение его функционирования может послужить причиной замедления количественного роста русскоязычных монолингвов среди хакасов.

1.4. Основные подходы к изучению взаимосвязи языка и этнической идентичности

Взаимосвязь между языком и этнической идентичностью изучается исследователями давно и активно, однако единое мнение о характере этой взаимосвязи в научном сообществе до сих пор не выработано. Согласно одной концепции, язык теснейшим образом связан с этнической идентичностью, поэтому в случае утраты языка миноритарный этнос вскоре распадается, ассимилируясь с более многочисленным. Другая точка зрения состоит в том, что язык нельзя считать существенным компонентом этнической идентичности, поскольку истории известно немало случаев, когда утрата родного языка не привела к ассимиляции этноса, а использование одного языка несколькими этническими группами не стало причиной их объединения. Для понимания роли языка в этническом самосознании, необходимо, прежде всего, дать определение понятия «*этнос*».

Существует несколько важных критериев выделения этноса: объективные (язык, этноним, происхождение, территория, культура) и субъективные (сознание и самосознание, менталитет, чувства и эмоции, стереотипы, представление об общности происхождения, религия) [Асылгужин, 2005]. Какие же из них следует считать основополагающими? В различных терминологических словарях при определении этноса обязательно указывается на устойчивость этнической группы и общность территории, на которой она сложилась, а также на «особенности культуры (включая язык), психологического склада, а также сознание своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание) [Исаев, с. 179]. В «Словаре социолингвистических терминов» под редакцией В.Ю. Михальченко отдельно подчёркивается, что одним из главнейших этнических и этносоциальных признаков является язык [ССТ 2006, с. 252].

Несомненно, язык – одна из объективных основ формирования этноса, накладывающая на него свой отпечаток, однако отличительной чертой любого этноса, прежде всего, является этническое самосознание, называемое исследователями «субъективированной формой проявления этничности» [Асылгужин 2005, с. 52]. Собственно *этничность* Р.Р. Асылгужин считает «одним из важнейших и объективных явлений, разворачивающихся в современных условиях на фоне складывающегося противоречия: с одной стороны, интенсивная и усиливающаяся тенденция унификации этносов на основе глобализации общественной жизни, с другой – стремления к сохранению этнического своеобразия» [Там же]. Другими словами, этничность предполагает сознание не только своего единства, но и отличия от других этносов. На наш взгляд, наиболее удачное определение этому понятию было дано В.И. Козловым, по словам которого « “этничность” в своем первичном значении может пониматься как совокупность признаков или свойств, отличающих один реально существующий этнос от другого. А что сверх того, то это... «от лукавого»...» [Козлов 1995, с. 50].

С представлением об этничности напрямую связано понятие *этнической идентичности*, которое исследователи определяют как «осознание личностью своей принадлежности к определенной этнической группе, а также разного рода представления, образы мыслей и чувства, разделяемые членами этнической группы» [Асылгужин 2005, с. 52]. С понятием этнической идентичности напрямую связано понятие *этнической самоидентификации*, особым фактором которой является язык.

Следует отметить, что многие исследователи причисляют язык к важнейшим признакам выделения этноса. Так, Ю.В. Бромлей отмечает: «...При определении основных признаков как этнических образований вообще, так и отдельных их типов, язык уже давно неизменно выдвигается на первое место, и для этого есть достаточные основания» [Бромлей 2008, с. 111]. Р.Р. Асылгужин выражает согласие с этой точкой зрения: «Язык принадлежит к одним из основных признаков этничности и удерживается в самосознании народа довольно устойчиво... Поэтому самобытность нации проявляется не только через общность культуры, но и через язык - как формы особого восприятия мира» [Асылгужин, с. 38]. В.П. Нерознак считает язык доминантным признаком этноса, от которого целиком и полностью зависит вопрос его (этноса) существования: «Утрачивая язык, народ перестаёт психологически осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, мажоритарные этносы» [Нерознак 1994, с. 18].

На наш взгляд, значимость языка нельзя недооценивать, но при этом его сложно назвать определяющим фактором этничности. Как было сказано выше, к объективным критериям выделения этноса, помимо языка, относятся происхождение, культура, территория, к субъективным – менталитет, чувства и эмоции, стереотипы и многое другое. Ни один из этих факторов в отрыве от всех прочих не может определять этническую идентичность индивида, однако язык является важной составной частью этнического самосознания, а

потому его значительную роль в процессе этнической самоидентификации нельзя игнорировать.

Традиционно концепции этничности делятся на две большие группы – примордиалистские и конструктивистские. Исходя из цели и задач нашего исследования, мы рассмотрим их, главным образом, с позиций взаимосвязи языка и этнической идентичности.

Наличие и особый характер этой взаимосвязи признаётся большинством авторов различных социопсихологических исследований. По словам Э.В. Хилхановой, в примордиалистской трактовке этничность базируется на природном, исконном чувстве близости людей, а в работах, где реализован примордиалистский подход, утверждается наличие имманентной связи языка с этнической идентичностью. Учёные, разделяющие эту точку зрения, склонны считать, что с потерей языковой компетенции понижается значение языка в структуре этнической идентичности, а вслед за ним и других компонентов идентичности. Происходит языковая, а затем и этническая ассимиляция [Хилханова 2009, с. 57-58]. О примордиалистской трактовке взаимосвязи языка и этничности пишет Дж. Фишман: «В примордиалистских кругах связь между языком и этничностью зачастую считается незыблемой святыней, *materia sancta*, подтверждаемой Богом... Таким образом, она считается морально обязательной, неоспоримой и закрепляемой священными связями между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности кажется невозможным без традиционно связанного с нею языка. «Свидетельства» одновременного исчезновения в прошлом языка и этничности — от величественных римлян и шумеров до немногочисленных обитателей острова Мэн и австралийских аборигенов — прекрасно известны и приводятся многими» [Фишман 2005].

Противоположная – конструктивистская – позиция состоит в том, что этносы и этничность являются искусственно созданными конструктами, ключевая роль в возникновении и существовании которых принадлежит

государству. Один из самых заметных представителей конструктивистского лагеря Б. Андерсон придерживается точки зрения, согласно которой нация является воображаемой политической общностью, которая со временем становится реальностью, социальным фактором в той мере, в какой массы обретают веру в то, что она существует [Андерсон 2001]. Естественно, при таком подходе язык не считается учёными-конструктивистами существенным компонентом этнической идентичности. В качестве примера можно привести языковую ситуацию современной Украины, социолингвистические процессы в которой свидетельствуют об исключительно большом значении, которое придаётся использованию украинского языка населением этой страны. Титульный язык воспринимается украинцами как существенная часть украинской этнической идентичности, однако данные переписи населения 2001 года свидетельствуют о том, что считают родным русский язык пять с половиной миллионов этнических украинцев (это 11,5% населения страны) [Берегсаси, Черничко 2010], что, однако, не приводит к их ассимиляции с русским этносом. Как пишет Дж. Фишман, «то же происходит и в различных диаспорах: многие евреи, которые не говорят ни на идише, ни на иврите, по-прежнему считают себя евреями; в США многие англоязычные латиноамериканцы (например, проживающие в Нью-Йорке) по-прежнему считают себя латиноамериканцами. И в Испании многие говорящие на испанском баски по-прежнему считают себя басками (чего нельзя сказать о тех, кто говорит на каталанском языке)» [Фишман 2005].

Противостояние между примордиализмом и конструктивизмом насчитывает не одно десятилетие, причём споры между сторонниками этих подходов до сих пор не утихают. По меткому выражению Дж. Фишмана, «каждая из сторон может найти — и находит — «свидетельства», соответствующие своим основным посылкам, и все время ссылаться на них. То, что для одного лагеря составляет извечную и необходимую связь, другому кажется всего лишь случайной деталью, без которой запросто можно

обойтись» [Там же]. На наш взгляд, истина в этих спорах, как всегда, где-то посередине. С одной стороны, язык нельзя назвать определяющим критерием этничности, о чём свидетельствуют приведённые выше примеры некоторых этнических общностей, представители которых не владеют языком своего народа или не считают его родным, но при этом не причисляют себя к тому этносу, чьим языком пользуются. С другой стороны, язык, несомненно, остаётся значительной характеристикой этнической идентичности, что, на наш взгляд, доказывается фактом наличия успешного опыта некоторых народов по ревитализации утраченных этнических языков (см. [Боргоякова 2001]): не владея языком своих предков, народы теряют связь с их наследием, что побуждает их к поиску способов восстановления этой связи. Очевидно, что процесс возрождения утраченного языка требует огромных затрат времени, средств и человеческих ресурсов, а потому невозможно себе представить, чтобы такой шаг был предпринят без исключительно важных на то причин, главной из которых является острейшая потребность народа в родном языке. И сколько бы ни провозглашалась идея о постепенном отмирании языка и этничности, которым якобы не будет места в будущем мире, сколько бы ни велось разговоров о том, что человечество объективно нуждается в гораздо меньшем количестве языков и культур, чем ныне существует, пути исторического развития народов мира доказывают обратное. Популярный некогда лозунг «одна нация, один народ, один язык» доказал свою полнейшую несостоятельность и остался в прошлом. Попытки построения советского общества, в котором будут стёрты все национальные различия, а для полноценной коммуникации будет достаточно одного лишь русского языка, окончились провалом. Политика «плавильного котла» («melting pot»), предполагающая, что «снятие межкультурных противоречий возможно через активное перемешивание культур, нивелирование расовых, этнических и конфессиональных различий» [Чистанов 2012, с. 15] также оказалась неэффективной. Всё это говорит о том, что понятие этничности в

настоящее время столь же актуально, как и раньше, а поскольку важной характеристикой этнической идентичности является язык, вопросы сохранения и развития языков народов мира не теряют своей значимости.

С вопросом взаимосвязи языка и этничности напрямую связан вопрос языка и культуры. Древний афоризм «Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык», приписываемый Пифагору, находит отчётливое выражение в известной гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, согласно которой структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Несмотря на неоднозначность этой концепции, она легла в основу перспективного направления современного языкознания, называемого этнолингвистикой. Эта научная дисциплина изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка [ССТ 2006, с. 250]. Появление такого учения в очередной раз доказывает всю важность глубокого изучения языка во всём многообразии его взаимосвязей с этничностью и культурой в русле современной антропоцентрической парадигмы.

Выводы

Необходимость анализа релевантных для данного исследования понятий связана с многозначностью большинства социолингвистических терминов, применяемых для изучения софункционирования языков в условиях контактного билингвизма. Для характеристики языковой ситуации в РХ важным является анализ такого явления как *языковой сдвиг* и связанных с ним понятий *языковой лояльности*, *выбора языка* и *родного языка*. Рассмотрение различных параметров исследования двуязычия позволило выявить особенности развития билингвизма в РХ, который может быть охарактеризован как массовый, естественный, контактный и асимметричный.

Выявлены основные направления изучения функциональной стороны языка в отечественной и зарубежной социолингвистике, проанализировано понятие *языковая ситуация*, представлены основные типологии языковых ситуаций с применением их к объекту исследования – языковой ситуации в Республике Хакасия. Теоретико-методологическую основу диссертации составляет позиция, согласно которой к важнейшим функциям языка относятся коммуникативная и этническая, что определяет необходимость проведения глубокого анализа функционирования языков в различных коммуникативных сферах, с одной стороны, и проблем этнической идентификации, с другой. Изучение истории вопроса по определению места хакасского языка в различных функциональных типологиях и классификациях vitality позволяет охарактеризовать хакасский язык как автохтонный младописьменный титульный язык, имеющий статус государственного в Республике Хакасия, перспективы сохранения и дальнейшего развития которого являются нестабильными. Хакасский язык относится к типу среднеразвитых языков (по терминологии В.Ю. Михальченко), так как он характеризуется наличием языковой общности, относительно компактно проживающей на своей исконной территории, использующей родной язык. Однако демографическая мощь хакасского языка невысока, а использование в приоритетных коммуникативных сферах ограничено (более подробно этот момент рассматривается в последующих главах настоящей диссертации). Языковая ситуация в Республике Хакасия характеризуется как двухкомпонентная, демографически неравновесная (представители русского этноса составляют около 80% жителей региона, хакасы – 12%) и коммуникативно несбалансированная (в коммуникативном пространстве региона русский язык представлен повсеместно, а хакасский – только в некоторых социальных сферах, о чём подробно рассказывается в главе III), что связано с особенностями этнолингвистической и социально-экономической структуры республики. Вместе с тем, за прошедшее

десятилетие увеличилось количество языков, официально функционирующих в коммуникативном пространстве Республики Хакасия. В группе «малых» языков помимо немецкого и чувашского теперь представлен шорский язык, появившийся в официальном дискурсе в связи с предоставлением ему государственной поддержки. В группе «специальных» языков, которые преподаются в РХ как иностранные, появились китайский и польский языки.

Анализ основных подходов к изучению взаимосвязи языка и этнической идентичности, сопровождаемый рассмотрением ключевых для данного вопроса терминов *этнос*, *этничность*, *этническая идентичность*, позволяет прийти к выводу о том, что язык нельзя назвать определяющим критерием этничности, однако он, являясь важной составной частью этнического самосознания, несомненно, остаётся существенным фактором этнической идентичности, что доказывается фактом наличия успешного опыта и продолжающейся борьбы по ревитализации утраченных этнических языков. Важность комплексного подхода к изучению языковых ситуаций в полиэтнических регионах актуализируется выводами учёных об опасности исчезновения, которая угрожает многим языкам этнических меньшинств РФ, и динамикой языковой ситуации в РХ.

ГЛАВА II.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

2.1. Этнодемографическая структура населения РХ

Анализ особенностей языковой политики Республики Хакасия следует начать с краткого ознакомления с демографическим составом республики и её этнолингвистической структурой. Хакасия вошла в состав Российской империи более 300 лет назад – в 1707 г. В 1930 г. была образована Хакасская автономная область в составе Красноярского края, а в 1992 г. Хакасия стала самостоятельным субъектом Российской Федерации, получив своё современное название – Республика Хакасия. В настоящее время в состав республики входит 8 районов, 5 городов, 8 посёлков городского типа, 264 сельских населенных пункта [Население РХ за 2002-2012 годы]. Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года, численность населения республики составляет 532403 человек [Окончательные итоги переписи].

В приведённой ниже таблице 2 отражён этнический состав населения РХ по результатам переписи 2010 г.

Таблица 2

Национальный состав населения Республики Хакасия

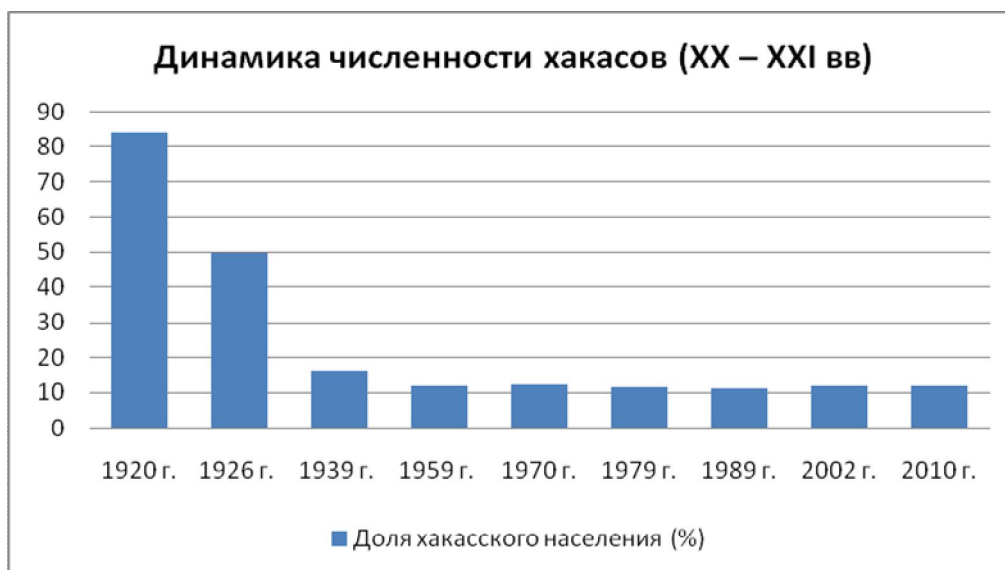
Национальность	Численность, чел.	% от общего числа населения
Русские	427647	81,7
Хакасы	63643	12,1
Немцы	5976	1,1
Украинцы	5039	1,0

Татары	3095	0,6
Шорцы	1150	0,2
Другие национальности	17164	3,3

По-прежнему сохраняется особенность этнического состава населения РХ, отмеченная Т.Г. Боргояковой в 2002 г.: по национальному составу населения Хакасия сходна с Российской Федерацией в целом, где более 80% населения составляет доминантный русский этнос, на втором месте по численности – коренные тюркоязычные народы [Боргоякова 2002 (а), с. 128].

По данным переписи населения 2010 г., общая численность хакасов в РФ в настоящее время составляет чуть менее 73 тысяч человек (0,05% населения Российской Федерации). Изменения в численности хакасов за 90 лет XX – начала XXI в.в. представлены в диаграмме 1.

Диаграмма 1

Как видно из приведенной диаграммы, начиная со второй половины 30-х годов прошлого столетия, хакасы составляют менее 20% населения со снижением этой доли до немногим более 11% в течение последних 50 лет. С 2002 года наблюдается некоторое увеличение доли хакасов в национальном составе республики, что может быть связано как с выделением Хакасии из

состава Красноярского края и её преобразованием в самостоятельный субъект Российской Федерации, так и с выходом союзных республик из состава СССР, вызвавшим усиление миграционной активности выходцев из регионов России (см. об этом [Боргоякова, Гусейнова 2012, с. 234]. Этот тезис подтверждается и данными следующей таблицы, которые свидетельствуют о том, что в течение XX века численность хакасов в Хакасии постепенно уменьшалась, однако в последние два десятилетия их миграционная активность снизилась, а количество хакасов, проживающих на своей исторической родине, увеличилось почти на 9%.

Таблица 3

Динамика численности и миграционной активности хакасов

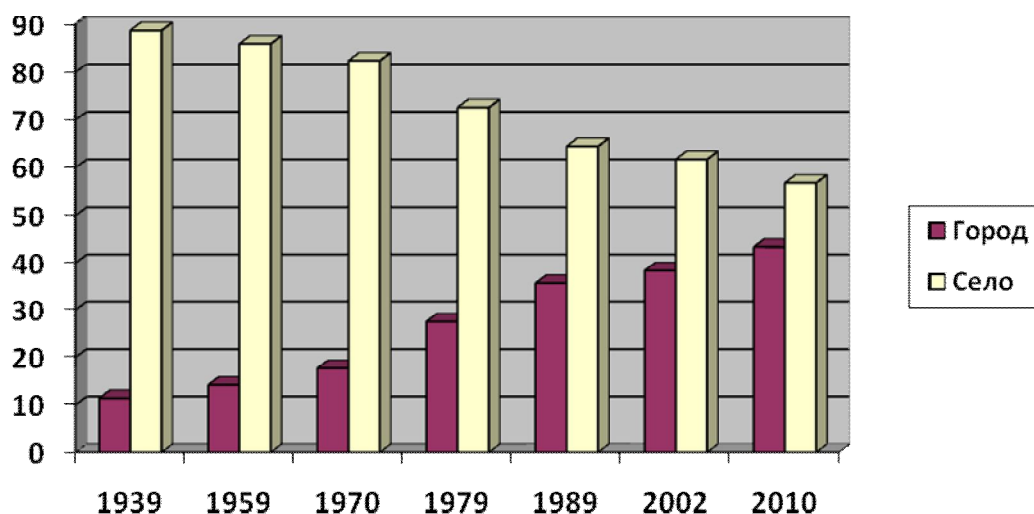
Год	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Всего хакасов (тыс. человек)	42,7	45,6	52,8	56,8	66,7	70,8	80,3	75,6	72,9
Численность хакасов в Хакасии (тыс. человек)	41,0	44,2	44,7	48,5	54,7	57,3	62,9	65,4	63,6
Численность хакасов в Хакасии (%)	96	96,9	84,7	85,4	82	80,9	78,3	86,5	87,2

Численность и доля носителей языка в структуре автономии являются важными индикаторами оценки демографической мощности языка, которые, как правило, оказывают влияние на уровень языковой компетенции на родном языке в иноязычном окружении. Как видно из приведённой таблицы, в течение XX века численность хакасов постепенно росла, однако в начале XXI века происходит её снижение – очевидно, что демографические проблемы, характерные для всей России с 1992 года, сказались и на хакасах. В течение рассматриваемого периода произошли также определенные изменения в расселении хакасов, на которое заметно повлияла урбанизация. Следующая

диаграмма даёт представление о динамике соотношения удельного веса городского и сельского хакасского населения:

Диаграмма 2

Динамика соотношения удельного веса городского и сельского хакасского населения

Данные за период с 1939 по 2002 год представлены в монографии В.П. Кривоногова «Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы» (Абакан, 2011), данные за 2010 год – в материалах Всероссийской переписи населения. Отметим, что в целом по Хакасии доля городского населения составляет 67,3%, сельского – 32,7%. Среди хакасов, как видно из диаграммы, данное соотношение несколько иное (городские хакасы составляют 43,3%, сельские – 56,7%). Констатируя преобладание сельского характера проживания хакасов, следует отметить, что оно является по преимуществу дисперсным, что отрицательно сказывается на уровне владения родным языком. И хотя общеизвестным фактом является то, что язык лучше сохраняется в сельской местности в местах компактного проживания этноса, можно предположить, что наблюдающаяся динамика урбанизации хакасского населения может оказать определенное позитивное влияние на расширение функционирования государственного языка

республики в городском пространстве. По словам В.П. Кривоногова, «происходящее в последние десятилетия перераспределение городского хакасского населения указывает на его всё большую концентрацию в административном центре – городе Абакане» [Кривоногов 2011, с. 19].

К сожалению, в офисе и на сайте Территориального органа Федеральной службы статистики по Республике Хакасия нам не удалось найти данных по национальному составу жителей Хакасии, проживающих в городах и районах нашей республики в 2010 году. Данные за 2002 год, представленные в статистическом сборнике под редакцией Т.С. Гернего [Население РХ по национальному составу], говорят о том, что наибольшее количество представителей титульной национальности Хакасии проживает в Аскизском районе нашей республики. На втором месте по этому показателю – Абакан, далее следует Таштыпский район. В целом данные о распределении хакасского населения по республике Хакасия представлены в следующей таблице:

Таблица 4

***Проживание коренного населения в городах и районах Хакасии
(2002 г.)***

Город / район	Всего хакасов, чел.	Доля от общего числа проживающих в РХ хакасов, %
г. Абакан	18468	28,3
г. Саяногорск	608	0,9
г. Черногорск	1104	1,7
Алтайский р-н	2411	3,7
Аскизский р-н	20695	31,7
Бейский р-н	4290	6,6
Боградский р-н	563	0,8
Орджоникидзевский р-н	1899	3

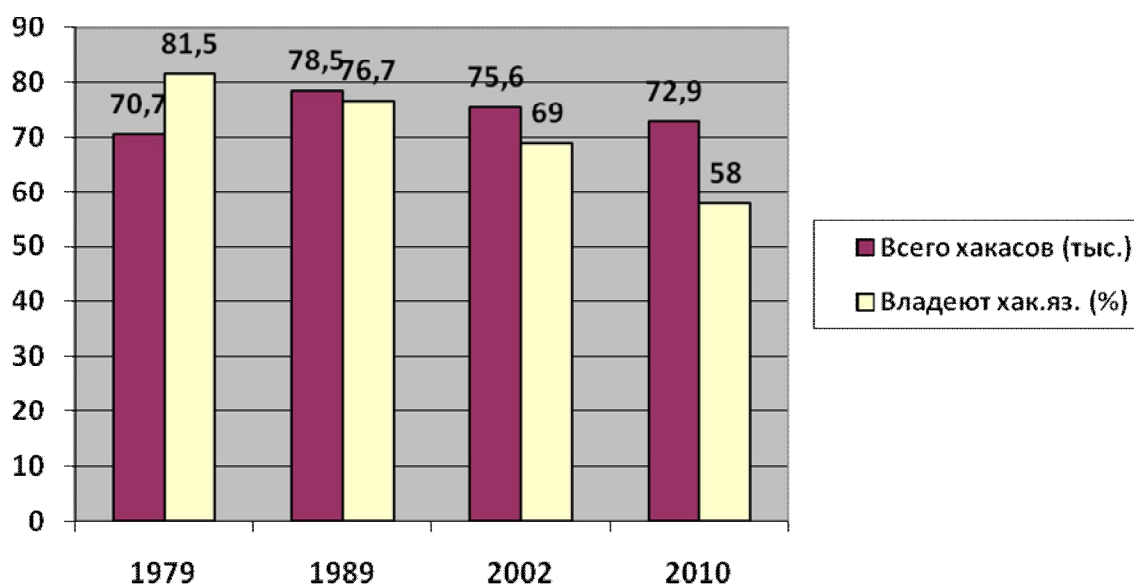
Таштыпский р-н	7769	12
Усть-Абаканский р-н	3598	5,5
Ширинский р-н	3769	5,8

По результатам массового опроса 2008-2009 г.г. В.П. Кривоногов приводит данные, согласно которым 43,1% хакасов считают своим родным языком русский, причём для городских жителей этот показатель значительно выше, чем для сельских [Кривоногов 2011]. При этом в 1989 г., согласно данным учёного, доля русскоязычных хакасов, то есть хакасов с родным русским языком, проживающих в пределах Хакасии, составляла 16,7%, в 1979 г. – 13,4%, в 1959 г. – всего 9,8%.

Российские переписи населения 2002 и 2010 г.г. не содержали вопроса о родном языке, однако в них был включен вопрос о владении языками. Анализ результатов двух последних переписей показывает, что в 2002 г. 69% хакасов указали, что владеют хакасским языком, а в 2010 г. их доля снизилась до 58,3%. Таким образом, за последние годы в республике произошёл весьма ощутимый рост количества хакасов, признающих себя русскоязычными монолингвами.

Более наглядная картина изменения численности хакасского населения и владения им родным языком, демонстрирующая постепенное снижение количества хакасов, признающих этнический язык родным или заявляющих о его владении, представлена в диаграмме № 3:

**Динамика численности и языковой лояльности
хакасского населения**

Источником приведённой в диаграмме 3 информации послужил электронный информационный бюллетень «Demoscope Weekly» (www.demoscope.ru) и сайты Всероссийских переписей населения 2002 (www.perepis2002.ru) и 2010 годов (www.perepis-2010.ru), а также краткий социолингвистический очерк А.Н. Баскакова и О.Д. Насыровой «Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации» [Баскаков, Насырова, 2000]. Как было сказано выше, две последних переписи не содержали вопроса о родном языке, поэтому в соответствующие колонки таблицы включен пункт «Владение языком».

В условиях стремительного снижения числа говорящих на хакасском языке, которое зафиксировано переписями населения и исследованиями учёных, огромное значение приобретает республиканская языковая политика, анализ которой приведён в следующем разделе.

2.2. Официальное регулирование языковых процессов

Языковая политика определяется исследователями как совокупность мер, предпринимаемых государством для активного воздействия на процессы языковой жизни общества. Как пишет М.И. Исаев, сюда же относятся «языковые аспекты национальной политики, а также вопросы конкретного регулирования проблем, связанных с взаимодействием в коллективе различных языковых образований..., а также вопросы нормирования и стандартизации литературных языков» [Исаев 2003, с. 182]. Авторы «Словаря социолингвистических терминов» предлагают классификацию типов языковой политики на основе таких критериев как ретроспективность/перспективность (т.е. ориентация на сохранение существующей языковой ситуации или на её изменение) и демократичность/недемократичность (т.е. учёт интересов всех народов страны либо только доминирующего) [ССТ, с. 265]. По мнению М.И. Исаева, наиболее прогрессивной является языковая политика, основанная на демократических принципах равноправия всех языков и возможности свободного выбора языка общения гражданами полиэтнического сообщества [Исаев 2003, с. 182].

Под языковой политикой часто понимается также языковое строительство и языковое планирование. На последнем пункте имеет смысл остановиться более подробно, поскольку в многонациональных государствах, для которых характерно функционирование различных языков в условиях контактного билингвизма, эффективность языкового планирования приобретает особую актуальность. Вслед за Т.Г. Боргояковой мы выделяем три основных элемента языкового планирования:

- планирование статуса языка
- планирование стандартизации языка
- планирование функционирования языка [Боргоякова, 2008]

Статусное планирование относится не только к юридическому статусу языка, но и к его фактическому статусу, то есть возможности использования языка в повседневной жизни. Здесь следует более подробно остановиться на таких понятиях как «государственный» и «официальный язык». Как известно, государственным называется язык, закреплённый в качестве такового в конституции страны, официальным — основной язык государства, используемый в делопроизводстве, судопроизводстве и других официальных сферах. На первый взгляд, эти понятия кажутся синонимичными (и потому часто употребляются в качестве синонимов), однако не всегда являются таковыми в реальности. Как пишет Н.А. Забелина, «национальный язык может и не иметь официального статуса и, тем не менее, фактически использоваться в качестве языка учреждений, из которых будут исключены другие разновидности языка» [Забелина, 2010]. Ярким примером такой ситуации является английский язык в США и Великобритании. Возможна и обратная ситуация: национальный язык на определенной территории провозглашается государственным, однако по ряду причин (главной из которых является незнание языка большей частью населения) в качестве государственного в полной мере не используется. Следует признать, что во многих субъектах Российской Федерации положение региональных языков именно таково. В 1992 году Федеральным законом «О языках народов РФ» национальным республикам России была предоставлена возможность придания официального статуса своим титульным языкам, а также было предусмотрено функционирование титульных языков национальных республик России наряду с русским в приоритетных коммуникативных сферах. Однако по ряду причин, среди которых преобладание русского языка и русского населения в республиках, неразвитость функциональных стилей национальных языков, многие из которых являются младописьменными, а также всё сокращающееся число носителей миноритарных языков, статус государственного для многих титульных языков национальных республик РФ

оказался лишь формальностью. Согласно Европейской Хартии региональных или миноритарных языков [European Charter], приоритетными социальными сферами, благополучное функционирование в которых является показателем реального статуса языка, необходимо считать следующие сферы:

Образование;

Юридические органы;

Административные органы и сфера общественных услуг;

Средства массовой информации;

Культурная деятельность;

Экономическая и социальная жизнь;

Международный обмен.

Многочисленные социолингвистические исследования свидетельствуют о том, что далеко не все миноритарные языки России, провозглашённые государственными в соответствующих субъектах РФ, активно используются во всех перечисленных сферах (см., например, [Алпатов, 2005]). Однако недооценивать факт придания языку столь высокого статуса тоже не следует, поскольку он заметно увеличивает шансы на позитивные перемены в реальном функционировании языка при условии грамотной языковой политики. Государственный язык пользуется особой поддержкой государства, что в условиях стремительного сокращения числа его носителей является шансом на его спасение.

Планирование стандартизации языка, или корпусное планирование, - это целенаправленная деятельность человека, предполагающая внесение изменений в саму систему языка. Этот элемент языкового планирования подразумевает создание письменности, разработку орфографических норм, создание литературного варианта языка, развитие терминологии, а также последующую модернизацию языка. Наконец, планирование функционирования языка напрямую связано с его использованием и сохранением. Как справедливо отмечает Т.Г. Боргоякова, «самые лучшие

результаты в двух предыдущих элементах языкового планирования окажутся бесполезными, если язык не используется даже его носителями. Можно придать языку максимально высокий статус, законодательно закрепить самые широкие права по его использованию во многих сферах социальной жизни, но эти права останутся лишь потенциальной возможностью, если не будет народа, который захочет этими правами воспользоваться» [Боргоякова, 2008, с. 26]. Планирование функционирования языка предполагает главным образом восстановление естественной межпоколенной передачи языка в семье, а также обеспечение образовательного процесса и создание благоприятной языковой среды. Основной целью данного этапа языкового планирования является сохранение и постепенное увеличение количества лиц, говорящих на миноритарном языке и изучающих его. Этот этап отчасти перекликается с тем, что известный ирландский учёный, эксперт Совета Европы Д. О'Риаган называет «планированием приобретения языковых навыков», самым важным фактором которого является «передача языка от поколения к поколению» [О'Риаган, 2010]. При появлении признаков нарушения межпоколенной передачи языка государственная языковая политика становится особенно важной. Разумеется, истории известны случаи индивидуального языкового планирования, когда «собственную «языковую политику» осуществляют отдельные личности – точнее, когда их действия приводят к заметным изменениям в судьбе языка» [Вахтин, Головкин, 2004, с. 164]. Кроме того, собственную языковую политику может иметь любое учебное и производственное учреждение – в этом случае языковое планирование реализуется на микроуровне [О'Риаган, 2010, с. 20]. Однако именно языковая политика государственного уровня может обеспечить миноритарному языку ту поддержку, без которой перспективы его существования оказываются под угрозой. В свою очередь, утрата родного языка и культуры миноритарным этносом может отрицательно сказаться на состоянии межнациональных отношений в полиэтнической среде, стать

причиной негативного отношения к доминантному этносу и даже породить агрессивный национализм. Поэтому важность языковой политики в формировании и поддержании спокойных и ровных межнациональных отношений нельзя недооценивать. Игнорирование вопросов взаимодействия различных языков на одной территории со временем может перерасти в серьёзные межэтнические конфликты.

2.3. Языковая политика как фактор нейтрализации языковых конфликтов

Языковой конфликт определяется как социальный конфликт, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком и/или языковой политикой государства. Авторы «Словаря социолингвистических терминов» подразделяют языковые конфликты на внутриэтнические и межэтнические, причём вторые считаются особенно опасными, поскольку протекают очень остро и потому могут привести к самым плачевным последствиям [ССТ, с. 116].. Как пишут Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки, «часто причиной языкового конфликта является политика *глоттофагии* – подавление и вытеснение языка меньшинства языком доминирующей группы, переход от многоязычия к одноязычию (переход на другой язык), или, иначе, языковая ассимиляция» [Вахтин, Головки, 2004, с. 177]. Следовательно, для своевременной нейтрализации языкового конфликта необходима взвешенная языковая политика – она в определенной степени является залогом успешного развития культуры и межкультурной коммуникации, а значит, способствует и формированию культуры толерантности. Как было сказано выше, игнорирование вопросов языковой политики, напротив, приводит к обострению межнациональных отношений, провоцируя недоверие соседствующих этносов друг к другу.

Межнациональные отношения в Республике Хакасия традиционно характеризуются как ровные и стабильные, а уровень согласия и взаимного доверия народов, населяющих республику, довольно высок. Исследователи отмечают, что «стабильному фону способствует отсутствие религиозной розни и изоляционизма этнических общностей, позиция национальной и в целом республиканской интеллигенции, сравнительно большое количество смешанных браков. В Хакасии нет влиятельных политических сил, вооружённых идеями национального радикализма» [Боргоякова, 2003, с. 23]. Вместе с тем, о полном благополучии в сфере межэтнических отношений говорить пока рано. Согласно исследованиям социологов и этнологов Хакасии, «при относительной стабильности межнациональных отношений вызывает тревогу разное видение проблем по ряду позиций самыми многочисленными национальными группами – русскими и хакасами. В республике налицо признаки скрытой формы национальной напряжённости... Эта форма не менее опасна, чем открытая, ибо она труднее контролируется и прогнозируется» [Этносоциальная ситуация..., 2006, с. 26]. Авторы исследования указывают, что респонденты-хакасы считают состояние межнациональных отношений в регионе более напряжённым. Они чаще сталкиваются с ущемлением или даже игнорированием интересов своей национальной группы, особенно если речь идёт именно о культурных интересах.

Межнациональную напряжённость в регионе могут подпитывать и негативные этнические стереотипы. Этот аспект межкультурного общения был исследован Т.Г. Боргояковой с помощью психолингвистического (ассоциативного) эксперимента, в котором приняли участие представители двух основных этносов, проживающих на территории Республики Хакасия. Несмотря на то, что в составе гетеростереотипов (представлений о других) как хакасских, так и русских респондентов большую часть составляют нейтрально-позитивные характеристики, негативные стереотипы тоже

представлены, причём с ощутимым расхождением. Так, 87% русских и 64% хакасов оценивают соседний этнос в целом положительно, а доля негативных гетеростереотипов равняется 13% и 36% соответственно. Автор исследования пишет: «Разница в 23%, несомненно, вызвана взаимоотношениями большинства и меньшинства, которые практически всегда сопряжены с социальной несправедливостью и ущемлённым положением меньшинства» [Боргоякова, 2007, с. 17]. Анализ реакций хакасских респондентов показывает, что, помимо всего прочего, в негативных гетеростереотипах о русских находят отражение и проблемы, связанные с языковой ситуацией в регионе. Представители коренного этноса болезненно воспринимают то, что у доминирующего этноса практически отсутствует желание изучать и понимать иной язык, а значит, и иную культуру, иной менталитет и образ мира. Кроме того, порой представителям этнических меньшинств приходится сталкиваться с пренебрежительным или даже враждебным отношением со стороны большинства. К сожалению, вопиющие факты такого отношения случаются и в Хакасии. Один из таких случаев освещался на страницах интернет-издания «Новый фокус» в статье «"Езжайте в свой Аскиз" или об употреблении хакасского языка в Хакасии» [«Езжайте в свой Аскиз»]. В материале рассказывается об инциденте, который произошел 7 сентября 2012 года в Таштыпском районном суде. Во время перерыва судебного заседания слушательница, присутствовавшая в зале суда, обратилась с вопросом на хакасском языке к истцу и представителю истца. В разговор вмешалась ответчик, которая в грубой форме потребовала не разговаривать на «неприятном» для неё языке, сопроводив своё требование словами: «Езжайте в свой Аскиз и там разговаривайте на вашем языке!». В тот же день оскорблённая слушательница, к которой была обращена эта фраза, обратилась в МО МВД РФ «Таштыпский» с заявлением, в котором просила привлечь оскорбившую её женщину к ответственности за разжигание межнациональной розни и унижение национального достоинства. Однако в

Прокуратуре Таштыпского района заявительнице было отказано в производстве дела об административном правонарушении (оскорблении), поскольку «высказывание пожелания о запрете разговора на национальном языке само по себе не носит оскорбительный характер и не является унижением, поскольку не затрагивает и не умаляет какие-либо качества определенного человека». На наш взгляд, даже сам факт «пожелания о запрете разговора на национальном языке», которое было выражено в столь грубой форме, уже является показателем серьезного неблагополучия в сфере межнациональных отношений. Однако то, что это не было сочтено оскорблением и, соответственно, осталось безнаказанным, заставляет особенно глубоко задуматься о возможных последствиях этой истории, среди которых – межэтническая напряженность, взаимное недоверие соседствующих этносов, возникновение националистических настроений.

В качестве примера потенциально конфликтной ситуации, способной актуализировать обострение межэтнических отношений, Л.В. Анжиганова приводит реорганизацию Института саяно-алтайской тюркологии (ИСАТ) в результате укрупнения учебных структур Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, которое было весьма болезненно воспринято некоторой частью общества. По словам учёного, «обсуждение проблем хакасского языка в СМИ, круглых столах общественности, в конечном счёте, привело к выводу о том, что коренной народ республики испытывает серьёзные трудности в сохранении и развитии» [Анжиганова 2013, с. 6]. Более подробно это событие и его последствия рассматриваются в третьей главе настоящей работы, однако в контексте рассмотрения языковой политики как фактора нейтрализации языковых конфликтов следовало бы отметить, что активные общественные дискуссии, разгоревшиеся в связи с закрытием ИСАТ, с одной стороны, говорят о равнодушии населения Хакасии к судьбе регионального языка, а с другой – свидетельствуют о наличии скрытой формы межнационального конфликта в РХ.

На наш взгляд, изложенное выше свидетельствует о том, что даже в таком внешне спокойном регионе, как Республика Хакасия, могут иметь место некоторые проявления межэтнической напряженности, которая, впрочем, возможна в любой полиэтнической среде. Это значит, что для предотвращения открытых межнациональных конфликтов необходимо максимально учитывать интересы всех национальных групп, проживающих на территории региона. Особую роль здесь, несомненно, играет грамотная языковая политика. «Хотя, как отмечают социолингвисты, инцидентов или конфликтов на языковой почве не наблюдалось, недовольство положением родного языка может подспудно накапливаться и лежать в основе более крупных этнических разногласий», – пишет Г.А. Дырхеева. [Дырхеева, 2002, с. 121]. Следовательно, во избежание таких разногласий языковая политика региона должна быть продумана очень тщательно. Как справедливо отмечают исследователи, «основу наиболее прогрессивной языковой политики составляет принцип равноправия всех языков и свобода выбора языка гражданами многонационального общества» [Исаев, 2003, с. 182]. Очень большое значение имеет признание языка на государственном уровне. (Так, Г.А. Дырхеева рассматривает принятие языковых законов в России как «шаг к нормализации языковых ситуаций в национальных регионах, а в ряде случаев – и ликвидации напряжения, гашения языковых конфликтов» [Дырхеева, 2002, с. 121]). Представляется также необходимым предусмотреть целый комплекс мер для сохранения и развития национального языка, иначе угроза для его будущего не устранится, а связанная с этим тревога его носителей и, как следствие, нарастание конфликтности в обществе продолжит возрастать. В этот комплекс, несомненно, должно входить введение школьного обучения национальному языку (хотя бы как иностранному), расширение использования языка в средствах массовой информации, активное внедрение его в “язык города” и многое другое. Эти меры призваны повысить престижность языка, расширить сферы его употребления, вывести его за

рамки семейно-бытового общения и, следовательно, по возможности свести к минимуму угрозу его исчезновения, что, конечно, будет только способствовать формированию благоприятного социального климата в регионе. Однако помимо всего этого целесообразным было бы создание центров изучения языка, где он преподавался бы всем желающим независимо от национальности. В настоящее время изучение миноритарного языка этническим большинством – явление довольно редкое (возможно, в силу низкой осведомлённости населения о преимуществах билингвизма); но при этом именно желание изучить язык соседей, приобщиться к их культуре могло бы как ничто другое сплотить соседствующие народы, объединить и сроднить их. Известно, что изучение любого иностранного языка приносит исключительную пользу и ребенку, и взрослому, ведь оно не только повышает интеллектуальный уровень человека, развивает его память, мышление, но еще и формирует более широкий взгляд на мир, минимизируя любые проявления этноцентризма и ксенофобии. А если изучаемый язык – это язык ближайших соседей, то стремление овладеть им является наилучшим показателем взаимного уважения и доверия. Напротив, нежелание интегрироваться в культуру соседей в конечном итоге приводит к возникновению и постепенному нарастанию социальной напряжённости. М. Галдия, руководитель проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России», указывает на большую важность такого межэтнического и межкультурного взаимодействия: «Меньшинства должны осознать конструктивный смысл изучения государственного языка с тем, чтобы наилучшим образом было создано мультикультурное общество. Также и большинство должно стремиться к этой цели и быть информировано (через систему образования) о положении живущих рядом меньшинств. Наконец, важно предусмотреть изучение большинством миноритарного языка. Это ставит язык меньшинства в положение культурно близкого и позволяет участникам общения из числа

«большинства» ладить гораздо лучше со своими соседями» [Галдия 2004]. Таким образом, роль языковой политики в формировании культуры толерантности в полиэтнической среде неоспорима, и её объединяющий потенциал обязательно должен эффективно использоваться в процессе гармонизации межэтнических отношений.

2.4. Особенности развития языкового законодательства РХ

Языковое законодательство является важной частью более широкого юридического поля — антидискриминационного законодательства о меньшинствах. Языковые права являются естественными и неотъемлемыми правами человека, а потому дискриминация по языковому признаку недопустима, что признаётся всем мировым сообществом. Однако вопрос защиты меньшинства (причём не обязательно языкового) зачастую является дискуссионным и вызывает несогласие ряда авторов. О.Р. Гулина пишет: «Защита любого меньшинства всегда неоднозначна, потому происходит столкновение двух полярных идей — «все равны перед законом и все законы должны исполняться без изъятий по отношению ко всем группам» и идей коммунитаризма, то есть специальной защиты меньшинства» [Гулина, 2005]. Впрочем, идея о том, что защита прав меньшинства требует особого подхода и предполагает некоторые исключения из общих правил, давно уже воспринята наиболее прогрессивной частью мирового сообщества. К примеру, в Европе создана и широко применяется Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Framework Convention on the Rights of National Minorities); существует также Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious or Linguistic Minorities), Рекомендации по языковым правам национальных меньшинств, принятые в Осло (The Oslo Recommendations

Regarding the Linguistic Rights of National Minorities). (Ф. де Вареннес называет каждый из этих документов «частью процесса роста осознания и уважения прав человека, основанных на принципах толерантности, сосуществования и интеграции» [Вареннес 2009, с. 93]). Для защиты языковых прав меньшинств разработана обширная законодательная база, применение которой позволяет предотвращать языковую дискриминацию. Языковое законодательство условно можно разделить на три группы: международное (сюда относятся документы ООН, Совета Европы, ОБСЕ и другие), общероссийское (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации») и региональное (Конституции и законы отдельных субъектов РФ). Говоря о международном языковом законодательстве, следует, прежде всего, упомянуть Европейскую Хартию региональных или миноритарных языков, поскольку этот документ имеет большое значение для защиты языковых прав меньшинств в европейском масштабе. Россия подписала Хартию в 2001 году, но до сих пор её не ратифицировала, хотя ратификация Хартии нашей страной могла бы дать новый толчок развитию большого количества миноритарных языков Российской Федерации. Д. О'Риаган, эксперт Совета Европы из Ирландии, подробно разъясняет этот момент: «Когда государство – член Совета Европы ратифицирует Хартию, оно берёт на себя определенные обязательства... В случае специфических языков ратифицирующее государство предпринимает особые обязательства. Они обычно охватывают такие сферы как образование, юридические органы, административные органы и общественные сферы; СМИ, культурная деятельность, социально-экономическая сфера и трансграничные обмены. Государство, ратифицировавшее Хартию, должно отчитываться в Совете Европы каждые три года о мерах, предпринятых им для выполнения своих обязательств» [О'Риаган, 2009, с. 31]. Как видно, в случае ратификации Хартии государство не может оставаться в стороне от проблем миноритарных языков: его обязательства в этом случае

распространяется на приоритетные социальные сферы, активное функционирование языка в которых в некотором смысле является залогом его (языка) благополучия. Поэтому представляется, что ратификация Хартии Россией имела бы большое значение для поддержки развития этнической культуры и языков российских национальных меньшинств.

Основополагающим документом Российской Федерации является Конституция РФ, которая провозглашает принцип «равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от... расы, национальности, языка...» и запрещает как «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (ст. 19) [Конституция РФ 2011], так и «пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» (ст. 29) [Там же]. Статья 26 настоящего документа гарантирует каждому «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Там же]. Согласно статье 68 конституции РФ, государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык, однако «республики вправе устанавливать свои государственные языки», которые «в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик... употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации» [Там же]. В пункте 3 статьи 68 всем народам России гарантируется «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [Там же].

В 1991 году, т.е. на два года раньше Российской Конституции, был принят «Закон о языках народов РСФСР», ставший одним из первых законов, принятых в постсоветской России. Исследователи объясняют это тем, что к началу 90-х годов ситуация с функционированием многих национальных языков, сложившаяся в стране, была близка к катастрофической. Некоторые исследователи считают, что распад СССР в определенной степени был связан

и с проводимой языковой политикой государства. К примеру, Т.Г. Боргоякова пишет: «Волны этнического возрождения докатились до СССР... в середине 80-х и, вместо проводимых М. Горбачевым реформ, привели к распаду страны в начале 1990-х гг... Значительную роль в развале СССР сыграли известные ошибки в национальной политике и её составной части – языковой политике, выразившейся в стремлении перевода огромной многонациональной и многоязычной страны в статус практически моноязычной» [Боргоякова 2002 (в), с. 56]. Эту точку зрения поддерживают Г.Ф. Габдрахманова и Л.В. Сагитова: «Конфликтный потенциал этноязыкового поля советского пространства закономерно проявился в период развернувшейся в конце 1980-х гг. демократизации. Многие национальные движения начинались с требований языкового равенства. Прокатившаяся волна этнической мобилизации в этноязыковой сфере проявилась в обретении языками «этнических меньшинств» новых статусных позиций» [Габдрахманова и др., 2011, с. 11]. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что наиболее прогрессивной в СССР была языковая политика первых двух послереволюционных десятилетий, когда много внимания уделялось разработке алфавитов для большого количества бесписьменных языков, подготовке педагогических кадров, ликвидации безграмотности, расширению функций национальных языков [Дьячков, Абрамова, 2010]. С середины 1930-х годов советская языковая политика претерпела существенные изменения, что напрямую связано с появлением постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 года «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», реализация которого привела к ограничению функционирования национальных языков в сфере образования, а в дальнейшем – и в других приоритетных коммуникативных сферах. Следствием такого подхода стало резкое падение социального престижа миноритарных языков, что ограничивало их функционирование лишь сферой семейно-бытового

общения и в конечном итоге привело к тому, что в стране сложилась ситуация, угрожающая будущему многих национальных языков. В упомянутом выше «Законе о языках народов РСФСР» впервые в истории российского законодательства провозглашалось, что языки народов России являются национальным достоянием Российского государства. Сейчас им гарантируется защита и поддержка, предусматривается «проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» (ст. 4., п. 2), а также «целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение государственных и научных программ сохранения и развития языков народов Российской Федерации» (ст. 4., п. 3) [ФЗ «О языках народов РФ»]. В законе находят отражение основные положения Конституции РФ о равноправии всех языков и недопустимости пропаганды вражды и пренебрежения к любому языку. Запрещается также дискриминация граждан России по причине незнания ими какого-либо языка (ст. 5) [Там же]. Кроме того, государство берет на себя заботу по разработке федеральных целевых программ сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации и осуществлению мер по реализации таких программ. Гражданам России гарантируется право на выбор языка общения и образования, предусматривается создание условий для преподавания и изучения языков народов РФ (ст. 8, 9, 10) [Там же]. Как пишет Д.Б. Сундуева, «языковую политику российского правительства отражает федеральная целевая программа «Русский язык» (2006-2010 гг.), нацеленная на сохранение единого социально-культурного и образовательного пространства России, на обеспечение реализации политики государства в области применения государственного языка и других языков Российской Федерации. Среди мероприятий программы особое значение придаётся описанию языковой ситуации в различных субъектах Российской Федерации. При этом особый интерес представляет изучение двуязычия, что всегда служило источником

взаимного обогащения языков и культур» [Сундуева 2010, с. 50]. Таким образом, в настоящее время федеральная языковая политика ориентирована на сохранение языкового многообразия России и предоставляет республикам большие возможности для развития региональных языков.

Конституция Республики Хакасия, принятая 25 мая 1995 года, официально устанавливает двуязычие. Статья 69 основного документа республики гласит: «Государственными языками Республики Хакасия являются русский и хакасский языки. Республика Хакасия гарантирует всем национальным общностям, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [Конституция РХ]. Положения Республиканского закона «О языках народов Республики Хакасия», принятого в 1992 году, во многом перекликаются с аналогичными статьями Федерального закона «О языках народов РФ»: он также провозглашает равноправие и предполагает активную поддержку языков, функционирующих на обозначенной территории. Согласно Закону [Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11], в компетенцию Правительства Республики Хакасия входит разработка, утверждение и финансирование долгосрочных целевых программ сохранения, изучения и развития языков народов Республики Хакасия (ст. 7), а гражданам, как и в Федеральном законе, предоставляется право на самостоятельный выбор языка общения, обучения и воспитания (ст. 8, 9). Глава III настоящего Закона регламентирует использование языков народов Республики Хакасия в работе органов государственной власти Республики Хакасия и органов местного самоуправления. Согласно ст. 10, работа в органах государственной власти Республики Хакасия, органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке Российской Федерации, однако наряду с ним может употребляться хакасский язык. Следует отметить, что в прежней версии закона (2002 г.) возможность использования хакасского языка наряду с русским предоставлялась лишь органам законодательной власти. В редакции

2008 г. эта статья была скорректирована в пользу расширения сферы функционирования хакасского языка. В целом возможности использования хакасского языка в сфере административно-территориального управления довольно широки: он может применяться депутатами для выступления на сессиях Верховного Совета Республики Хакасия, на заседаниях Президиума и комитетов (комиссий) Верховного Совета Республики Хакасия, на нём также могут публиковаться законы и иные нормативные правовые акты, Республика Хакасия вправе использовать его при подготовке и проведении выборов и референдумов. Глава IV упомянутого закона гласит, что в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений используются языки народов Российской Федерации. Однако закрепление функционального статуса хакасского языка носит в основном разрешительный характер, что реализуется в таких формулировках как *может, вправе, в необходимых случаях* и т.п. Анализ Закона о языках народов Республики Хакасия, проведённый Т.Г. Боргояковой, позволил установить, что «в законе предусматривается возможность софункционирования хакасского языка в примерно половине ситуаций региональной официальной коммуникации» [Боргоякова 2011, с. 157]. Однако в действительности на высшем региональном уровне, в Правительстве и Верховном Совете РХ хакасский язык практически не используется. Довольно редким является использование регионального языка даже в символических целях, за что нынешний глава Правительства РХ В.М. Зимин неоднократно подвергался критике (см., например, [Верхотуров, 2012]). На сайте Правительства РХ (<http://www.r-19.ru>) нам не удалось обнаружить ни одного документа или информационного сообщения на хакасском языке. По свидетельству Т.Г. Боргояковой, некоторая часть законов и других правовых актов, принятых высшими органами государственной власти Республики Хакасия, публиковалась в переводе на хакасский язык в республиканской газете «Хакас чирі» [Боргоякова 2002 (а), с. 154]. (Следует отметить, что в

предыдущих редакциях закона требование по опубликованию текстов всех законов и других правовых актов на двух языках (русском и хакасском) было обязательным, но не исполнялось. В последней редакции эти требования, которые Т.Г. Боргоякова называет «завышенными и нереальными», были отменены).

Согласно республиканскому закону о языках, бюллетени референдумов и избирательные бюллетени для выборов оформляются на русском и хакасском языках (ст. 12, п. 2). Обязательным пунктом закона является и оформление текстов документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций на государственных языках республики (ст. 14, п. 2). Статья 18 о языке средств массовой информации республиканского закона о языках также претерпела существенные изменения. В предыдущей редакции она состояла из одной части, в которой предписывалось использование хакасского языка лишь при «издании газет и журналов, передач республиканского телевидения и радиовещания». Теперь ограничение, связанное с присутствием хакасского языка лишь в республиканских СМИ, снято, а потому государственный язык Республики Хакасия может свободно функционировать в региональном медиапространстве. Кроме того, в 2008 году статья дополнена пунктом о возможности использования хакасского языка и других языков народов РХ при переводе и дублировании кино- и видеопродукции. Ранее этот пункт, прописанный в федеральном законе, в республиканском законе отсутствовал. В новую версию закона была внесена статья об использовании языков республики в сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики на местном уровне (ст. 20). Т.Г. Боргоякова отмечает важность этой статьи, поскольку она «узаконила возможность использования хакасского или иных языков народов РХ, например, в автобусных перевозках в тех районах сельской местности, где данные языки продолжают достаточно активно использоваться» [Боргоякова, 2009, с. 118].

Особого внимания требует глава V настоящего закона, которая регламентирует использование языка наименований географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей. В первоначальной редакции закона (1992) предписывалось их обязательное оформление на русском и хакасском языках: «В Республике Хакасия географические наименования и надписи, топографические обозначения, дорожные указатели должны оформляться на государственных языках Республики Хакасия» (цит. по [Катунин 2009, с. 16]). В последующей редакции (2002 г.) статья 20 республиканского закона о языках выглядела следующим образом: «Наименование географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей производится на государственном языке Российской Федерации. Правительство Республики Хакасия в необходимых случаях определяет написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей наряду с государственным языком Российской Федерации на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания» (цит. по [Боргоякова 2011, с. 156-157]). Как видно, в данной формулировке нет указания на необходимость или возможность оформления наименований географических объектов на государственном языке Республики Хакасия, как в законе именуется хакасский язык. В последней редакции закона (2008 г.) это упущение было исправлено, и в настоящее время в ст. 21 (п.1) используется следующая формулировка: «В Республике Хакасия написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей при необходимости производится на хакасском языке или на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания» [Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11]. В сентябре 2012 г. на заседании Правительства РХ был рассмотрен и одобрен законопроект, предусматривающий написание наименований населенных пунктов и административно-территориальных единиц на языке коренного

этноса. Авторы законопроекта рассчитывают, что реализация закона на практике позволит популяризировать язык и станет важным шагом в деле его сохранения. Как сообщает сайт Главы Республики Хакасия В.М. Зимина, «терминологическая комиссия при Министерстве образования и науки Республики Хакасия провела длительную и кропотливую работу в архивах и с населением. Это позволит не просто перевести объекты на хакасский язык, а использовать традиционные, старинные, исторически сложившиеся названия» [Названия населённых пунктов республики...].

Д.А. Катунин рассматривает язык написания географических наименований и надписей, топографических обозначений и дорожных указателей как «наиболее наглядный индикатор действия таких законов», чем и объясняет то, что «именно эти разделы закона несколько раз подвергались корректировке в направлении от декларативности к реальному положению» [Катунин 2009, с. 16]. Однако упомянутый законопроект о переводе названий населённых пунктов на хакасский язык вызвал неоднозначную реакцию. Вскоре после одобрения законопроекта Главой Хакасии В.М. Зиминым в газете «Коммерсант» была опубликована статья «Тува и Хакасия заговорят на национальных языках», в которой эксперты издания подвергли законопроект критике. В статье приводится мнение депутата Верховного Совета РХ Валерия Старостина, согласно которому «смена вывесок сохранению языка не поможет», а бюджетные средства более целесообразно было бы потратить на обучение учителей хакасского языка [Тува и Хакасия...]. Похожей точки зрения придерживается и политолог Ростислав Туровский, по мнению которого данной законодательной инициативой В.М. Зимин «хотел польстить населению и получить поддержку на предстоящих в 2013 году губернаторских выборах» [Там же].

Среди жителей Хакасии также нет однозначного отношения к написанию наименований географических объектов на хакасском языке. Комментируя новость о появлении упомянутого законопроекта на различных

информационных сайтах, одни читатели всячески приветствовали перспективу появления географических указателей на хакасском языке, другие же высказывали мнение о нецелесообразности этих действий, поскольку установка знаков с хакасскими наименованиями населённых пунктов потребует определенных расходов бюджетных средств [В Хакасии планируют...], [У городов и сёл Хакасии появятся «двойные» названия]. С сожалением приходится констатировать, что проблема «дефицита политической корректности и понимания демократических принципов языковой политики», о которой Т.Г. Боргоякова писала в 2002 году [Боргоякова 2002 (а), с. 152], до сих пор остаётся актуальной.

Статья 7 «Закона о языках народов Республики Хакасия» посвящена республиканским долгосрочным целевым программам сохранения, изучения и развития языков народов Республики Хакасия, которые разрабатываются и утверждаются Правительством РХ. В соответствии с этим пунктом закона в 1994 г. была утверждена Государственная Программа сохранения и развития языков народов РХ на 1994-2000 годы. Реализация этой программы привела к увеличению количества хакасских детей, изучающих родной язык как учебный предмет (в 2000 г. преподавание хакасского языка как предмета велось в 119 школах республики, а количество детей, изучающих этот предмет, возросло до 76% [Боргоякова, 2005]). Кроме того, в начальных классах 17-ти национальных школ хакасский язык стал использоваться в качестве языка обучения, в ряде дошкольных учреждений республики также были введены занятия по хакасскому языку. Произошли некоторые позитивные изменения в сфере духовной культуры и СМИ, более заметным стало присутствие хакасского языка в лингвокультурном пространстве республики. Однако в 2002 г. в республиканское языковое законодательство были внесены некоторые изменения, обусловленные новой редакцией федерального закона «О языках народов РФ» (1998 г.), которая «усилила роль и ответственность субъектов Федерации за реализацию языковой политики

региона» [Боргоякова 2005, с. 56]. По определению Т.Г. Боргояковой, «корректировка республиканского закона оказалась кардинальной и привела к неоправданному сужению уровня защиты языков народов республики, вступив в противоречие с отдельными нормами федерального законодательства» [Боргоякова 2011, с. 154]. Изменения в языковом законодательстве Хакасии негативно отразились на характере дальнейших мер по сохранению и развитию хакасского языка. В течение ряда последующих лет в республике действовали лишь годовые ведомственные целевые программы Министерства образования и науки РХ, на реализацию которых отводилось довольно скудное финансирование; сами программы включали в себя короткий перечень мероприятий, реализация которых не могла существенно улучшить положение хакасского языка, что отрицательно сказалось на его развитии и функционировании [Там же].

Проблемы сохранения хакасского языка и возможные пути их решения обсуждались участниками Международной научной конференции «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России», которая состоялась в ХГУ им. Н.Ф. Катанова в 2005 году. Резолюция конференции была направлена в адрес руководства Сибирского Федерального округа, в Правительство и Верховный Совет РХ, в результате чего по рекомендации Управления Министерства юстиции РФ по Сибирскому федеральному округу республиканское языковое законодательство было приведено в соответствие с федеральным. Ограничения на использование хакасского языка, представленные в редакции «Закона о языках народов Республики Хакасия» 2002 г., были устранены, после чего постепенно начались определённые положительные сдвиги в его функционировании. В 2010 г. Правительством РХ была принята долгосрочная республиканская целевая программа «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011-2013 годах», реализация которой проводится под руководством Министерства национальной и территориальной политики совместно с Министерством

образования и науки и Министерством культуры РХ. В качестве одной из целей программы заявлено «расширение функций хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия» [О развитии языков народов...]. Следует отметить, что основные направления программы сосредоточены в основном в сферах образования, науки, культуры и СМИ, а какие-либо меры по укреплению позиций хакасского языка в таких важных областях, как административно-территориальное управление и делопроизводство, в перечне мероприятий отсутствуют. Впрочем, разработка межведомственной программы в любом случае представляется достаточно важным шагом на пути к усилению присутствия и функционирования хакасского языка в Республике, а в ходе реализации программы достигнуты определённые положительные результаты. В апреле 2012 г. при Совете по экономическому развитию РХ была создана Рабочая группа по сохранению хакасского языка и культуры и развитию этнотуризма в Хакасии. На заседаниях группы, в состав которой вошли представители органов государственной власти и органов местного самоуправления, учёные, журналисты и представители общественности, обсуждаются вопросы расширения функций хакасского языка, популяризации и пропаганды его изучения. Участник Рабочей группы, бывший заместитель Министра национальной и территориальной политики РХ Л.В. Анжиганова приводит некоторые промежуточные итоги деятельности группы: «Особенностью работы Рабочей группы является то, что органы государственной власти и местного самоуправления республики за этот период [2012-2013 гг. – А.Г.] практически решали многие насущные вопросы, в т.ч., например, о 15%-й надбавке учителям за преподавание хакасского языка, о выделении средств на дополнительные стипендии студентам, обучающимся по специальности «хакасский язык и хакасская литература», об организации различных форм преподавания родного языка разным категориям населения и пр.»

[Анжиганова 2013, с. 7]. В 2012 г. Рабочая группа сформировала проект региональной программы «Сохранение и развитие хакасского этноса».

К участию в работе группы привлекаются ведомства, на первый взгляд далёкие от проблем языковой политики, однако и они вносят свой вклад в поддержку хакасского языка. Так, Министерством транспорта и дорожного хозяйства РХ устанавливаются стенды по истории и культуре Хакасии и принимаются меры по дублированию информации на хакасский язык в подведомственных ему учреждениях, обсуждается возможность установления навигационных табло на хакасском и русском языках, рассматривается вопрос о трансляции этнической музыки и видеопередач о Хакасии в транспортных средствах дальнего следования. Министерством спорта и туризма РХ составляются этномаршруты с двуязычными путеводителями, планируется съёмка фильма о развитии этнотуризма в Хакасии. На наш взгляд, такой комплексный подход к проблеме сохранения регионального языка имеет большой потенциал и может доказать свою эффективность не только с внешней, символической стороны, но и привести к увеличению числа лиц, владеющих хакасским языком.

В настоящее время работа по укреплению позиций хакасского языка ведётся через реализацию государственной программы РХ «Региональная политика Республики Хакасия (2014-2016 годы)». Программа включает четыре подпрограммы, среди которых – «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014-2016 годах». В задачи данной подпрограммы входит:

- обеспечение функционирования и развития хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия;

- оптимизация содержания и методов обучения родным языкам и литературе в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами общего образования, в том числе с использованием информационных технологий;

– создание языковой среды и формирование устойчивого интереса детей к изучению родного языка, литературы, культуры, осознания необходимости их сохранения и развития [Постановление Правительства...].

В перечне мероприятий подпрограммы – проведение конкурсов, организация фестивалей, праздников, конференций по хакасской тематике, выделение грантов на издание литературы и повышение квалификации научных и педагогических кадров, выпуск электронных вариантов хакасско-русского и русско-хакасского словарей и др. В перечне целевых показателей значится увеличение доли учащихся общеобразовательных организаций хакасской национальности, изучающих родной язык, с 73% в 2014 г. до 75% в 2016 г. Следует отметить, впрочем, что ни в данной подпрограмме, ни в республиканской целевой программе «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011-2013 годах», упомянутой выше, не ставится вопрос об увеличении числа детей, обучающихся на хакасском языке в начальной школе, хотя данный показатель, на наш взгляд, имеет исключительную важность.

Таким образом, в настоящее время в Республике Хакасия создана достаточная нормативная основа сохранения и развития хакасского языка. Л.В. Анжигановой составлен перечень документов, совокупность которых является этой правовой базой: в список входит Конституция РХ, Законы РХ «О языках народов РХ», «Об образовании», «О культуре», различные республиканские целевые программы, направленные на сохранение и развитие хакасского языка [Анжиганова 2012]. Возможно, некоторые из этих документов требуют корректировки, однако сам факт наличия правовой базы, создающей возможности для укрепления позиций регионального языка, является несомненным благом и даёт надежду на улучшение ситуации с функционированием хакасского языка. Судя по определенным положительным сдвигам в функционировании хакасского языка, которые начались во время действия Государственной программы сохранения и

развития языков народов РХ 1994-2000 г.г. (см. главу III), этот период оказался наиболее позитивным, что в полной мере демонстрирует всю важность грамотной языковой политики для развития миноритарного языка.

По мнению Т.Г. Боргояковой, «уровень и характер статусного и функционального регулирования языковых прав этнических меньшинств в республиканском законодательстве позволяет отнести его к рекомендательному или мягкому типу регионального законодательства» [Боргоякова 2011, с. 158]. Соглашаясь с мнением исследователя, отметим, что, на наш взгляд, рекомендательный характер республиканского языкового законодательства в отношении использования хакасского языка в социальных сферах, включая образование, способствует сохранению межэтнического согласия, с одной стороны, и снижению престижности и востребованности хакасского языка, с другой. Согласно обзору изучения национальных языков в республиках и округах России, представленному на сайте «Национальный акцент» [89 родных языков], практически во всех республиках РФ, где внедрено обязательное изучение регионального языка или делаются такие попытки, представители нетитульного этноса испытывают недовольство сложившейся ситуацией. Это недовольство может выражаться либо в скрытой форме, либо в публичных выступлениях и акциях протеста, однако объясняется всегда тем, что, по мнению учеников и родителей нетитульной национальности, изучение региональных языков ведётся в ущерб русскому языку и другим важным предметам школьной программы. Так, по словам сотрудника Коми научного центра Уральского отделения РАН Натальи Мироновой, «старшеклассники не понимают, зачем им отнимать свое драгоценное время от подготовки к ЕГЭ по математике для изучения коми-языка». По мнению авторов обзора, «принуждение к изучению национального языка тех, для кого он не является родным, как видно на примере Татарстана, не дает хорошего результата. Более того, приводит к появлению в регионе людей, которые считают, что их угнетают по

национальному признаку» [Там же]. Отсюда можно сделать вывод, что для снижения опасности возникновения межнациональной напряжённости в регионе изучение национального языка должно быть факультативным. Однако авторы исследования указывают на то, что «добровольное обучение родному языку также не приводит к значимым успехам в силу отсутствия у молодежи интереса к нему» и выражают точку зрения, согласно которой «лучшим инструментом для сохранения родных языков народов остается общение на них в семье» [Там же]. Однако при абсолютной справедливости этого утверждения нельзя не отметить, что во многих семьях общение на родном языке невозможно вследствие незнания языка старшими членами семьи, которые в силу разных причин с детства являются русскоязычными монолингвами и потому не могут передать родной язык детям. В связи с этим стоит упомянуть опыт Мордовии и Чувашии, описание которого представлено в обзоре «89 родных языков». Итак, Республика Мордовия «ввела обязательное изучение эрзянского и мокшанского языков во всех школах республики в 2006 году... На момент введения обязательного изучения мордовских языков были проявления недовольства со стороны русскоязычных родителей. Сейчас, по прошествии 7 лет, количество недовольных значительно сократилось, а их голос стал практически незаметным. Учителя отмечают, что введение новых предметов со временем изменило отношений родителей немордовской национальности к изучению национальных языков» [89 родных языков]. В Республике Чувашия «чувашский язык изучается как обязательный предмет в школах республики и в ряде вузов Чувашии в течение одного-двух семестров. "В самом начале преподавания было очень много родителей, которые приходили в школу и выступали против того, чтобы их ребенок занимался изучением чувашского. Но на сегодняшний день с уверенностью могу сказать: таких родителей уже и нет. Некоторые даже, напротив, хотят, чтобы их ребенок развивался и знал родной язык Чувашии и, наверное, это правильно", — отмечает Ольга

Алексеева, учитель чувашского языка и литературы в СОШ №50 в Чебоксарах» [Там же]. Позитивный опыт двух республик РФ, в которых изучение регионального языка является обязательным, даёт основание предполагать, что в случае корректировки языкового законодательства Республики Хакасия в сторону усиления позиций хакасского языка жители Хакасии смогут увидеть положительные стороны национально-русского двуязычия и осознать необходимость изучения регионального языка. С другой стороны, результаты социолингвистического опроса, представленные в главе III, свидетельствуют о неготовности значительной части населения РХ к восприятию демократических принципов языковой политики. Таким образом, особенности языкового законодательства РХ, рекомендательный или мягкий характер которого был отмечен Т.Г. Боргояковой, с одной стороны, позволяют сохранять гармонию межэтнических отношений в Республике, с другой – ограничивают функционирование хакасского языка в социально значимых сферах.

2.5. Перспективы развития языковой ситуации в РХ и ресурсы повышения эффективности языковой политики

Представленный выше анализ существующего языкового законодательства показывает, что оно представлено документами разного уровня: международного, государственного, регионального. Кроме того, в Хакасии успешно реализуются целевые программы сохранения и развития языков народов республики. Однако важным направлением улучшения работы по языковому планированию является разработка и реализация программ развития языков и народов РХ районного и муниципального уровней с учётом этнодемографических характеристик каждого района и уровня языковой лояльности населения. Следует отметить, что успешный опыт реализации таких программ имеется в Аскизском районе. С 2004 г. там

действовала целевая программа «О развитии языков народов муниципального образования Аскизский район на 2004-2007 годы», затем целевая программа «О развитии языков народов муниципального образования Аскизский район на 2007-2011 годы». В настоящее время реализуется долгосрочная районная целевая программа «О развитии языков народов муниципального образования Аскизский район на 2012-2016 годы» [Долгосрочная районная целевая программа...]. Программа направлена не только на расширение функций хакасского языка как государственного, но и на создание условий для реализации потребности полиэтнического сообщества в реальном двуязычии и многоязычии (следует отметить, что Аскизский район является самым многонациональным районом Хакасии – на его территории проживают представители более 90 национальностей). Программа предусматривает большое количество мероприятий, сосредоточенных в сферах образования, культуры и спорта и поддерживает не только хакасский язык, но и языки других народов, проживающих на территории Аскизского района. В частности, в перечне программных мероприятий значится создание ресурсных центров и базовых площадок для углубленного изучения хакасского, шорского и немецкого языков. Таким образом, Аскизский район демонстрирует пример эффективной организации муниципальной языковой политики. Показатели по охвату детей хакасской национальности, изучающих родной язык, здесь заметно выше общереспубликанских (по Хакасии в 2012 г. они составляли 72%, по Аскизскому району – 89%). Качественные показатели обучения детей хакасскому языку здесь также высоки: ученики аскизских школ активно участвуют и побеждают в предметных олимпиадах и научно-практических конференциях по хакасскому языку, занимают призовые места в республиканских конкурсах «Ине тілі», «Айтыс», «Чылтызахтар» и многих других. Эти результаты обеспечиваются благодаря профессионализму учителей-родноведов аскизских школ, среди которых также много призёров престижных конкурсов педагогического

мастерства (например, «Учитель года»). Всё это свидетельствует о важности реализации программ развития языков и народов РХ районного и муниципального уровней, в которых учитываются специфические особенности каждого района, что позволяет оптимизировать работу по языковому планированию.

Впрочем, сколь прогрессивной ни была бы региональная языковая политика, сама по себе она не приведёт к остановке процессов языкового сдвига, если не будет использован и другой действенный рычаг сохранения родного языка: активная и сознательная деятельность самих его носителей. Т.Г. Боргоякова пишет: «Законодательное решение вопросов языковой политики, их финансово-экономическое обеспечение на уровне субъектов федерации находится в прямой зависимости от демографической мощности миноритарного этноса. Поэтому в ситуации, когда представители миноритарного языка составляют абсолютное меньшинство в субъекте федерации и, соответственно, не входят в её политическую, финансово-экономическую и управленческую элиту, возрастает роль институтов гражданского общества» [Боргоякова 2002 (а), с. 242]. Различные общественные движения, объединяющие наиболее активных носителей языка, могут выдвигать и отстаивать грамотно сформулированные требования по вопросам языковой политики и в меру сил контролировать их исполнение. Поддержка, исходящая от рядовых представителей этноса, озабоченных судьбой родного языка, может придать особую эффективность политическим методам решения языковых проблем. Поэтому одной из важных перспектив управления языковой ситуацией в Республике Хакасия мы считаем усиление роли общественных движений в деле сохранения хакасского языка и интенсификации его использования как родного.

Как положительный факт следует отметить появление нескольких подобных инициативных групп в последние годы. К примеру, республиканское общественное движение «Ине тілі» («Родной язык») было

создано в 2003 году инициативной группой хакасских женщин. Появлению движения предшествовало знакомство с результативными стратегиями деятельности по замедлению процессов языкового сдвига в других странах и обсуждение актуальных проблем функционирования хакасского языка, что в итоге привело к пониманию недостаточности усилий только официальных структур. Как пишет З.А. Чертыкова, координатор общественного движения «Ине тілі», «необходимым приоритетом и недостающим звеном в комплексе мер, направленных на остановку или замедление исчезновения родного языка, было объединение усилий активной части общественности в инициировании общенародного движения «от корней» в борьбе за будущее хакасского языка» [Чертыкова 2005, с. 94]. Основными направлениями деятельности «Ине тілі» являются создание языковой среды и дополнительных условий для общения на родном языке, поощрение молодых людей и детей к активному использованию хакасского языка, формирование у них позитивного отношения к языку. Активисты движения выезжают в отдалённые аалы районов Хакасии для проведения встреч с сельскими жителями, организуют концерты, конкурсы и другие мероприятия, направленные на активизацию функционирования хакасского языка, способствуют пополнению библиотек новой литературой. «Ине тілі» сотрудничает с Министерством культуры и Министерством образования и науки, пользуются поддержкой различных общественных объединений республики.

Следует упомянуть и хакасскую региональную общественную организацию «Лига хакасских женщин «Алтынай» («Золотая луна»)), среди задач которой — пропаганда традиций и обычаев хакасского народа, сохранение родного языка, традиционного жилища, национального костюма и исконной культуры. Хакасская молодёжная организация «Хакас чииттернің пірігізі» также пытается оказывать влияние на функционирование хакасского языка, активно пропагандируя его использование среди молодёжи. Всё

вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что несмотря на определённые улучшения в республиканском языковом законодательстве, работа по оптимизации языковой политики Республики Хакасия не должна прекращаться. Разработка и реализация целевых программ сохранения и развития языков народов РХ районного и муниципального уровней могла бы дать новый толчок развитию государственного языка Республики Хакасия и других её языков, способствовать расширению сферы их функционирования. Очень важным является и участие самих носителей хакасского языка в его судьбе, примеры которого приведены выше. Особенности развития языковой ситуации в Республике Хакасия, а также результаты социолингвистических опросов (см. главу III) позволяют сделать вывод о том, что в последние годы среди населения повысилась степень осознания проблем, связанных с функционированием титульного языка республики, пришло понимание его уникальности и культурной ценности. Это значит, что при более активной позиции жителей Хакасии шансы на остановку или хотя бы замедление процессов языкового сдвига, угрожающих витальности хакасского языка, существенно повысятся.

Выводы

Главными этнодемографическими характеристиками Республики Хакасия, важными в контексте данного исследования, являются: 1) низкий удельный вес коренного этноса (хакасы составляют 12% от общего числа жителей республики); 2) сохранение тенденции к увеличению доли городского населения среди хакасов (за последние 10 лет доля городского хакасского населения увеличилась на 5%; в настоящее время 43,3% хакасов являются городскими жителями, 56,7% - сельскими). Одновременно с ускорением процессов урбанизации происходит снижение числа хакасов, заявляющих о владении родным языком: за последние 10 лет количество русскоязычных монолингвов среди хакасов увеличилось на 11%, составив

почти 42%. В условиях стремительно протекающих процессов языкового сдвига особую актуальность приобретает эффективность региональной языковой политики, которая является важнейшим ресурсом поддержки миноритарных языков, а также фактором предотвращения языковых конфликтов. Анализ языкового законодательства Республики Хакасия позволил установить, что в Законе «О языках народов РХ» нашли отражение в основном императивные положения федерального Закона о языках, а закрепление функционального статуса хакасского языка в нём носит, главным образом, разрешительный характер.

Первое десятилетие реализации республиканской языковой политики определялось долгосрочной целевой республиканской программой 1994-2000 гг., имевшей позитивное влияние на развитие социальных функций хакасского языка. В сравнении с этим десятилетием период 2002-2008 гг. оказался негативным. В результате корректировки республиканского языкового законодательства (2002 г.) функции регионального языка были существенно ограничены. В республике действовали лишь годовые ведомственные целевые программы Министерства образования и науки РХ с низким уровнем финансирования, реализация которых не способствовала существенному развитию функционирования хакасского языка. В 2010 г. была утверждена долгосрочная республиканская программа «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011-2013 годах», предварительные результаты которой позволяют сделать вывод о её эффективности (см. главу III). В настоящее время работа по укреплению позиций хакасского языка ведётся через реализацию государственной программы РХ «Региональная политика Республики Хакасия (2014-2016 годы)» (подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014-2016 годах»). Перспективы укрепления реального статуса хакасского языка связаны с разработкой и реализацией программ развития языков народов РХ не только

республиканского, но и районного и муниципального уровней, а также с возрастающей ролью институтов гражданского общества – движений в поддержку родного языка, объединяющих наиболее активных его носителей.

ГЛАВА III.
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ
ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ КОНТАКТНОГО
БИЛИНГВИЗМА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

3.1. Хакасский язык в этническом коммуникативном пространстве
Республики Хакасия

Коммуникативное пространство этноса представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую множество элементов, основными из которых, по мнению исследователей, являются «концептосфера, язык, религия, историческая память, коммуникативное поведение, включающее обычаи и ритуалы, а также мифы, ценности, мнемотопы, которые сохраняются, выражаются и транслируются посредством друг друга» [Рязанов 2009 (б)]. Поскольку этнические коммуникативные пространства могут рассматриваться как основа для существования этнической идентичности, весьма актуален вопрос о необходимости их сохранения и восстановления (в случае утраты). А.В. Рязанов отмечает: «Этническое коммуникативное пространство представляет собой форму существования этноса и одновременно ресурс для его воспроизводства» [Там же]. Следовательно, не будет преувеличением сказать, что вопрос существования этнического коммуникативного пространства – это вопрос существования самого этноса.

Коммуникативное пространство этноса не является статичным. Под действием внешних и внутренних факторов, в той или иной степени затрагивающих этнос, оно может подвергаться динамическим изменениям – позитивным либо негативным. Динамика этнического коммуникативного пространства зависит от характера изменений, касающихся его структурных

элементов и их взаимосвязей. В рамках данного параграфа мы остановимся на таких элементах коммуникативного пространства, как язык и коммуникативное поведение.

Язык входит в ядро коммуникативного пространства этноса, ведь «мышление народа выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет судить о том, каково было мышление народа, какова была его когнитивная картина мира в этот период» [Красных 2002, с. 12]. Неблагополучие языка не может не отражаться на общем состоянии этнического коммуникативного пространства, поэтому для оценки последнего необходимы подробные сведения о демографической и коммуникативной мощности языка, обслуживающего данный этнос.

Под коммуникативным поведением И.А. Стернин понимает «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности» [Стернин]. А.В. Рязанов указывает на особую роль коммуникативного поведения в этническом коммуникативном пространстве: «Все структурные элементы коммуникативного пространства этноса (язык, коммуникативная и культурная память, ценности и др.) находят свое внешнее выражение в коммуникативном поведении этнофоров. Однако они не только отражаются в нем, но и посредством его транслируются и закрепляются. Поэтому меняющееся под воздействием продуктов массовой культуры коммуникативное поведение имеет тенденцию становиться чуждым традиционной этнической культуре и, таким образом, мало-помалу разрушает, деформирует этнические коммуникативные пространства» [Рязанов (а), с. 40]. Автор уделяет особое внимание коммуникативным практикам, отмечая, что «сохранение таких практик, даже в случаях частичной утраты языка отдельными носителями этнического начала, позволяет соответствующему коммуникативному пространству достаточно долго удерживать их в своих пределах» [Там же, с. 36]. И если коммуникативное поведение хакасской

лингвокультурной общности ещё только ждёт своего исследователя, то определённые сведения о коммуникативной мощности хакасского языка, которая, как известно, определяется количеством обслуживаемых языком социальных сфер, имеются уже сейчас. Анализ этих данных свидетельствует о том, что область применения хакасского языка по-прежнему остаётся достаточно узкой. Язык присутствует в приоритетных сферах образования, культуры, СМИ и др., однако его функционирование носит ограниченный характер.

3.1.1. Сфера образования

Исследуя особенности функционирования миноритарных языков России в условиях национально-русского двуязычия, особое внимание следует обратить на использование языка молодым поколением, поскольку оно имеет исключительную значимость в сохранении этого языка. Одной из важнейших коммуникативных сфер, обеспечивающих функционирование миноритарного языка в молодёжной среде, является сфера образования. Е.К. Побызакова отмечает: «В неблагоприятной для функционирования языка ситуации на первый план выдвигается система народного образования... Не административные меры, не языковое законодательство, важность которых не оспаривается, а планомерная, ежедневная и многолетняя... работа по изменению языковой компетенции носителей хакасского языка может и должна привести к искомым результатам» [Побызакова, 2005, с. 78-79].

Нельзя не отметить, что в последние годы ситуация с изучением хакасского языка в школах изменилась к лучшему. Согласно информации, представленной на сайте Правительства РХ, «в Республике Хакасия минимальная за последние 10 лет доля детей хакасской национальности, изучающих родной язык (63%) отмечалась в 2007/08 учебном году. С 2008/09 учебного года наблюдается тенденция к постепенному росту данного

показателя» [Постановление Правительства...]. Ниже представлены данные Министерства образования и науки РХ ([Галина Салата...], [О развитии языков народов...], [Родной язык...]):

Таблица 5

Динамика преподавания хакасского языка в школах республики

Параметр оценки	2010	2011	2012
Количество школ с преподаванием хакасского языка, шт.	87	102	121
Количество детей хакасской национальности, изучающих родной язык, %	67	69	72

Впрочем, обратившись к исследованиям Т.Г. Боргояковой, можно утверждать, что в настоящее время показатели по количеству школ с преподаванием хакасского языка и по охвату детей коренной национальности, изучающих родной язык, лишь приблизились к аналогичным показателям более чем десятилетней давности, когда хакасский язык изучали в 119 школах (76% учеников) [Боргоякова 2002 (а), с. 148].

Хакасский язык представлен системе образования в двух формах. Первая обеспечивает обучение на хакасском языке на начальной ступени школьного образования (в 2011-2012 учебном году такая форма обучения была принята в 21 школе Хакасии), вторая – изучение хакасского языка как учебного предмета. В ряде школ республики организовано факультативное изучение хакасского языка. По данным Министерства образования и науки РХ, в 2012-2013 учебном году хакасский язык как предмет преподается в 75 школах, факультативное и кружковое изучение осуществляется в 46 школах [Родной язык...]. С каждым годом в школах республики увеличивается

количество кружков и секций, занятия в которых также дают школьникам возможность получать сведения о своей малой родине и её титульном этносе и языке. Благодаря этому изучать хакасский язык могут не только хакасские дети, но и учащиеся других национальностей. Так, по данным министра образования и науки РХ Г.А. Салаты, в 2012-2013 учебном году в целом по Хакасии 500 детей других этносов, (в том числе в Абакане более 200 детей) изучают язык титульной нации [Родной язык...]. Сравнение этих цифр с данными 2000 г., когда хакасский язык изучало всего около 70 учащихся других национальностей [Боргоякова, 2002 (а), с. 149], даёт представление о результативности усилий по увеличению количества изучающих хакасский язык, которые были предприняты в последние годы. Вместе с тем, нельзя не отметить заметное сокращение количества школьников, обучающихся на родном языке. В 2000 году «такая форма обучения была принята в 17 национальных школах Хакасии с охватом более 600 школьников» [Боргоякова, 2002 (а), с. 148]. В 2011-2012 г. «в 21 образовательном учреждении республики 425 детей коренной национальности с 1 по 4 класс изучают все предметы (кроме русского) на родном языке» [Галина Салата...]. Таким образом, за прошедшее десятилетие количество школьников, обучающихся на родном языке, сократилось почти на треть. При этом данные показатели являют собой значительный прогресс, поскольку количество школьников, обучавшихся на родном языке в 2009-2010 учебном году, составляло всего 209 человек, а в 2008-2009 г. - 125 учащихся [Мониторинг межнациональных отношений...].

Хакасский язык и литература в общеобразовательной школе изучаются в четырех городских округах и семи муниципальных районах. Наиболее высокий охват учащихся изучением хакасского языка достигнут в Аскизском, Бейском, Алтайском и Таштыпском районах. В 2011-2012 учебном году факультативное изучение хакасского языка начали в «Лицее» г. Черногорск, «СОШ №1» г. Сорск, в двух училищах Аскизского и Таштыпского районов и

в Бейской коррекционной школе. В 2012-2013 учебном году язык коренного народа впервые начали изучать в саяногорской школе № 6, профессиональных училищах Аскизского, Таштыпского, Бейского, Ширинского районов, ПУ № 6 и техникуме коммунального хозяйства и сервиса Абакана. Кроме того, в 2012-2013 учебном году изучение родного языка организовано еще в 12 школах Абакана.

Ситуация с изучением хакасского языка в дошкольных учреждениях республики заметно отличается от системы общеобразовательных школ. По данным на 2012 г., изучение хакасского языка организовано в 31 детском саду республики (это лишь 18% от общего количества детских садов) [Выступление Министра образования...]. Созданы условия по изучению хакасского языка в детских садах г. Абакана, Аскизского, Алтайского и Таштыпского районов, однако из-за отсутствия педагогов прекратили изучение родного языка в детских садах Орджоникидзевского, Усть-Абаканского районов. Подобная ситуация, несомненно, нуждается в корректировке, поскольку «именно в системе дошкольного образования заложен наиболее значительный потенциал эффективного обучения детей родному языку» [Боргоякова, 2002 (а), с. 149]. Трудно не согласиться с мнением британского профессора В. Эдвардс, согласно которому «в условиях, когда ответственность за дальнейшую передачу языка ложится на школу, роль дошкольного образования в подготовке детей для их погружения в родной язык становится жизненно важной» [Edwards, с. 18].

Для обеспечения изучения хакасского языка и литературы в республиканских образовательных учреждениях «Хакасским книжным издательством» публикуются учебники и учебно-методическая литература на хакасском языке. Так, по данным Министерства образования и науки РХ, за период с 2003 по 2011 годы опубликовано более 700 наименований учебной, учебно-методической и другой литературы (учебники, рабочие тетради и проч.) общим тиражом около 200 000 экземпляров, в том числе учебники

хакасского языка для начальной школы по программе для начинающих изучать язык [Выступление Министра образования...]. Появление таких учебников является важным шагом по усилению школьного обучения хакасскому языку, поскольку «в Хакасии долгое время не было ни одного учебника, предназначенного для школьников с пассивным уровнем знания родного языка. Учителя были вынуждены использовать старые учебники хакасского языка, предназначенные для детей, хорошо владеющих родным языком с детства» [Боргоякова, 2005, с. 55]. По заявлению Минобрнауки РФ, в настоящее время все учащиеся образовательных учреждений Республики Хакасия с 1 по 11 классы обеспечены бесплатными учебниками на хакасском языке [Выступление Министра образования...].

В сфере высшего образования хакасский язык используется в Хакасском государственном университете имени Н.Ф. Катанова. Институт филологии и межкультурной коммуникации готовит специалистов по направлению бакалавриата «Педагогическое образование: Хакасский язык и литература», а также по магистерской программе «Филология: Языки народов РФ (хакасский язык)». Кроме того, в университете осуществляется подготовка аспирантов по научной специальности 10.02.02. Языки народов РФ (хакасский язык). В Институте непрерывного педагогического образования 2012 году был произведен набор двух групп на направление «Педагогическое образование» по профилям: «Начальное образование. Хакасский язык и литература» и «Дошкольное образование. Хакасский язык и литература».

Затрагивая тему функционирования хакасского языка в сфере высшего образования, уместно упомянуть активные общественные дискуссии, которые разгорелись в 2012 году в связи с укрупнением шести учебных структурных подразделений в Хакасском госуниверситете. В результате реорганизации Институт саяно-алтайской тюркологии и восточных языков (ИСАТ и ВЯ), осуществлявший подготовку учителей хакасского языка и

литературы, был упразднён. Кафедра хакасской филологии и кафедра языкознания, литературоведения и межкультурной коммуникации вошли в состав Института филологии и межкультурной коммуникации (ИФиМК), кафедра, осуществлявшая подготовку учителей начальных классов – в состав Института непрерывного педагогического образования (ИНПО). Несмотря на то, что практически все направления подготовки ИСАТ и ВЯ были сохранены, эти преобразования были очень болезненно восприняты некоторой частью хакасского сообщества. Развернулась масштабная кампания за сохранение Института, самые активные участники которой выступали с резкой критикой в адрес руководства Института, университета и республики. Дискуссии о сохранении ИСАТ и ВЯ особенно активно велись в социальной сети «В контакте» (сообщество «За сохранение ИСАТа!» и некоторые другие), а также в комментариях к новостным сообщениям информационного агентства «Хакасия», в которых освещался ход реорганизации в ХГУ, а также вопросы республиканской языковой политики. Анализ материалов этих дискуссий позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, возникновение такого движения является показателем большой озабоченности населения РХ современным состоянием и перспективами языка титульной национальности, свидетельствует о неравнодушии к его будущему, об осознании его культурной и исторической ценности. С другой стороны, попытки возложить всю ответственность за сохранение родного языка только на государство в определенной степени свидетельствуют о неготовности многих дискутирующих разобраться в истинных причинах ослабления позиций хакасского языка, которые, в свою очередь, привели к закрытию ИСАТиВЯ. Представители инициативной группы «За сохранение ИСАТа» настаивали на том, что в ИСАТ и ВЯ обучаются главным образом студенты из сельской местности, большинство из которых после окончания университета возвращаются в родные аалы и трудоустраиваются в сельские школы. По мнению активистов, упразднение

ИСАТ и ВЯ и вхождение его кафедр в состав ИФиМК и ИНПО приведёт к исчезновению особой социокультурной среды, позволяющей студентам из сельской местности лучше адаптироваться к новым условиям жизни в городе и, следовательно, поставит под угрозу саму возможность их обучения в университете и дальнейшей работы в сельской школе. Трудно сказать, насколько обоснованными были эти опасения: в настоящее время бывшие студенты ИСАТ и ВЯ успешно продолжают обучение в ИФиМК и ИНПО. Представляется, что укрупнение учебных структур ХГУ не привело к ухудшению ситуации с преподаванием хакасского языка в университете, а также к снижению объемов и качества научных исследований.

Изучение языка в Хакасском госуниверситете осуществляется на базе учебно-методических комплексов, созданных ведущими учёными кафедры хакасской филологии ИФиМК и Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (ИГИСАТ) ХГУ имени Н.Ф. Катанова. В последние годы изданы вузовские учебники и пособия И.Л. Кызласовой «Древние тюркские языки» (2012 г.), Л.И. Чебодаевой «Хакасский язык. Синтаксис» (2012 г.), В.А. Боргоякова «Национально-культурная специфика лексики хакасского языка» (2012 г.). В 2013 году был опубликован словарь-справочник А.Н. Чугунековой и М.Д. Чертыковой «Лексико-семантические группы хакасских глаголов (глаголы говорения и движения)» в 2014 г. – «Словарь синонимов хакасского языка», составителями которого являются И.Л. Кызласова и М.Д. Чертыкова. В настоящее время учёными ИГИСАТ ведётся работа над электронной моделью хакасско-английского электронного тезауруса. Кроме того, в 2013 г. на базе ИГИСАТ работал временный творческий коллектив по выполнению научно-исследовательской работы по теме «Репрезентация хакасских языковых и культурных кодов в современном коммуникативном пространстве» в рамках государственного задания Минобрнауки РФ.

Таким образом, динамика функционирования хакасского языка в сфере

образования характеризуется снижением числа обучающихся на родном языке и изучающих его как учебный предмет в начале 2000-х годов и тенденцией к увеличению их числа во второй половине десятилетия. И если показатели количества детей-хакасов, изучающих родной язык в 2012, приблизились к аналогичным показателям 2002 г., то количество школьников, обучающихся на родном языке, за прошедшее десятилетие сократилось почти на треть. Сложной остаётся ситуация с изучением хакасского языка в дошкольных учреждениях: оно ведётся лишь в 18% детских садов РХ. В сфере высшего образования хакасский язык представлен в ХГУ имени Н.Ф. Катанова, хотя после упразднения Института саяно-алтайской тюркологии и восточных языков подготовка учителей хакасского языка перестала осуществляться в отдельном структурном подразделении. Как положительный факт следует отметить опубликование значительного количества (более 700 наименований) учебной и учебно-методической литературы для изучения хакасского языка за последнее десятилетие, в том числе учебники хакасского языка для начальной школы по программе для начинающих изучать язык.

3.1.2. Сфера массовой коммуникации

В настоящее время эта область функционирования языка может быть причислена к приоритетным коммуникативным сферам, поскольку средства массовой коммуникации являются важным фактором формирования коммуникативного пространства. Феномен взаимодействия средств массовой коммуникации и аудитории определяется исследователями как *медиапространство*. Под этим термином понимается совокупность социальных отношений по поводу производства и потребления массовой информации [Касаткина]. Согласно определению Е.Н. Юдиной, медиапространство имеет три формы репрезентации: физическое

пространство, т.е. масс-медиа, составляющие материальную основу производства и передачи массовой информации; пространство социальных отношений агентов медиaproстранства, которые связаны с производством и потреблением массовой информации; символическое пространство, т.е. информационный символический продукт, в форме которого распространяется массовая информация [Юдина]. Исследуя медиaproстранство полиэтнической республики, особое внимание следует уделить месту, занимаемому региональным языком, особенности функционирования которого в этой важной коммуникативной сфере дают отчётливое представление о степени благополучия соответствующего языка.

В медиaproстранстве республики хакасский язык по-прежнему функционирует ограниченно, хотя в последние годы наметилась тенденция к усилению его присутствия в этой сфере.

На хакасском языке издаётся единственная республиканская газета «Хабар» («Новость») (ранее – «Хакас чирі» («Хакасская земля»), «Ленин чолы» («Ленинский путь»), «Хызыл аал» («Красная деревня»)). Её учредителями являются Правительство Республики Хакасия и Верховный Совет РХ. Изначально являясь приложением на хакасском языке к минусинской газете «Власть труда», газета стала первым периодическим изданием в истории журналистики Хакасии. Сейчас это единственное периодическое издание на хакасском языке, сохранившееся с 20-х годов XX века до наших дней [Костякова, 2005]. В настоящее время газета выходит три раза в неделю: по вторникам, средам (8 полос) и пятницам (12 полос), два раза в месяц издаётся приложение на русском языке «Страна Хабар». Тираж газеты – более 3 тысяч экземпляров. В Аскизском, Таштыпском и Бейском районах Хакасии «Хабар» занимает первое место среди республиканских СМИ по количеству подписчиков. Однако газета до сих пор не имеет интернет-версии, что значительно ослабляет её позиции в республиканском медиaproстранстве. Некоторые газеты, издаваемые в районах РХ, имеют

приложения на хакасском языке. Так, раз в месяц издаётся приложение «Чирсуум ені» («Голос родной земли») к газете «Земля таштыпская» (Таштыпский район). Также существует ежемесячное приложение «Асхыс чайааны» («Творчество Аскиза») к газете «Аскизский труженик» (Аскизский район).

С 2008 г. издаётся детский литературный журнал «Тигір хуры» («Радуга»). Журнал, ориентированный на детей дошкольного и младшего школьного возраста, выходит 2-3 раза в год, его тираж – 1000 экземпляров. После продолжительного перерыва вновь стал выходить литературно-художественный и общественно политический альманах «Инесай» («Енисей»), который выходит 2 раза в год тиражом в 1000 экземпляров. В "Инесае" печатается поэзия, проза, литературная критика, драматургия и публицистика. Следует отметить, что журналы начали издаваться министерством образования и науки Республики Хакасия в рамках ведомственной целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия на 2008-2010 годы».

Радиопередачи на хакасском языке выходят постоянно в будние дни в течение 50 минут. Вещание на хакасском языке составляет почти треть от общего вещания республиканской ГТРК «Хакасия» (220 часов в год). Особой популярностью среди слушателей пользуются радиопередачи «Устар» («Мастера»), «Айра» («Родничок»), рассказывающие о культуре Хакасии, о мастерах народных ремёсел. Кроме того, ежемесячно в эфир выходит получасовая передача о спорте на хакасском языке.

В последние годы увеличилось также количество телепередач на хакасском языке либо с хакасским компонентом. Помимо ежедневных выпусков новостей («Хабарлар» - «Новости») и обзора событий за неделю («7 куннин салтарлары» - «Итоги недели»), телеканал РТР транслирует и другие передачи на хакасском языке, посвящённые Республике Хакасия и её народу. Совместно с ГУ МЧС России по Хакасии творческий коллектив ГТРК выпускает программу «Культ безопасности», которая дублируется на

хакасском языке. Творческим коллективом телеканала «ТНТ-Абакан» совместно с кафедрой хакасской филологии ХГУ имени Н.Ф. Катанова был подготовлен цикл передач «Хада – Вместе», посвященных изучению хакасского языка, а также особенностям национальной культуры хакасов. Кроме того, телеканал «ТНТ-Абакан» выпускает передачу «Изеннер!» («Здравствуйте!»), которая посвящена людям, внесшим значительный вклад в развитие Хакасии в различных сферах жизни, а в программе передач Республиканской телевизионной сети (РТС) есть телепроект «Чудеса Хакасии», посвящённый достопримечательностям республики. Кроме того, в Аскизском районе РХ ведёт работу Аскизская студия телевидения (Ас-ТВ), которая выпускает телепередачи четыре дня в неделю. На Ас-ТВ можно увидеть выпуски новостей на русском и хакасском языках; один раз в неделю выходит двуязычная передача художественной редакции. Зона покрытия Ас-ТВ – 50% населения Аскизского района и 30% Бейского.

Как видно, национальное теле- и радиовещание сосредоточено главным образом в информационно-аналитической и культурной сферах. В 2002 г. Т.Г. Боргоякова отмечала, что «качество многих публикаций и теле- радиопередач на хакасском языке не всегда соответствует современным требованиям», что связано главным образом с дефицитом профессиональных журналистов, свободно владеющих хакасским литературным языком, и трудностями в поиске интересных героев передач, которые могли бы свободно и грамотно говорить на родном языке [Боргоякова 2002 (а), с. 151]. Представляется, что десятилетие спустя эти проблемы всё ещё актуальны, однако появление в эфире новых телепередач, посвящённых хакасскому языку, особенностям национальной культуры хакасов и природе Хакасии, свидетельствует о наличии положительных сдвигов в функционировании хакасского языка в республиканском медиaprостранстве. Как справедливо отмечает Ю.Б. Костякова, «национальные СМИ больше внимания уделяют пропаганде культуры, истории, искусства, обычаев, традиций хакасского народа не

только для заполнения информационной ниши, но и для сохранения языкового богатства, которое оскудеет или вообще исчезнет без той среды, в которой оно формировалось и существовало ранее» [Костякова 2005, с. 93]. Поэтому, несмотря на то, что преимущество в предоставлении наиболее важной информации остаётся за русскоязычными СМИ, публикации и передачи на хакасском языке либо с хакасским компонентом в определенной степени восполняют дефицит присутствия республиканского языка, способствуют расширению области его функционирования и тем самым, возможно, способствуют увеличению количества желающих изучить родной язык и передать его своим детям.

Период анализируемого десятилетия характеризуется ростом активности использования хакасского языка в интернет-пространстве республики. Так, в 2013 г. начал свою работу первый хакасскоязычный новостной сайт «Хакас чирі». На его страницах публикуются новости политики, экономики, культуры, спорта и других социально значимых сфер. Кроме того, имеется и сайт, посвященный изучению хакасского языка – «Хакас тілі». На данный момент на сайт загружено немного материалов, однако работа по его наполнению не прекращается: выкладываются видеоуроки хакасского языка с их текстовой расшифровкой, небольшие художественные произведения, интервью со знатоками хакасского языка и другие материалы.

Согласно результатам социолингвистического опроса, проведенного в 2012-2013гг. научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ имени Н.Ф. Катанова среди 400 хакасских респондентов, смотрят телепередачи на хакасском языке около 63% опрошенных, читают газеты и журналы – 56%. Радиопередачи пользуются меньшим успехом – их слушают только 23% респондентов.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в медиапространстве Республики Хакасия региональный язык представлен

ограниченно, хотя в последние годы его присутствие в этой области усиливается. Причиной положительных изменений в функционировании хакасского языка в региональном медиапространстве отчасти являются позитивные перемены в языковой политике региона. Однако нельзя не отметить и то, что в последние годы значительно повысилась степень осведомлённости о проблемах регионального языка среди населения Хакасии. Последние социолингвистические исследования свидетельствуют о наличии «стабильно высокого уровня позитивной этнической идентификации хакасской молодёжи вкупе с отсутствием враждебных настроений со стороны доминантного русского этноса» [Боргоякова, Гусейнова, с. 236]. Эти выводы подтверждаются и наблюдениями за развитием виртуального медиапространства Республики Хакасия: к примеру, в последние годы в социальных сетях появилось большое количество Интернет-сообществ, посвящённых хакасскому языку и культуре. Всё это свидетельствует о том, что необходимость сохранения и развития миноритарного языка всё больше осознаётся населением Хакасии, причём не только этническими хакасами, но и представителями других народов, проживающих в республике.

3.1.3. Сфера духовной культуры

Положение хакасского языка в сфере духовной культуры можно считать благополучным [см. об этом Гусейнова 2011]. Хакасский национальный драматический театр имени А.М. Топанова, музыкально-драматический театр «Читиген», многочисленные творческие коллективы популяризируют хакасскую национальную культуру, активно используя при этом хакасский язык.

Театры являются, пожалуй, наиболее крупными учреждениями культуры в РХ; кроме того, театральная культура (наряду с музыкальной) формирует представление о культуре народа в целом. В Республике Хакасия

ведут активную работу четыре театра: Русский драматический театр имени М.Ю. Лермонтова, Хакасский национальный драматический театр имени А.М. Топанова, Хакасский национальный театр кукол «Сказка» и Хакасский музыкально-драматический театр «Читіген». Старейшим из этих учреждений является ХНДТ им. А.М. Топанова – он основан в 1931 г. В его репертуаре имеются постановки на хакасском и русском языках, а сам театр, создавая спектакли на хакасском языке, способствует сохранению и передаче языка и культурных ценностей коренного населения. Другими словами, Хакасский национальный драматический театр видит свою миссию в сохранении и развитии родной культуры, что достигается постановкой спектаклей соответствующей тематики и активным использованием хакасского языка в этой работе.

Хакасский музыкально-драматический театр «Читіген» («Большая медведица») был основан в 1988 г. Он изначально был национальным, а его основной целью являлось ознакомление зрителя с произведениями хакасских авторов, популяризация хакасской национальной культуры. Следует отметить, что театр «Читіген» является передвижным, что позволяет ему работать в самых отдалённых уголках нашей республики. Основной рабочий язык театра – хакасский.

Творческие коллективы Хакасии также весьма активно используют хакасский язык и элементы хакасской культуры в своей работе, внося тем самым свой вклад в формирование лингвокультурного пространства республики. Так, например, уже более пятидесяти лет существует хакасский народный ансамбль песни и танца «Жарки» («Кўн чахайаґты»), в репертуаре которого хакасские народные песни, авторские постановки, хакасские танцы, современные танцы. Фольклорные ансамбли «Ўлгер» («Созвездие»), «Чон кӧґлері» («Народные мелодии»), «Айланьс» («Возрождение»), рок-группа «Иренек-хан» широко пропагандируют древнее музыкальное наследие

Хакасии, используя в своей работе не только хакасский язык, но и хакасские народные инструменты, что способствует более глубокому погружению в музыкальную культуру предков. Особое внимание обращает на себя детская образцовая эстрадная студия «Час Ханат» («Неокрепшие крылья»), представляющая публике хакасские эстрадные песни, танцы и ориентированная, прежде всего, на молодое поколение. Танцевальная культура в РХ вообще представлена достаточно широко: хакасская образцовая хореографическая студия «Айас» имеет в своем репертуаре обширную коллекцию танцев народов мира, среди которых, конечно, есть и хакасские; танцевальная группа «Ынархас» («Дружба») также осуществляет весьма разноплановые тематические постановки. Танцевальный коллектив «Саяночка», заявленный как ансамбль русского танца, наряду с русскими постановками (такими как «Москва златоглавая», «Коляда-колядушка» и другими) имеет в своем репертуаре и такие как «Мать Хакасия», «Волшебный чатхан», что опять-таки указывает на присутствие национального компонента в сфере духовной культуры республики. Кроме того, обращает на себя внимание и название этого ансамбля, которое хоть и является русским, но всё же отражает ту любовь и уважение, которые жители Хакасии питают к своей малой родине. То же можно сказать и об ансамбле бального танца «Гарина»: в качестве названия для него было выбрано популярное хакасское женское имя.

В Хакасии регулярно проводятся разного рода этнические фестивали: это знаменитый эколого-этнический фестиваль «Чир Чайаан» («Дух земли»), для участия в котором в Хакасию приезжают гости из многих стран; международный фестиваль этнической эстрады «От ыры» («Песня огня»), который также традиционно собирает большое количество участников из разных регионов Российской Федерации и разных стран мира; международный молодежный фестиваль интернациональной дружбы «Ынархас чоллары» («Дороги дружбы») и другие, менее масштабные

мероприятия. Всё с большим размахом в последние годы отмечаются и традиционные хакасские праздники: Чыл пазы, Тун-пайрам, Чир Ине и другие. Большой интерес к ним проявляют не только жители Республики Хакасия (независимо от их национальной принадлежности), но и жители соседних регионов.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о весьма интенсивном развитии хакасской национальной культуры, интересе к ней со стороны населения РХ и других регионов России, а также зарубежья: она уникальна, самобытна, и в полной мере приобщиться к ней можно, пожалуй, только в самой Хакасии. А развитие хакасской культуры немыслимо без хакаского языка, поэтому большое количество творческих коллективов и мероприятий с хакасскими названиями, которые используют в своей работе хакасский язык, является показателем положительных тенденций в его функционировании. Порой столь успешное развитие национальной культуры наводит на мысль о том, что и язык, обслуживающий эту культуру, развивается благополучно и ему ничто не угрожает. Однако социолингвисты предостерегают нас от столь поверхностных выводов. Т.Г. Боргоякова, ссылаясь на Д. Фишмана, пишет: «Специальные мероприятия с символическим использованием языка мало влияют на ежедневное функционирование языка, особенно использование молодежью. Обычно такие мероприятия проводятся при финансовой поддержке властей, носят фольклорно-показательный характер и мало способствуют дальнейшим усилиям по межпоколенной передаче языка» [Боргоякова 2002 (а), с. 233-234]. Автор заключает: «Так же, как никакой объем позитивного отношения к языку не может заменить совершенно конкретной работы по восстановлению языка и вербальной культуры..., так и никакое количество лекций, театральных постановок и концертов, изданных книг и журналов на языке X не может заменить воссоздание молодых семей детородного возраста, в которых язык X является основным или вторым средством коммуникации дома, среди друзей и соседей» [Там же, с. 232-233].

С другой стороны, благополучное функционирование хакасского языка в сфере духовной культуры может в определённой степени способствовать замедлению сокращения количества носителей хакасского языка или даже их увеличению. Результаты социолингвистических опросов позволили установить, что основной причиной нежелания жителей РХ изучать хакасский язык и передавать его своим детям является узкая сфера его применения. Это даёт основание предположить, что активное функционирование хакасского языка хотя бы в отдельных областях жизни республики может побудить хакасскую молодёжь, владеющую родным языком, выбрать его в качестве языка общения в своих собственных семьях и тем самым передать родной язык своим детям. Что же касается тех, кто хакасским языком не владеет (это относится не только к этническим хакасам, но и к представителям других народов, проживающих на территории РХ), то представляется, что желание приобщиться к богатейшей культуре хакасского народа вполне способно привести их к изучению хакасского языка. Как было отмечено в параграфе 3.1.1., в 2012/2013 учебном году в РХ 500 детей, не принадлежащих к коренной национальности, изучали хакасский язык. Ежегодно в Доме литераторов, принадлежащем Союзу писателей Хакасии, проводятся курсы хакасского языка для взрослых, на которых обучаются не только хакасы, но и небольшое количество представителей других этносов. Начиная с 2013 г. и по настоящее время в Институте гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии проходят стажировку двое граждан США, которые изучают хакасский язык, фольклор и музыкальную культуру в рамках билингвальной исследовательской программы «Khakass Cultural Codes and Identity» («Хакасские культурные коды и идентичность») под руководством профессора Т.Г. Боргояковой. На наш взгляд, все эти факты можно считать свидетельством благополучного функционирования хакасского языка в сфере духовной культуры.

3.1.4. Сфера религии

Результаты опроса, проведённого В.П. Кривоноговым с целью определения религиозной принадлежности хакасов, свидетельствуют о том, что 18,7% из них являются неверующими, 10% - приверженцами традиционного культа, 32,4% исповедуют православие, 33,1% считают себя одновременно православными и последователями традиционного культа (остальные 5,8% отнесены к «прочим», т.е. приверженцам западных протестантских течений и просто теистам) [Кривоногов 2011, с. 187]. Таким образом, 65,5% хакасов так или иначе причисляют себя к православным христианам, а потому анализ функционирования хакасского языка именно в этой конфессиональной области представляется наиболее целесообразным.

В социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации», изданной в 2000 году, указано, что в религиозной практике хакасский язык не используется. Согласно энциклопедии, язык не применялся в религиозных службах, ритуалах и обрядах, а из священных текстов на хакасский язык были переведены только Жития святых. Однако в настоящее время ситуация изменилась. Первое, о чём следует упомянуть, - это издание Евангелия («Чахсы хабар») на хакасском языке. Эта книга вышла в 2007 году, и в неё вошли Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, то есть все 4 Евангелия Нового Завета. Перевод был организован по инициативе Института перевода Библии (г. Стокгольм). В 2008 г. была выпущена в свет книга иллюстрированных библейских рассказов «Библия для детей» на хакасском языке («Олғаннар Библиязы»). А уже в 2010 г. был издан полный вариант Нового Завета – «Наа Молчағ».

Нельзя не согласиться с мнением профессора В.Г. Карпова, который называет появление Библии на хакасском языке «знаменательным событием» [Карпов, 2008, с. 19]. Действительно, переводы конфессиональных книг

значительно обогащают словарный и фразеологический фонд языков мира, внося в них большой пласт религиозной лексики. Как пишет Н.Б. Мечковская, Писание на родном языке способствует «интенсивному развитию в языке новых видов речи – аллегорической, абстрактно-философской, экспрессивно-метафорической» [Мечковская, 1998, с. 270]. Там же автор указывает, что «переводы Писания часто становились материально-языковой базой наддиалектного (общенационального) литературного языка». М.Е. Алексеев указывает на исключительную роль перевода Библии в повышении престижа родного языка и, соответственно, повышение интереса к нему как со стороны носителей, так и со стороны местных органов власти [Алексеев, 2008]. «Перевод Библии на один из таких (исчезающих – А.Г.) языков служит мощным импульсом для национального, культурного и духовного возрождения народа – носителя этого языка» – пишет учёный [Там же, с. 15]. Следовательно, издание Библии на хакасском языке является не только заметным событием в его социальной истории, но и фактором расширения сфер его использования и поддержки его витальности.

Впрочем, для того, чтобы говорить о полноценном вхождении языка в религиозную сферу, недостаточно одних лишь переводов священных текстов. Так, А.Р. Мурадова считает использование миноритарного языка (или его «классического» варианта) в качестве языка богослужения одним из важнейших факторов, способствующих сохранению языка национального меньшинства [Мурадова, 2008]. Поэтому как положительный момент следует отметить, что перевод Нового завета – не единственный факт вхождения хакасского языка в религиозную сферу. К сожалению, в настоящее время использование хакасского языка в богослужениях – скорее исключение, чем правило, однако таких исключений с годами становится больше. Так, в градо-абаканском храме Святых Равноапостольных Царей Константина и Елены в ходе воскресной литургии совершается чтение Евангелия не только на старославянском, но и на хакасском языке. По-хакасски читаются и

некоторые молитвы (например, «Отче наш» - «Пабабыс»), на региональный язык переведено также некоторое количество песнопений [Настоятель Градо-Абаканского храма...]. При том же храме было организовано бесплатное обучение хакасскому языку. Всё это, конечно, во многом является личной инициативой настоятеля храма протоиерея Геннадия Фаста, однако в любом случае расширение сферы применения хакасского языка является дополнительным поводом для более оптимистичного прогноза относительно его будущего.

Таким образом, если в начале 2000-х гг. из священных текстов на хакасский язык были переведены только Жития святых, то в настоящее время христиане, владеющие хакасским языком, могут читать на нём Новый Завет и детскую Библию, а также слышать республиканский язык на богослужениях. Следовательно, динамика функционирования хакасского языка в сфере религии может быть признана положительной.

3.1.5. Сфера городского пространства

Язык города представляет собой сложную систему, которая в последние годы весьма активно изучается отечественными лингвистами. Пристальное внимание исследователей обращено к вопросам языковой политики и языкового планирования, особенно в части городской топонимики. Для столицы поликультурного региона эти вопросы особенно актуальны, поскольку при наименовании городских объектов здесь очень важно соблюсти баланс между языками, функционирующими в соответствующем городском пространстве.

В урбонимии г. Абакана доминирующие позиции занимает русский язык, преобладающий практически во всех сферах жизни республики. Несмотря на официально установленное двуязычие, надписи на хакасском

языке в столице Хакасии встречаются достаточно редко. Использование государственного языка республики представлено сферами:

1. *В сфере административно-территориального управления* используются двуязычные вывески на зданиях государственных учреждений. Использование таких вывесок является обязательным пунктом республиканского Закона о языках (статья 14, п. 2), и их наличие укрепляет имидж столицы республики с двумя государственными языками.

2. *В сфере духовной культуры* используются двуязычные надписи, примером которых являются афиши, вывески, сообщающие горожанам о проведении мероприятий, связанных с хакасским языком и культурой. (На этих вывесках чаще всего можно видеть названия хакасских праздников («Чыл пазы», «Тун пайрам»), приглашения к участию в различных мероприятиях, имеющих национальную специфику («Мисс Абахай», «Алыптар»), анонсы предстоящих культурных событий и т.п.). Как было отмечено выше, хакасский язык продолжает активно функционировать в деятельности национальных учреждений культуры, потому использование хакасского языка здесь вполне органично. Следует отметить, впрочем, что подобные надписи чаще всего двуязычны, хотя встречаются и одноязычные надписи, ориентированные исключительно на хакасскоязычную аудиторию.

3. *В сфере здравоохранения* следует отметить двуязычные вывески на зданиях медицинских учреждений, в частности, аптек и аптечных пунктов разной формы собственности.

4. *В номинации городских объектов*, в том числе торговых точек, предприятий, встречаются такие эмпоронимы как магазин детских товаров «Палалар» («Дети»), сауна «Мылча», торговый центр «Аҕбан» («Абакан»), выставочный зал «Чылтыс» («Звезда») и некоторые другие. В качестве удачного примера использования хакасского языка в городской номинации А.Д. Каксин приводит название гостиницы «Кантегир», что находится в аэропорту [Каксин 2013 (а)]. Поясняя эту мысль, он ссылается на хакасско-

русский словарь, с помощью которого сочетание слов *хан* (хан, владыка) и *тигир* (небо), от которых образовано название гостиницы, можно перевести как «владыка небес». Исследователь делает вывод о том, такое название можно считать вполне оправданным, «если учесть к тому же, что гостиница эта предназначена, прежде всего, для летчиков» [Там же, с. 67].

Однако общий языковой облик города А.Д. Каксин характеризует следующим образом: «Сегодняшний Абакан, столица Республики Хакасия, - город «с русским языком»» [Там же]. С этим мнением трудно не согласиться, поскольку хакасских названий на карте Абакана действительно немного.

Для того, чтобы получить более полное представление о доле регионального компонента в урбанонимии г. Абакана, мы провели анализ названий линейных городских объектов (годонимов), представленных на интернет-сайте «Почтовый индекс». Материалом исследования послужили 384 годонима. Отметим, что мы намеренно не включили в исследование такие названия как «Район 1-й квартал 101-й» и подобные, которых в Абакане имеется несколько десятков. Подобные наименования безлики и неинформативны, а потому не представляют интереса для настоящего исследования. Проведённый анализ позволил установить, что лишь около 13% абаканских улиц названы в честь людей или мест, связанных с Хакасией и Сибирью. В качестве примера можно привести такие *оттопонимические годонимы* как ул. Сибирская, Енисейская, Минусинская, Дивногорская и т.п., а также *названия улиц, образованных от фамилий знаменитых уроженцев наших мест*: ул. Ивана Ярыгина, ул. Кати Перекрещенко, ул. Николая Манакова, ул. Г.А. Вяткина и другие. Если же остановиться только на хакасских названиях, то их будет ещё меньше. В Абакане есть *улицы, названные в честь шести из восьми районов Хакасии*: ул. Алтайская, Аскизская, Бейская, Богграда, Таштыпская, Ширинская. Возможно, в эту группу можно включить и улицу Саралинскую, поскольку до 1955 года Орджоникидзевский район Республики Хакасия назывался Саралинским

районом. Помимо перечисленных «географических» топонимов следует назвать улицы Абаканская и Хакасская, а также Баланкульский и Ташебинский проезд. *Улиц, носящих имена выдающихся представителей коренного народа Хакасии*, нам удалось выявить всего 13. Это улицы имени А.П. Кыштымова, В.А. Угужакова, Н.Г. Доможакова, И.Н. Ахпашева, Г.И. Итыгина, И.Н. Карачаковой, М.Е. Кильчичакова, Н.Ф. Катанова, А. Киштеева, С.З. Карамчакова, М.Г. Торосова, М.И. Чебодаева, И.Ф. Чертыгашева. Впрочем, имена эти увековечены не только в названиях улиц. Ряд образовательных, научных и культурных учреждений нашей республики назван в честь её прославленных сынов. Так, имя Н.Ф. Катанова носят Хакасский госуниверситет и Хакасская национальная гимназия-интернат, имя классика хакасской литературы Н.Г. Доможакова – национальная библиотека. Хакасский краеведческий музей назван в честь выдающегося археолога-востоковеда Л.Р. Кызласова, Хакасский национальный драматический театр – в честь драматурга А.М. Топанова. Учреждения, носящие имена знаменитых уроженцев Хакасии, есть и в других населённых пунктах республики (например, Аскизский краеведческий музей имени Н.Ф. Катанова (с. Аскиз), центральная районная библиотека имени М.Е. Кильчичакова (с. Аскиз), литературный музей имени М.Е. Кильчичакова (с. Верхняя Тёя) и др.). Многие из упомянутых имён запечатлены и на памятных досках, которые установлены на городских строениях. Всё это, несомненно, идёт на пользу языковому облику г. Абакана, придавая ему региональный колорит, которого в лингвокультурном пространстве республиканской столицы так мало.

Впрочем, как положительный факт можно отметить, что постепенно число хакасских названий на карте Абакана увеличивается. Так, в последние годы здесь появились магазин этнических сувениров «Алтын чир» («Золотой мир»), ресторан хакасской кухни «Хоон Хоорай» (тюркское самоназвание территории Саяно-Алтая), хакасский образовательный центр «Піліс» («Знание»). Кроме того, администрацией города также предпринимаются

меры по увеличению доли регионального языка в лингвокультурном пространстве Абакана. Так, летом 2013 года по инициативе Администрации города Абакана в столице Хакасии началась работа над первым в истории города проектом по присвоению названия будущему жилому массиву, который появится в ближайшие годы. На первом этапе реализации проекта жителей Абакана через средства массовой информации пригласили принять участие в выборе названия для нового микрорайона. Обязательное условие конкурса заключалось в том, что название обязательно должно быть на хакасском языке. В течение месяца от горожан поступила почти сотня вариантов нового названия. На заседании комиссии по наименованию и переименованию городских объектов, куда были приглашены специалисты по хакасскому языку, были выбраны 11 наиболее удачных вариантов, среди которых: «Айас» (светлый, ясный, солнечный); «Айдас» (могучий, мощный); «Арбан» (счастье); «Пайзан» (прекрасный); «Солбан» (астрономич. Венера) и другие. В течение следующего месяца на сайте мэрии Абакана проходило голосование; наибольшее количество симпатий абаканцев досталось вариантам «Арбан», «Айас» и «Солбан». Решением комиссии по наименованию и переименованию городских объектов новому жилому району Абакана было присвоено имя «Арбан», которому отдали предпочтение большинство участников интернет-голосования.

Свой вклад в придание облику г. Абакана регионального колорита внесло и хакасское региональное отделение партии «Единая Россия», которым было принято решение о развитии проекта «Историческая память». Целью проекта является «увековечивание в названии улиц и вновь возводимых в регионе объектов культуры, спорта и социальных учреждений памяти уроженцев Хакасии, которые прославились военными подвигами или выдающимися достижениями в труде, искусстве, научной или иной деятельности» [Абаканским улицам придумали названия]. Единороссы Хакасии внесли в комиссию по наименованию и переименованию городских

объектов предложение о присвоении улицам имен выдающихся ученых, деятелей культуры и искусства, героев боевых действий. В представленный список вошли такие прославленные уроженцы Хакасии как, например, офицеры вооружённых сил РФ С.С. Ашлапов и С.В. Кирячек, погибшие в Чечне, выдающийся спортсмен С.З. Карамчаков, а также Г.Я. Ремишевская, которая почти 30 лет возглавляла Хакасскую республиканскую больницу. Эти предложения были учтены Абаканским городским Советом депутатов, резолюцией которого в 2011 году улицам 10-го жилого района Абакана были присвоены указанные имена. В названиях улиц тогда же были увековечены имена заслуженного художника России В.Ф. Капелько и заслуженного учителя РСФСР И.А. Барашковой, которые жили и работали в Абакане.

«Любое название – это своего рода социальный заказ, тесно связанный со сменой общественно-экономической и политической формации, социального уклада общества, отражением национально-культурных традиций в полиэтническом пространстве, которые в совокупности неизбежно влияют на языковое оформление урбанонимического пространства» – пишет Ю.Г. Пушкарёва [Пушкарёва 2013, с. 11]. Позволим себе считать, что увеличение (пусть даже незначительное) количества хакасских названий на карте Абакана знаменует собой переход к более прогрессивной языковой политике муниципального уровня. Сами абаканцы также способствуют увеличению регионального компонента в лингвокультурном пространстве столицы Хакасии, что свидетельствует об их неравнодушии к языковому облику родного города, об их интересе к государственному языку республики и является проявлением высокого уровня языковой толерантности.

По словам Б.Я Шарифуллина, «Языковое планирование и языковая политика должны стать органичной частью общей политики, направленной на улучшение социальной, экономической и культурной ситуации в городе. Языковая ситуация для горожанина должна быть такой же комфортной, как и

его социокультурное и экономическое положение» [Шарифуллин 2000, с. 172]. Эти слова полностью подтверждают и нашу мысль о том, что для жителей каждого многонационального города очень важно осознавать, что языки, используемые в общении его жителями, являются равноправными, и поэтому в равной степени должны участвовать в создании его языкового и этнокультурного облика.

3.2. Языковая лояльность жителей Хакасии

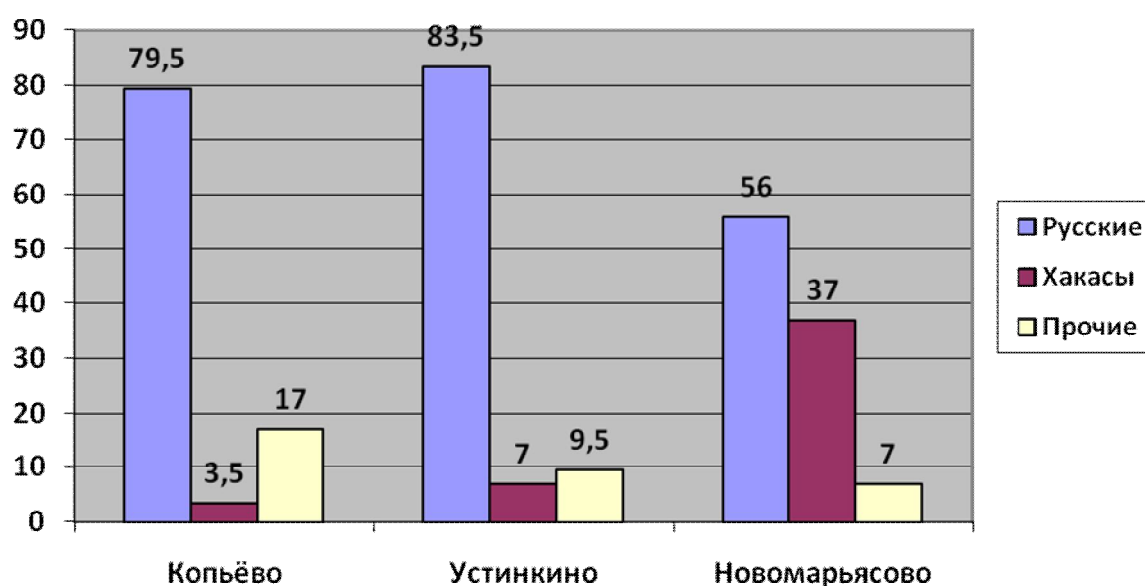
Языковая лояльность является важным параметром оценки языковой ситуации. Действительно, объективные условия жизни языка во многом определяются языковой политикой государства, но даже самая прогрессивная языковая политика может оказаться неэффективной, если сами носители миноритарного языка не имеют по отношению к нему позитивной установки. Высокий уровень лояльности к родному языку является показателем высокой этнической самооценки и комфортного самочувствия этноса на данной территории; толерантность по отношению к неродным языкам свидетельствует о наличии спокойных, добрососедских отношений между представителями этносов, населяющих регион, что является залогом их мирного сосуществования и успешной межкультурной коммуникации. Соответственно низкий уровень языковой лояльности и языковой терпимости сигнализирует о наличии каких-либо негативных явлений в области национального самосознания и межнациональных отношений. Именно поэтому для исследований и практической деятельности в области языковой политики важно выявление уровня лояльности общества к родным и неродным языкам, функционирующим на данной территории.

Несмотря на то, что языковая ситуация в Республике Хакасия и языковая лояльность как её компонент не раз становились объектами

глубокого и всестороннего исследования, постоянные изменения обуславливают необходимость дальнейшего изучения с привлечением данных по конкретным районам. В настоящей работе массовому социолингвистическому обследованию впервые подвергаются населённые пункты Орджоникидзевского района – самого северного района республики, имеющего продолжительную границу с Красноярским краем и Кемеровской областью. Он интересен для исследования тем, что являет собой в некотором смысле «Хакасию в миниатюре» – здесь так же, как и в республике в целом, хакасское население, сосредоточенное в основном в отдалённых посёлках, составляет 12% от общего количества жителей района.

С целью определения лояльности к хакасскому языку со стороны населения района в 2012 г. нами был проведён социолингвистический опрос в трёх населённых пунктах Орджоникидзевского района РХ: в районном центре Копьёво, а также посёлках Устинкино и Новомарьясово. Целью проведения анкетирования было выявление особенностей функционирования хакасского языка и уровня языковой толерантности жителей в пограничном районе Хакасии. Общее количество анкетированных составило 548 человек, их возраст – от 12 до 72 лет. Следует отметить, что национальный состав респондентов в населённых пунктах, где проводился опрос, не отличается однородностью. Так, самый высокий процент респондентов хакасской национальности представлен в с. Новомарьясово, что, несомненно, отразилось и на результатах анкетирования.

Этнический состав респондентов

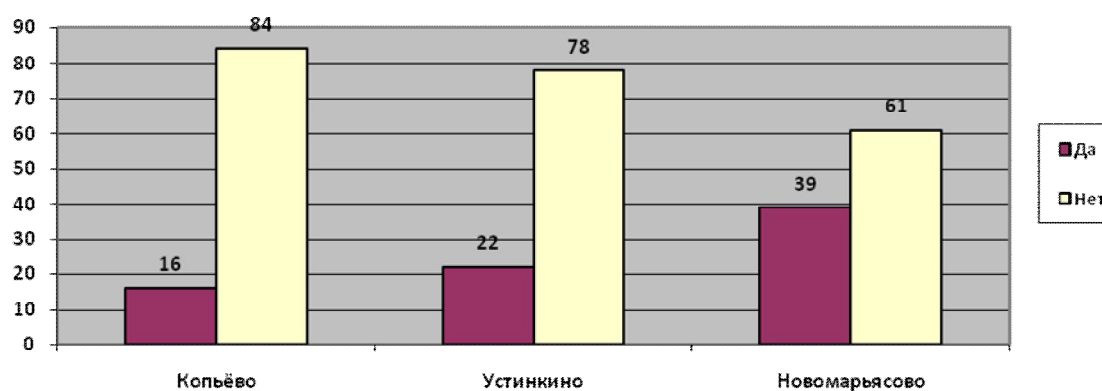

На первый вопрос анкеты («Было бы для Вас интересно изучать хакасский язык?») в целом по району было получено 25% положительных ответов. Если же дифференцировать ответы респондентов в зависимости от места их проживания, то результаты оказываются следующими: среди жителей Копьёво только 16% заявили о своём желании изучать хакасский язык, в Устинкино их количество равно 22%, а в Новомарьясово – 39%.

Ответы на этот вопрос представлен следующей диаграмме:

Было бы для Вас интересно изучать хакасский язык?

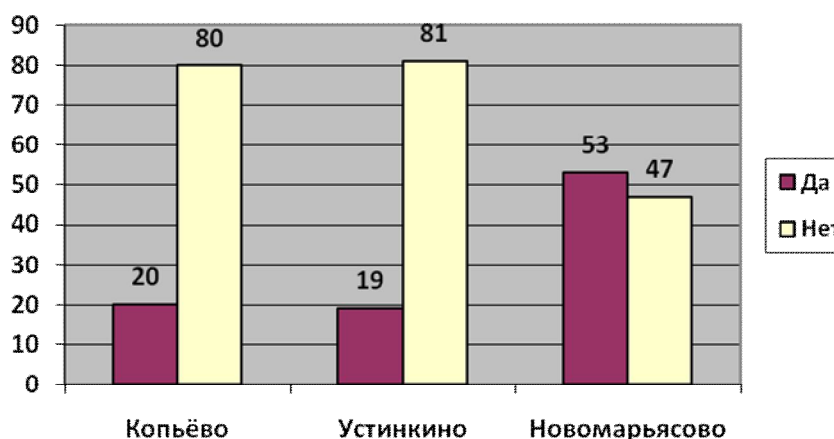
Что касается причин, почему большая часть опрошенных не желает изучать государственный язык республики, то основной из них является узкая сфера его применения. Описывая своё отношение к изучению хакасского языка, респонденты заявляли: «Он мне не нужен», «Я не знаю, где он может пригодиться», «Не перспективно», «Нет необходимости его знать». Кроме того, молодёжь заявляла о своей перегруженности в школе, вследствие чего ребята не хотят введения дополнительных предметов изучения («Хватает английского», «И без него предметов хватает», «Я и так два языка учу», «Немецкий тут выучить не можешь, ещё и хакасский»). Опасения по поводу качества языкового образования высказала и одна из родительниц: «У детей достаточно большая нагрузка, и научили бы хотя бы одному немецкому или английскому нормально». Что же касается взрослых людей, то некоторые из них сообщили, что не интересуются изучением хакасского языка по причине своего возраста: «Возраст не тот», «Возраст не позволяет», «Уже поздно», «Время уже ушло». В нежелании изучать хакасский язык присутствовал и фактор этнической принадлежности: некоторые респонденты сообщили, что хакасский язык не интересен им,

поскольку не является языком их национальности («Я не хакас», «Я русский», «Я русская и предки все русские»). Что же касается тех 25% респондентов, которые хотели бы изучать хакасский язык, то причины их интереса к нему состоят в следующем:

1. Проживание на территории Хакасии («Я живу в РХ», «Мы живём в Хакасии и дружим с хакасами»);
2. Принадлежность к хакасскому этносу («Это мой родной язык», «Я хакас», «Это язык моих предков»);
3. Наличие соответствующего круга общения («Есть родственники хакасы», «Муж хакас», «Много друзей хакасов»);
4. Любознательность («Просто интересно», «Изучение нового», «Для общего образования», «Чтоб в будущем знать», «Он похож на другие тюркские языки»).

Далее респондентам было задано несколько вопросов, касающихся преподавания хакасского языка в школе. На вопрос «Если вы в Вашей школе началось преподавание хакасского языка, желали бы Вы, чтобы Ваши дети изучали этот предмет?» положительно ответили 20% респондентов из Копьёво, 19% - из Устинкино, 53% - из Новомарьясово (в целом по району – 29% положительных ответов, 71% отрицательных).

Если бы в Вашей школе началось преподавание хакасского языка, желали бы Вы, чтобы Ваши дети изучали этот предмет?

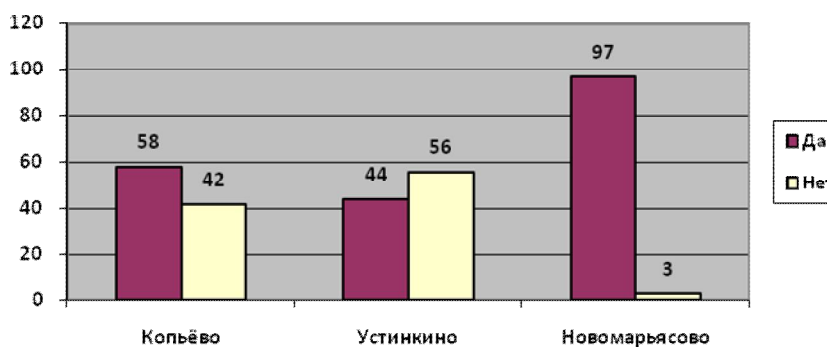
Следует отметить, что Новомарьясовская СОШ является одной из немногих школ Орджоникидзевского района, в которой ведётся преподавание хакасского языка. Несомненно, этот факт (равно как и проживание в посёлке значительного количества хакасов) во многом объясняет высокий уровень языковой лояльности жителей Новомарьясово. Что же касается причин, по которым респонденты хотели бы (или не хотели бы), чтоб их дети изучали хакасский язык, то думается, что они в общих чертах те же, что указаны в ответе на предыдущий вопрос: часть респондентов видит хакасский язык бесперспективным и бесполезным, а потому считает более целесообразным изучение русского языка как государственного языка РФ и языков международного общения вроде английского или немецкого. Другая часть респондентов более лояльно настроена к региональному языку, поскольку считает полезным изучение титульного языка республики проживания, связывающего народ с духовным и культурным наследием его предков. К сожалению, степень

осведомлённости населения о преимуществах билингвизма по-прежнему невысока, хотя преодоление стереотипа о бесполезности или даже вреде двуязычия, на наш взгляд, могло бы значительно изменить мнение людей о целесообразности изучения иностранных языков, даже если они не являются языками международного общения.

Один из ключевых вопросов анкеты, направленный на выявление уровня толерантности к хакасскому языку, звучал следующим образом: «Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели возможность изучать хакасский язык в школе?». На этот вопрос было получено 58% положительных ответов от жителей Копьёво, 44% – от жителей Устинкино и 97% – от жителей Новомарьясово (в целом по району – 64,4% положительных ответов, 35,6% - отрицательных).

Диаграмма 7

Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели возможность изучать хакасский язык в школе?

Из представленной диаграммы можно сделать вывод о влиянии компактности или доли проживающего на определенной территории коренного населения на языковую толерантность всего сообщества, что демонстрируется показателями пос. Новомарьясово в сравнении с другими обследованными населёнными пунктами. Выше упоминалось также, что в Новомарьясовской СОШ ведётся преподавание хакасского языка, а потому

считаем возможным предположить, что данный факт также способствует более высокой языковой лояльности населению посёлка.

В ходе анкетирования респондентам был задан и такой вопрос: «Как вы думаете, все ли хакасы владеют хакасским языком? Если нет, то почему?». Цель включения в анкету этого вопроса состояла в том, чтобы выяснить степень осведомлённости населения о проблемах функционирования регионального языка. Ответы на этот вопрос позволяют заключить, что мало кто из жителей Хакасии считает, что хакасским языком владеют все хакасы. Что же касается причин его незнания, то в числе основных были названы следующие:

1. Язык не используется в семейном общении («Не общаются в семье», «Родители не научили», «В семье не разговаривают», «Язык не передаётся из поколения в поколение»);
2. Язык не преподаётся («Не изучают в школе», «Многие с детства учат русский», «Учатся в русскоязычных школах»);
3. Преобладание русского языка и русского этноса («Большинство разговаривает на русском», «Хакасы живут в русскоязычном окружении», «Нет однородных поселений коренного народа»);
4. Этническая ассимиляция («Живут в смешанных семьях», «Не осталось чистокровных хакасов», «Многие обрусели»);
5. Нежелание хакасов изучать и использовать родной язык (здесь наиболее частотным ответом было краткое: «Не хотят»).

В ходе анкетирования респондентам было задано несколько вопросов, касающихся динамики социолингвистических процессов в республике. На вопрос: «Как Вы думаете, делается ли в РХ что-нибудь для распространения хакасского языка?» положительно ответили 33,8% респондентов,

отрицательно – 22,6%, однако большинство анкетированных (43,6%) затруднилось ответить на этот вопрос. Это свидетельствует о том, что меры, которые предпринимаются Правительством РХ для поддержки хакасского языка, мало заметны широким слоям населения, хотя введение предмета «Хакасский язык» в школах республики, проведение культурных мероприятий, увеличение количества печатной и медиапродукции на хакасском языке, размещение двуязычных вывесок на различных учреждениях не осталось незамеченным.

Похожие результаты были получены при анализе ответов на вопрос: «Какие изменения в этом плане (т.е. в плане распространения хакасского языка) Вы заметили за последние 20 лет?». Лишь 17% респондентов указали, что заметили хоть какие-то изменения; 20% изменений не заметили, а 63% затруднились ответить. Жители Орджоникидзевского района отметили, что в последние годы стало больше информации о хакасском языке и культуре, интерес к ним возрос, а присутствие хакасского языка в сфере образования, духовной культуры и СМИ значительно усилилось. Но при этом респонденты указали и на другие изменения: хакасы забывают родной язык, и следовательно, число его носителей уменьшается.

При этом нельзя не отметить, что Администрацией Орджоникидзевского района предпринимаются определённые усилия по укреплению и развитию культуры хакасского народа в районе: в д. Горюново открыт национальный центр, а в с. Новомарьясово – класс хакасских народных инструментов, комплект которых был для этого закуплен. В октябре 2012 г. в с. Сарала по собственной инициативе М.М. Табаткина, члена районного Совета старейшин хакасских родов, и при поддержке Администрации Орджоникидзевского района прошла районная конференция представителей хакасских кызыльских родов «Сохранение и развитие языка и культуры хакасов-кызыльцев в Орджоникидзевском районе», в которой

приняли участие представители министерств и ведомств РХ, научные сотрудники ХГУ и ХакНИИЯЛИ, работники образования и СМИ. Однако, несмотря на это, в целом по Орджоникидзевскому району уровень языковой лояльности и толерантности заметно ниже, чем, например, в г. Абакане (по данным аналогичного опроса [Бороякова, Гусейнова 2012]). Если развести респондентов на две группы по национальному признаку, то соотношение положительных и отрицательных ответов на один из ключевых вопросов анкеты можно представить следующим образом:

Таблица 6

Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели возможность изучать хакасский язык в школе?

	Абакан		Орджоникидзевский район	
	Да	Нет	Да	Нет
Русские	90%	10%	62%	38%
Хакасы	100%	-	74%	26%

Причиной такого расхождения в показателях, на наш взгляд, является менее заметное присутствие хакасского этноса в Орджоникидзевском районе. Несмотря на то, в Абакане и в Орджоникидзевском районе проживает практически одинаковый процент коренного населения, в столице Хакасии его присутствие гораздо более заметно: существует значительное количество двуязычных вывесок, объявлений, а доступ к хакасскоязычным СМИ в Абакане шире, чем в отдалённых районах Хакасии. Кроме того, Абакан является и культурной столицей республики, а в сфере духовной культуры хакасский язык функционирует относительно благополучно. Возможно,

именно по причине большей информированности о языке и культуре хакасского народа в Абакане уровень языковой лояльности оказался более высоким.

Кроме того, в российском обществе до сих пор существуют предрассудки по поводу второсортности и бесперспективности языков меньшинств. Возможно, данный стереотип является следствием языковой политики советского периода, особенности которой рассматривались в I главе настоящей диссертации, однако и в настоящее время он весьма живуч не только среди обывателей, но и среди учёных. Так, Н.Б. Мечковская справедливо критикует приложение «Языковая ситуация и языковая политика в России и СССР», представленное в учебнике В.И. Беликова и Л.П. Крысина «Социоллингвистика» (М., 2001). Среди слабых сторон Приложения она указывает на неосведомлённость авторов в том, что касается чужой (не русской) культуры, небрежное отношение к источникам и отмечает: «Однако больше, чем неаккуратность и неосведомлённость, поражает общий тон “Приложения” – недоброжелательность и жестокость по отношению к народам окраин империи, равнодушие к этике межнациональных отношений. Для этики издания диагностично многократное употребление терминов «инородцы», «инородческое население» – чаще без кавычек или иного дистанцирования от них... Думаю, контент-анализ “Приложения” показал бы, что имена нерусских народов встречаются преимущественно в отрицательных контекстах. Очерк написан жестко, и это даже не связано с тем, что содержат конкретные строки – правду или полуправду» [Мечковская 2003, с. 50]. С сожалением приходится констатировать, что если даже именитые социоллингвисты проявляют пренебрежение и недоброжелательность к языкам и культурам этнических меньшинств России, то соответствующее отношение со стороны российских обывателей, далёких от проблем социоллингвистики, не вызывает удивления.

Однако данный факт актуализирует необходимость более серьёзной работы по формированию толерантных межэтнических отношений в России. В связи с этим весьма своевременным является появление Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., которая была утверждена указом Президента РФ в декабре 2012 г. Как указано в документе, «стратегия разработана в целях сохранения этнокультурной самобытности её народов». К основным вопросам, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов, отнесено «сохранение и развитие культур и языков народов РФ, укрепление их духовной общности» [Указ Президента РФ...].

Продолжая тему языковой толерантности жителей РХ, интересно сравнить ответы русских респондентов (далее – РР) из Абакана и Орджоникидзевского района на некоторые другие вопросы анкеты. К примеру, на вопрос: «Думали ли Вы когда-нибудь изучать хакасский язык?» положительно ответили 21,5% РР из Абакана и всего 9% - из Орджоникидзевского района. На вопрос: «Стоит ли сделать изучение хакасского языка в школе обязательным для всего населения Республики Хакасия?» положительные ответы дали те же 9% РР из Орджоникидзевского района и 10% опрошенных абаканцев. Как видно, показатели языковой толерантности русских жителей Хакасии к языку её коренного этноса невелики, причём за прошедшее десятилетие они снизились. Результаты анкетирования, проведённого в 2002 г. Т.Г. Боргояковой среди студентов ХГУ имени Н.Ф. Катанова, показали, что 26% РР тогда хотели изучать хакасский язык, а 19% полагали, что его изучение должно быть обязательным. Комментируя эти цифры, Т.Г. Боргоякова отметила, что они «подтвердили распространённую позицию носителей доминантных языков, не желающих изучать другие языки. Эта позиция, несомненно, оказывает влияние на престиж и статус миноритарного языка» [Боргоякова 2002 (а), с.

200]. На этом основании автор делает вывод о том, что эстимационный (оценочный) параметр характеристики ЯС в РХ и измерения мощности хакасского языка оказывается не вполне благоприятным для его функционирования [Там же]. Следует признать, что этот вывод до сих пор остаётся справедливым в отношении ЯС в Хакасии, особенно её отдалённых районов.

В целом, исходя из результатов анализа, можно заключить, что показатели языковой лояльности и языковой толерантности в Орджоникидзевском районе и г. Абакане не являются высокими, но при этом враждебности к языку коренного этноса жители района не испытывают. Даже не желая изучать хакасский язык, люди всё же признают право на его изучение со стороны титульного этноса республики. В то же время думается, что расширение сфер функционирования хакасского языка могло бы изменить мнение большинства жителей района о необходимости его изучения, а это в очередной раз свидетельствует о важности грамотной региональной языковой политики.

3.3. Особенности коммуникативного поведения хакасов в полиэтнической среде

Для того, чтобы получить подробное представление об особенностях коммуникативного поведения хакасов в полиэтнической среде, автором данной работы и научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова в 2012-2103 г.г. было проведено социолингвистическое исследование в г. Абакане, а также в населённых пунктах Аскизского, Таштыпского и других районов Республики Хакасия. В анкетировании приняли участие 400 респондентов

хакасской национальности в возрасте от 14 до 67 лет. Для полноты социолингвистической характеристики хакасского языка особенности языковой компетенции и языковой лояльности хакасов рассматриваются в разрезе пола, возраста и места проживания опрошенных. С целью изучения динамики языкового сдвига анкетирование проводилось в тех же районах, которые более десяти лет назад подвергались аналогичному обследованию Т.Г. Боргояковой (результаты этой работы представлены в её монографии «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» [Боргоякова 2002 (а)], данные из которой приводятся в настоящей диссертации для выявления динамики языковой компетенции хакасов).

3.3.1. Гендерные особенности функционирования хакасского языка

Результаты социолингвистических исследований гендера, начавшихся в 70-х годах XX века, однозначно свидетельствуют о наличии языковой дифференциации мужчин и женщин. Так, рассматривая пол как социолингвистический фактор, У. Лабов указывает на существование качественных данных, описывающих половой диморфизм, который признаётся и постоянно упоминается всеми членами сообщества, передаётся от взрослых к детям [Лабов 2012]. Исследуя взаимодействие пола и социального класса в ходе языковых изменений, учёный приходит к выводу о том, что женщинам свойственно стремление использовать более престижные языковые формы, и делает попытку дать объяснение этому явлению: «Повышенное внимание к внешним стандартам может подкрепляться более слабым экономическим положением женщин, их относительной безвластностью и деспотической природой самой социальной стратификации» [Там же, с. 146]. Таким образом, следование литературным или более социально престижным нормам характерно для женщин в большинстве языковых сообществ. Что же касается языковых изменений,

относящихся к переходу с одного языка на другой (или к перераспределению диалектов), то они, в отличие от изменений внутри системы (таких как, например, систематические фонетические изменения), неизбежно осознаются сообществом носителей языка и зачастую тесно связаны с экономическими факторами. «Первенствующая роль женщин [в переходе с одного языка на другой – А.Г.], следовательно, не может ожидаться в тех случаях, когда язык ассоциируется с занятостью и возможностями получить образование, которые открыты по преимуществу мужчинам», - пишет У. Лабов [Лабов 2012, с. 130]. Возможно, данный вывод американского социолингвиста отчасти объясняет большую (по сравнению с мужчинами) приверженность женщин родному языку. Однако важно ещё и то, что именно на женщин традиционно возлагаются обязанности по воспитанию детей. Исследования учёных свидетельствуют о том, женщинам принадлежит ведущая роль в сохранении родного языка посредством билингвизма. Т.Г. Боргоякова ссылается на исследования А. Зентеллы, в которых описывается опыт Пуэрто-Рико, где «основную ответственность за сохранение испанского языка взяли на себя женщины», успешно применяющие билингвальную модель для гармоничного воспитания своих детей [Боргоякова 2002, с. 208].

На материале Хакасии также прослеживается тенденция большей языковой лояльности и более высокой языковой компетенции среди женщин. Сведения, полученные в ходе социолингвистического обследования носителей хакасского языка, позволяют сделать вывод о том, что респонденты-женщины (далее ЖР) лучше респондентов-мужчин (далее МР) владеют всеми видами речевой деятельности на хакасском языке. По сравнению с МР на 12% больше ЖР свободно понимают по-хакасски, на 10% больше – свободно говорят. Большее количество респондентов-мужчин признали родным языком хакасский, однако больше респондентов-женщин – два языка.

Динамику языковой лояльности и языковой компетенции хакасов в разрезе гендера можно проследить, сравнив результаты настоящего опроса (2013) с данными анкетирования 2001 г., которые представлены в монографии Т.Г. Боргояковой «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» [Боргоякова, 2002 (а)]. Анализ показателей владения языками (см. таблицу 7) свидетельствует о том, что в женской группе на 4%, а в мужской группе на 3% повысилось количество респондентов, признающих родным языком русский. Показатели по признанию хакасского языка родным у ЖР снизились на 1%, а у МР на 3% повысились за счёт сокращения тех, кто считает родными оба языка. Как положительный момент следует отметить увеличение количества респондентов, оценивающих свои навыки владения хакасским языком как свободные (среди МР количество свободно говорящих по-хакасски возросло почти на 12%, среди ЖР – почти на 19%). Впрочем, количество тех, кто не понимает, не говорит, не читает и не пишет по-хакасски, за прошедшие годы также увеличилось (так, количество не говорящих по-хакасски ЖР увеличилось на 1%, а МР – на 7%).

Таблица 7

**Выбор родного языка и оценка уровня владения им
в зависимости от пола (%)**

	Пол			
	женский		мужской	
	2001	2013	2001	2013
<u>Родной язык:</u>				
русский	4,9	8,7	7,4	10,2
хакасский	70,4	69	68,3	71,2
русский и хакасский	24,8	22,3	24,3	18,6
<u>Понимают по-хакасски:</u>				

свободно	50,6	68	44,3	56
частично	44,9	24	49,9	35,8
не понимают	4,5	8	5,8	8,2
<u>Говорят по-хакасски:</u>				
свободно	41,5	60,4	38,8	50,4
частично	44,7	25	51,1	32,5
не говорят	13,8	14,6	10,1	17,1
<u>Читают по-хакасски:</u>				
свободно	61,6	66,6	58,3	61,8
частично	31,8	23,4	38,7	27,6
не читают	6,5	10	3	10,6
<u>Пишут по-хакасски:</u>				
свободно	57,8	64,7	55,9	61
частично	32,5	22,4	40,6	24,4
не пишут	9,7	12,9	3,5	14,6

Анализ эмпирического материала показал, что ЖР чаще МР общаются на хакасском языке в семье, причём если для общения с родителями родной язык используют на 3% больше женщин, то при общении со старшим поколением (бабушками и дедушками) разрыв между полами составляет почти 10%. Около четверти опрошенных обоих полов общаются с родителями на русском языке. При общении с друзьями большая часть респондентов использует два языка – русский и хакасский, причём у МР по сравнению с ЖР показатели использования как русского, так и хакасского языков выше на 4%.

Что касается динамики сфер использования языков, то отмечается снижение числа респондентов, использующих русский язык для семейного и дружеского общения, и увеличение количества тех, кто выбирает хакасский язык. На фоне уменьшения числа хакасов, владеющих родным языком,

усиление его присутствия в сфере семейной коммуникации вызывает удивление. Возможным объяснением этого феномена является, на наш взгляд, повышение степени осознания ценности родного языка и одновременно – угрозы его исчезновения, с одной стороны, и некоторое укрепление позиции регионального языка в коммуникативном пространстве республики, с другой. Гендерный аспект функционирования языка в семье и ближайшем социальном окружении представлен в таблице 8.

Таблица 8

Сферы использования языков в зависимости от пола (%)

Язык общения	Пол			
	женский		мужской	
	2001	2013	2001	2013
<u>С родителями:</u>				
русский	29,9	25,3	28,4	26,4
русский и хакасский	45,3	35,3	47,7	37,2
хакасский	24,8	39,4	23,9	36,4
<u>Со старшим поколением:</u>				
русский	22,2	21	24,6	22,2
русский и хакасский	36,8	22,5	39,3	31,6
хакасский	41	56,5	36,1	46,2
<u>С друзьями:</u>				
русский	59	37,8	61,6	41,7
русский и хакасский	37,5	50,4	33,6	42,5
хакасский	3,5	11,8	4,8	15,8
<u>С коллегами:</u>				
русский	нет	41,5	нет	43,9

русский и хакасский	данных	44,8	данных	42,1
хакасский		13,7		14

По сравнению с социолингвистическими опросами 2001 г. в новые анкеты был включён вопрос о выборе языка общения с коллегами. Выяснилось, что говорит с сослуживцами по-хакасски около 14% респондентов. Показатели использования русского, а также русского и хакасского языков для общения с коллегами у мужчин и женщин примерно равны. При обращении в госучреждения 60,9% опрошенных мужчин и 57,3% опрошенных женщин используют только русский язык, остальные – прибегают к помощи как русского, так и хакасского. В этих пунктах существенного расхождения между мужчинами и женщинами не наблюдается.

Песни на хакасском языке по-прежнему знает больше ЖР (73,6%), чем МР (66,7%). Следует отметить, однако, что результаты социолингвистического опроса 2001 г. выглядят несколько иначе: тогда хакасские песни знали 66,9% ЖР и 48,9% МР. Налицо заметный рост данного показателя, который может быть связан как с общим повышением уровня языковой лояльности, так и с усилившимся присутствием хакасского языка в республиканской культурной сфере.

Отношение к хакасскому языку среди его носителей также различается в зависимости от пола, хотя расхождения между мужчинами и женщинами невелики. Практически по всем пунктам ЖР проявляют более позитивный настрой по отношению к родному языку, нежели МР. Так, почти сто процентов опрошенных женщин считают, что родной язык надо знать (99,6%) и изучать в школе (98,5%). У опрошенных мужчин показатели по этим пунктам ниже на 2-2,5%. Достаточно высока у ЖР и готовность оказать содействие работе по сохранению и развитию родного языка (90%), что на 3% превышает данный показатель у мужской части респондентов. Исключением является лишь вопрос о желании респондентов передать

родной язык детям: 94,3% опрошенных мужчин заявили о таком желании, что превышает женский показатель почти на 3% (см. таблицу 9).

Таблица 9

Отношение к хакасскому языку в зависимости от пола (%)

	Пол			
	женский		мужской	
	2001	2013	2001	2013
Знают песни на хакасском языке	66,9	73,6	48,9	66,7
Считают, что родной язык надо знать	90,7	99,6	86	97,6
Считают, что родной язык надо изучать в школе	90,4	98,5	86,4	95,9
Хотят, чтобы их дети знали родной язык	89,4	91,6	83,6	94,3
Готовы оказать содействие работе по сохранению и развитию родного языка	86,8	90	81,3	87

Динамику отношения хакасов к родному языку нельзя не признать положительной. По сравнению с результатами аналогичного опроса, проведённого в 2001 г., показатели языковой лояльности хакасов увеличились в среднем на 10%. Можно предположить, что это связано с осознанием угрозы исчезновения родного языка, которая за прошедшее десятилетие стала ещё серьёзней. Кроме того, в широком доступе появилось больше информации о преимуществах билингвизма. Возможно, совокупность этих факторов является причиной роста языковой лояльности хакасов.

Кроме того, 85,7% опрошенных женщин и 78% опрошенных мужчин считают, что будущее хакасского языка находится под угрозой. Почти восьмипроцентный разрыв между респондентами разных полов свидетельствует о том, что женщины в большей степени осознают реальность угрозы исчезновения, нависшей над хакасским языком.

Понимание проблем родного языка и позитивное отношение к необходимости его поддержки и развития, выявленное в ходе опроса, является показателем высокой степени языковой лояльности хакасов к родному языку.

3.3.2. Особенности функционирования хакасского языка, связанные с местом проживания его носителей

Анализ языковой ситуации в современной Хакасии в сравнении с материалами исследования 2001-2002 г.г. подтвердил факт более высокой степени сохранности миноритарного языка в сельской местности. Данные, представленные в таблице 10, свидетельствуют о том, что сельские респонденты (далее СР) по сравнению с городскими (далее ГР) демонстрируют более высокий уровень языковой лояльности и языковой компетенции на хакасском языке во всех видах речевой деятельности. На 13% больше СР признают хакасский родным языком, в то время как почти треть ГР считает родными два языка – русский и хакасский. Разница в качестве владения хакасским языком у городских и сельских респондентов также довольно существенна: она составляет 33% между свободно понимающими, почти 32% – между свободно говорящими, 21,6% и 15% – соответственно между свободно читающими и пишущими. Если проследить динамику языковой компетенции опрошенных горожан и селян, то нельзя не отметить, что за прошедшее десятилетие между ними значительно увеличилась разница в степени владения разными видами речевой деятельности. Интересно отметить, однако, что если показатели владения хакасским языком у ГР почти не изменились, то у СР они существенно возросли. Более чем на 20% увеличилось число свободно говорящих и понимающих сельских респондентов, на 6,6% возросло количество свободно читающих селян и на 7,2 % - количество свободно пишущих.

**Выбор родного языка и оценка уровня владения им
в зависимости от места проживания (%)**

	Место проживания			
	город		село	
	2001	2013	2001	2013
<u>Родной язык:</u>				
русский	7,3	8,5	3,6	9,4
хакасский	65,3	61	76,1	74,2
русский и хакасский	27,4	30,5	20,2	16,4
<u>Понимают по-хакасски:</u>				
свободно	43,2	43	56,2	76,1
частично	51,1	47,2	39,9	16,7
не понимают	5,7	9,8	3,8	7,2
<u>Говорят по-хакасски:</u>				
свободно	35,9	36,8	47,8	68,65
частично	51	42,1	41	18,65
не говорят	13,1	20,8	11,2	12,7
<u>Читают по-хакасски:</u>				
свободно	56,6	51,4	66,4	73
частично	37,9	38	29	17,5
не читают	5,5	10,6	4,6	9,5
<u>Пишут по-хакасски:</u>				
свободно	54,4	53,5	61,3	68,5
частично	37,5	33,3	32,5	18
не пишут	8	13,2	6,1	13,5

Данные таблицы 11 свидетельствуют о более высокой степени интенсивности использования хакасского языка в семье, которая характерна для СР. Их показатели общения на хакасском языке с родителями и старшим поколением в среднем на 20% превышают аналогичные показатели ГР. Кроме того, в семейном общении СР русский язык значительно уступает хакасскому. Тенденция к укреплению позиций хакасского языка в сфере семейного и дружеского общения полностью коррелирует с возросшим уровнем языковой компетенции на родном языке, отмеченным у СР. Нельзя не отметить, впрочем, что городские респонденты продемонстрировали некоторое увеличение показателей использования как русского, так и хакасского языков в семейном и дружеском общении. Увеличение количества ГР, предпочитающих либо русский, либо хакасский язык, можно наблюдать на фоне сокращения тех, кто выбирает для общения оба языка. Однако обращает на себя внимание то, что в дружеской коммуникации ГР (в отличие от семейной) доля использования русского языка ничуть не возросла, а напротив, сократилась на 9,2% на фоне увеличения доли респондентов, признавших, что для общения с друзьями они используют два языка – русский и хакасский. Для общения с коллегами более 60% ГР используют русский язык (у СР этот показатель в два раза ниже). Чуть более трети ГР и почти половина СР общаются с коллегами на двух языках, а показатели функционирования собственно хакасского в данной сфере невелики в обеих группах, хотя разрыв между ГР и СР составляет 15% в пользу последних.

Таблица 11

Сферы использования языков в зависимости от места проживания (%)

Язык общения	Место проживания			
	город		село	
	2001	2013	2001	2013

<u>С родителями:</u>				
русский	32,8	34,8	23,7	20,9
русский и хакасский	48,7	39,7	42,3	33,7
хакасский	18,5	25,5	33,9	45,4
<u>Со старшим поколением:</u>				
русский	26,6	29,9	17,4	16,6
русский и хакасский	41,3	31,5	31,9	23
хакасский	32,2	38,6	50,7	60,4
<u>С друзьями:</u>				
русский	66,2	57	50	29,6
русский и хакасский	30,8	38,5	44,4	52,6
хакасский	3	4,5	5,6	17,8
<u>С коллегами:</u>				
русский	нет	60,7	нет	30,7
русский и хакасский	данных	34,8	данных	49,8
хакасский		4,5		19,5

Обращаются в госучреждения исключительно на русском языке 69,1% ГР и 55,2% СР. Русский и хакасский языки для этого используют 30,9% опрошенных горожан и 44,8% опрошенных селян. Это подтверждает факт более активного использования (и, как следствие, большей сохранности) языка в сельской местности. Знают хакасские песни 69% ГР и 72,6% СР, имеют дома книги на хакасском языке 79% ГР и 75,4% СР (возможно, преобладание показателя городских респондентов по этому пункту можно объяснить тем, что в городе книги более доступны для приобретения).

Данные таблицы 12 свидетельствуют о том, что языковая лояльность хакасов за последние годы повысилась. Следует отметить также, что если в 2001 г. у ГР были зафиксированы более высокие показатели позитивного

отношения к родному языку, то сейчас по этим пунктам лидируют СР, хотя разрыв между двумя группами респондентов невелик.

Таблица 12

Отношение к хакасскому языку в зависимости от места проживания (%)

	Место проживания			
	город		село	
	2001	2013	2001	2013
Считают, что родной язык надо знать	89,7	98,6	87,5	99,2
Считают, что родной язык надо изучать в школе	89,6	96,5	87,8	98,8
Хотят, чтобы их дети знали родной язык	88	90,3	85,7	93,6
Готовы оказать содействие работе по сохранению и развитию родного языка	84,9	85,4	84,1	90,9

Таким образом, факт более высокой сохранности языка в сельской местности нашел своё подтверждение на примере Республики Хакасия: сельские респонденты демонстрируют большую приверженность родному языку, чаще используют его в повседневной коммуникации, обладают более высоким уровнем языковой компетенции. Кроме того, анализ динамики функционирования хакасского языка в городской и сельской местности однозначно доказывает то, что именно аалы с компактным проживанием хакасов являются ресурсной базой для восстановления и расширения его функций.

3.3.3. Возрастные особенности функционирования хакасского языка

Исследование возрастных особенностей языковой компетенции на хакасском языке и его использования в очередной раз подтвердило известную социолингвистическую закономерность, согласно которой «чем

молоде поколение, тем ниже языковая лояльность и тем быстрее она снижается» [Беликов, Крысин 2001, с. 412]. Об этом свидетельствуют результаты социолингвистического опроса хакасских респондентов, разделённых нами на три возрастных группы (см. табл. 13). Уровень языковой компетенции напрямую зависит от возраста респондентов: чем старше группа, тем больший процент её членов свободно владеет различными видами речевой деятельности на хакасском языке. Так, если в первой группе свободно понимают по-хакасски менее 50% респондентов, то в третьей – более 90%; разница в показателях навыков свободного говорения между первой и третьей группами также составляет почти 50%. Закономерность возрастания уровня языковой компетенции по мере увеличения возраста респондентов нарушается лишь в оценке навыка свободного уровня письма, где лучшие показатели принадлежат не старшей группе, а средней. Вообще же следует отметить, что показатели старшей группы постепенно уменьшаются от навыков аудирования до навыков письма, в то время как в средней группе отмечается, что показатели активного владения языком (умение свободно говорить и писать) уступают пассивным показателям (умение свободно понимать и читать). Возможно, это связано с тем, что для респондентов из старшей группы хакасский язык является функционально первым, поэтому навыки понимания и говорения в данном случае развиты лучше. Что же касается средней группы, где показатели активного владения языком превосходят пассивные показатели, то здесь, вероятно, уже можно говорить о пассивном билингвизме, свойственном более молодому поколению. В самой младшей группе показатели навыков свободного чтения и письма превышают показатели свободного аудирования и говорения. Т.Г. Боргоякова объясняет этот феномен тем, что молодые хакасы в подавляющем большинстве случаев изучают хакасский язык как второй, а «изучение второго языка в школе развивает в большей степени навыки чтения и письма» [Боргоякова 2002 (а),

с. 204]. Таким образом, особенности процесса языкового сдвига у хакасско-русских билингвов могут быть охарактеризованы следующим образом: если для респондентов старшей группы хакасский язык является функционально первым, в средней имеются признаки его перехода в пассивную часть русско-хакасского билингвизма, в младшей группе этот переход, по-видимому, завершается окончательным закреплением хакасского языка в качестве второго.

Таблица 13

Выбор родного языка и оценка уровня владения им в зависимости от возраста (%)

	Возраст		
	младше 20	21-40	старше 41
Считают родным языком: хакасский	63,4	75,3	79,3
русский и хакасский	24,1	22,4	12,1
Свободно понимают по-хакасски	47,2	87,5	91,4
Свободно говорят по-хакасски	40,8	73,9	89,7
Свободно читают по-хакасски	55	77,3	82,8
Свободно пишут по-хакасски	56,2	75	67,2

Выявить динамику коммуникативной компетенции респондентов средней и старшей групп в данном случае не представляется возможным, поскольку в монографии Т.Г. Боргояковой, на которую мы опираемся как на источник данных за 2002 г., представлены только результаты опросов молодёжных групп. Однако даже сравнение уровней свободного владения родным языком респондентами первой возрастной группы может дать некоторое представление о динамике языковой компетенции хакасской

молодёжи. Согласно исследованиям Т.Г. Боргояковой, среди хакасских респондентов в возрасте до 20 лет свободно понимали по-хакасски 47,6%, свободно говорили – 39,2%, свободно читали – 58,3%, свободно писали – 55,7%². Сравнение этих показателей с результатами опросов 2012-2013 гг. свидетельствует о том, что языковая компетенция молодёжи за прошедшее десятилетие практически не претерпела изменений.

Таким образом результаты анализа особенностей функционирования хакасского языка в различных сферах общения полностью коррелируют с оценкой респондентами своего уровня владения хакасским языком. Прослеживается явная связь между возрастом респондента и степенью интенсивности использования хакасского языка в его семье, рабочем и дружеском коллективе. Респонденты всех трёх возрастных групп отдают предпочтение хакасскому языку при общении в семье (в большей степени с более старшим поколением, нежели с родителями). С друзьями и с коллегами по-хакасски общается примерно равное количество респондентов в каждой группе, причём показатели использования родного языка респондентами младшей группы несколько превосходят аналогичные показатели средней и старшей групп, члены которых предпочитают билингвальное общение с друзьями и коллегами. Что же касается различий в интенсивности общения на родном языке внутри групп, то они, как было сказано выше, находятся в прямой зависимости от возраста респондентов. По словам Т.Г. Боргояковой, «более высокий уровень владения разными видами речевой деятельности подтверждается и более высокой степенью использования языка в семье и с друзьями» [Боргоякова 2002 (а), с. 205]. Эту закономерность можно проиллюстрировать следующим примером: по данным социолингвистического опроса, интенсивность использования хакасского

---

² Суммы получены путём вычисления средних показателей владения различными видами речевой деятельности респондентами четырёх молодёжных групп: 7-10, 11-14, 15-17 и 18-20 лет (см. [Боргоякова 2002 (а), с. 205]).

языка при общении с родителями в средней группе более чем на 20% выше, чем в младшей, а в старшей – на 20% выше, чем в средней. Что же касается использования родного языка для общения со старшим поколением, то здесь разрыв между младшей и средней группой увеличивается до 33-х процентов, а между средней и старшей – сокращается до 13-ти. Таким образом, можно установить, что языковая компетенция молодёжи находится в прямой зависимости от языкового окружения в семье.

Таблица 14

Сферы использования языков в зависимости от возраста (%)

Язык общения	Возраст		
	младше 20	21-40	старше 40
<u>С родителями:</u>			
русский	36,5	11,4	9,1
русский и хакасский	36,5	39,8	21,8
хакасский	27	48,8	69,1
<u>Со старшим поколением:</u>			
русский	30,7	7,3	9,8
русский и хакасский	32,1	22	5,9
хакасский	37,2	70,7	84,3
<u>С друзьями:</u>			
русский	56,6	21	14
русский и хакасский	27,6	68,6	77,2
хакасский	15,8	10,4	8,8
<u>С коллегами:</u>			
русский	55,7	18	18,2
русский и хакасский	30	70,5	70,9
хакасский	14,3	11,5	10,9

3.4. Роль языка в этнической самоидентификации хакасов (результаты социолингвистического опроса старшеклассников Хакасской национальной гимназии).

В данной части нашей работы представлены результаты анализа данных, полученных в ходе опроса учащихся выпускных и предвыпускных классов Хакасской национальной гимназии-интерната имени Н.Ф. Катанова (далее ХНГИ) в аспекте развития их хакасско-русского двуязычия. Открытая в 1945 году как национальная школа, ХНГИ остается одним из немногих учебных заведений, где изучается хакасский язык и литература, проводятся традиционные хакасские праздники, регулярно устраиваются встречи с деятелями науки и культуры республики. С первых лет своего существования ХНГИ стала «кузницей национальных кадров», а сейчас здесь ведётся активная работа по формированию национального самосознания хакасской молодёжи. Кроме того, среди гимназистов есть представители большинства населенных пунктов республики, где проживает хакасское население, включая Абакан. Всё это объясняет роль и значимость гимназии в качестве объекта социолингвистических исследований, которые проводятся здесь регулярно (см., например, [Боргоякова 2002 (а)], [Побызакова 1998]). Анализ данных этих опросов позволяет выявить изменения, которые произошли за последние годы в языковой компетенции гимназистов, их языковом поведении и языковой лояльности.

В 2012-2013 учебном году нами было проведено социолингвистическое обследование учащихся 10-х и 11-х классов ХНГИ. В анкетировании приняли участие 116 человек. Отвечая на первый вопрос анкеты, 47% респондентов назвали родным языком – хакасский, 16% - русский, 36% - хакасский и русский, 2% затруднились ответить. Следует отметить, что 57% из тех, кто признаёт родным языком хакасский, и 95% из тех, кто назвал в качестве родных хакасский и русский, указали, что язык, на котором они начали

говорить и говорили до шести лет – русский. Эти данные полностью подтверждают слова А.Н. Баскакова, который отмечал, что «понятие «родной язык» ... для большинства тюркоязычных этносов связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности» [Баскаков, Насырова 2000, с. 60]. При этом в 2002 г. 70% гимназистов-старшеклассников признавали родным языком хакасский, 4% - русский, 24% - хакасский и русский [Боргоякова 2002 (а)].

В целом свободно всеми четырьмя видами речевой деятельности на хакасском языке владеют 12% опрошенных выпускников, частично – 53%, что в совокупности составляет 65% . Следует отметить, что среди тех, кто указал, что частично владеет хакасским языком, уровень реального владения им, несомненно, разный. Среди них отдельно необходимо выделить довольно многочисленную группу респондентов, которые заявляют о частичном владении навыками аудирования и говорения, но при этом считают, что могут свободно читать и писать. Группа эта составляет четвертую часть от количества респондентов, которые сообщили о частичном владении хакасским языком, и 13% от общего числа опрошенных. Более того – свободно читающих и свободно пишущих по-хакасски гимназистов оказалось больше, чем свободно понимающих. Объяснить это можно тем, что при работе с письменным текстом в распоряжении читающего имеется больше времени для восприятия написанного, он имеет возможность возвращаться к непонятным фрагментам и размышлять над ними, а также использовать словарь. Что же касается навыков письменной речи, то, возможно, заявляя о своём умении свободно или частично писать по-хакасски, респонденты подразумевали не производство оригинальных текстов, а переписывание готовых образцов, ведь традиционно под умением

писать понимается именно умение письменно воспроизводить графические изображения слов.

Свободно понимают по-хакасски 24% респондентов, частично – 62%, не понимают – 14%. Эти данные вполне коррелируют с количеством опрошенных, которые назвали хакасский язык родным или одним из двух родных языков (наряду с русским). Свободно говорить по-хакасски могут лишь около 15% респондентов, частично – 56%. Соответственно, разница между гимназистами, которые не понимают и не говорят по-хакасски, составляет 15%. Объясняется эта разница, очевидно, сложившейся коммуникативной практикой, при которой основным языком общения в семье является русский, либо используется два языка: русский и хакасский. Результаты ответов респондентов на вопросы, связанные с интенсивностью и сферами использования родного языка, отражены в следующей таблице.

Таблица 15

	Язык общения с родителями	Язык общения с бабушкой и дедушкой	Язык общения с друзьями
Русский	51%	43%	76%
Хакасский	7%	21%	–
Оба языка	42%	36%	24%

Как видно из приведённых выше данных, во внутрисемейном и дружеском общении хакасский язык оказался наименее востребованным. Это может быть связано с привычкой к пассивному восприятию хакасской речи, которая формируется при получении информации главным образом из СМИ или со сцены, вследствие чего навыки «живого» общения постепенно утрачиваются. Кроме того, смотрят хакасские телепередачи только 53%

опрошенных, читают газеты на хакасском языке – 33%, слушают радио – 6%. Эти цифры свидетельствуют о том, что не у всех респондентов, свободно или частично понимающих по-хакасски, есть возможность или заинтересованность в восприятии информации именно на хакасском языке.

В следующей таблице приведены результаты социолингвистического обследования учащихся ХНГИ за последние 15 лет, на примере которых можно проследить динамику изменений в языковой компетенции гимназистов.

Таблица 16

Виды речевой деятельности		1998 г.	2001 г.	2013 г.
аудирование	Свободно	43,1%	43%	24%
	Частично	50%	52%	62%
	Нет	6,9%	4%	14%
говорение	Свободно	26,7%	31%	15%
	Частично	57,8%	52%	56%
	Нет	15,5%	17%	29%
чтение	Свободно	44%	59%	37%
	Частично	50%	38%	48%
	Нет	5,2%	5%	15%
письмо	Свободно	34,5%	46%	40%
	Частично	57,8%	47%	41%

	Нет	6,1%	6%	19%
--	-----	------	----	-----

Сравнение данных, приведённых в таблице, наглядно демонстрирует изменения, произошедшие в языковой компетенции учащихся на родном языке. Не говорит по-хакасски уже почти треть выпускников гимназии, причём за последние 10 лет число свободно говорящих сократилось более чем наполовину. Навыки аудирования также претерпевают негативные изменения: показатели частично понимающих по-хакасски и не понимающих совсем увеличились на 10% каждый за счёт 20-процентного сокращения числа свободно понимающих. Практически то же можно сказать и об изменениях умения читать и писать.

При этом показатели языковой лояльности гимназистов остаются достаточно высокими: 97% опрошенных считают, что родной язык надо знать и изучать в школе, 91% респондентов хотели бы, чтобы их дети знали хакасский язык. 98% убеждены, что будущее хакасского языка находится под угрозой, 78% готовы оказывать содействие работе по сохранению и развитию хакасского языка. На вопрос: «От чего зависит будущее хакасского языка?» 88% опрошенных ответили: «От его носителей», 32% - «От государственной политики, 17% - «От школы». Среди прочих факторов были названы семья и окружение. Таким образом, среди молодых хакасов достаточно высока степень осведомлённости о проблемах родного языка, присутствует также осознание своей ответственности за его судьбу. Всё это в совокупности с высокой степенью признания хакасского языка родным даже при отсутствии навыков свободного общения на этом языке делает очевидным факт признания языка как важной части этнической самоидентификации молодых хакасов.

Выводы

Анализ коммуникативного пространства Республики Хакасия показал, что хакасский язык функционирует в нём дополнительно к русскому в следующих социальных сферах:

1) Сфера образования. Динамика функционирования хакасского языка в данной сфере характеризуется снижением числа обучающихся на родном языке и изучающих его как учебный предмет в начале 2000-х годов и тенденцией к увеличению их числа во второй половине десятилетия. И если показатели количества детей-хакасов, изучающих родной язык в 2012, приблизились к аналогичным показателям 2002 г., то количество школьников, обучающихся на родном языке, за прошедшее десятилетие сократилось почти на треть. Сложной остаётся ситуация с изучением хакасского языка в дошкольных учреждениях: оно ведётся лишь в 18% детских садов РХ. В сфере высшего образования хакасский язык представлен в ХГУ имени Н.Ф. Катанова. Как положительный факт следует отметить опубликование значительного количества (более 700 наименований) учебной и учебно-методической литературы для изучения хакасского языка за последнее десятилетие, в том числе учебники хакасского языка для начальной школы по программе для начинающих изучать язык.

2) Сфера массовой коммуникации. В анализируемый период увеличилось количество печатных изданий (выпуск детского журнала «Тигір хуры», альманаха «Инесай») и телепередач на хакасском языке либо с хакасским компонентом («Хада – Вместе», «Изеннер – Здравствуйте», «Чудеса Хакасии»). Кроме того, период анализируемого десятилетия характеризуется ростом активности использования хакасского языка в интернет-пространстве республики (сообщества, посвящённые Хакасии и хакасскому языку в социальных сетях, новостной сайт «Хакас чирі», языковой сайт «Хакас тілі»).

3) Сфера городского пространства. За последнее десятилетие количество хакасских названий на карте Абакана незначительно увеличилось, что связано с появлением новых городских объектов (магазинов, ресторанов и др.) и мерами, предпринимаемыми администрацией города по увеличению доли регионального языка в лингвокультурном пространстве Абакана (появление новых улиц, названных в честь прославленных уроженцев Хакасии, присвоение хакасского названия строящемуся жилому массиву).

4) Сфера религии. В анализируемый период появились переводы Нового Завета и детской Библии на хакасский язык, а также началось его использование в богослужениях.

Таким образом, в коммуникативном пространстве РХ имеют место определенные тенденции к укреплению позиций хакасского языка, однако его присутствие в перечисленных выше сферах вряд ли может оказать существенное влияние на восстановление естественной межпоколенной передачи языка, без которой невозможна остановка языкового сдвига, что, впрочем, не отменяет важности этих перемен.

Социолингвистическое анкетирование русскоязычных респондентов выявило наличие интолерантных установок значительного числа представителей мажоритарного этноса по отношению к республиканскому языку: 38% русских респондентов Орджоникидзевского района не считают необходимым предоставление хакасским детям возможности изучать хакасский язык в школе. Впрочем, большинство опрошенных представителей доминантного русского этноса демонстрируют отсутствие негативного отношения к возможности хакасов изучать родной язык, что свидетельствует об отсутствии враждебности между двумя крупнейшими этническими группами РХ.

По итогам социолингвистических опросов среди хакасских респондентов установлено, что наиболее высокий уровень языковой

компетенции на родном языке наблюдается у женщин, жителей села и представителей старшего поколения.

1) Гендерные особенности функционирования хакасского языка связаны с более высоким уровнем сохранения языковой компетенции на родном языке у женской части респондентов. Так, среди ЖР количество свободно говорящих по-хакасски возросло почти на 19%, а среди МР – на 12%. При этом количество тех, кто не говорит по-хакасски, за прошедшие годы также увеличилось у ЖР на 1%, у МР – на 7%. ЖР чаще МР общаются на хакасском языке в семье, причём если для общения с родителями родной язык используют на 3% больше женщин, то при общении со старшим поколением (бабушками и дедушками) разрыв между полами составляет почти 10%.

2) Языковые компетенции также различаются в зависимости от места проживания. Показатели владения хакасским языком у ГР почти не изменились, а у СР существенно возросли: по сравнению с предыдущим десятилетием более чем на 20% увеличилось число свободно говорящих и понимающих СР. Выявлена также более высокая степень интенсивности использования хакасского языка в семье, характерная для СР. Их показатели общения на хакасском языке с родителями и старшим поколением в среднем на 20% превышают аналогичные показатели ГР. Тенденция к укреплению позиций хакасского языка в сфере семейного и дружеского общения полностью коррелирует с возросшим уровнем языковой компетенции на родном языке, отмеченным у сельских респондентов.

3) Изучение особенностей функционирования хакасского языка, связанных с возрастом респондентов, позволило подтвердить закономерность: чем старше группа, тем больший процент её членов свободно владеет различными видами речевой деятельности на хакасском языке. Разница в показателях навыков свободного понимания между старшей и младшей группами составляет более 40%, в показателях свободного

говорения – почти 50%. Показатели старшей группы постепенно уменьшаются от навыков аудирования до навыков письма, в то время как в средней группе отмечается, что показатели активного владения языком (умение свободно говорить и писать) уступают пассивным показателям (умение свободно понимать и читать). В самой младшей группе показатели навыков свободного чтения и письма превышают показатели свободного аудирования и говорения, что можно объяснить особенностями школьного обучения хакасскому языку, при котором он изучается как второй. Кроме того, прослеживается явная связь между возрастом респондента и степенью интенсивности использования хакасского языка в его семье, рабочем и дружеском коллективе. К примеру, если в старшей группе при общении с родителями хакасский язык предпочитают 69% респондентов, а со старшим поколением – 84%, то среди респондентов младшей группы соответствующие показатели равны 27% и 37%.

Проведенные исследования позволили установить также и то, что родной язык воспринимается хакасами как существенная часть хакасской этнической идентичности: несмотря на установленное переписями населения снижение числа хакасов, владеющих родным языком, 67% опрошенных респондентов титульной национальности продолжают считать родным хакасский язык, 21% - хакасский и русский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные процессы глобализации приводят к двум противоречивым тенденциям: с одной стороны, это ослабление позиций миноритарных языков, с другой – рост этнической идентификации и стремление к сохранению языкового многообразия. Комплексный анализ динамики языковой ситуации в период с 2001 по 2013 гг. в Республике Хакасия позволил установить уязвимость позиций хакасского языка не только в рейтингах и классификациях витальности, но и в его реальном функционировании.

Хакасский язык является миноритарным автохтонным младописьменным титульным языком, имеющим статус второго государственного в Республике Хакасия, перспективы сохранения и дальнейшего развития которого являются нестабильными. С функциональной точки зрения он относится к категории среднеразвитых языков с собственной языковой общностью, имеющей статус титульного народа и государственность в форме республики на своей исторической территории, письменную традицию и практику использования в приоритетных социальных сферах. Языковая ситуация в Республике Хакасия является двухкомпонентной, демографически неравновесной и коммуникативно несбалансированной, что связано с особенностями этнолингвистической и социально-экономической структуры республики. За прошедшее десятилетие изменения в языковой ситуации коснулись состава языков, не имеющих в РХ официального статуса. В эту группу вошёл шорский язык, появившийся в официальном дискурсе в связи с предоставлением ему государственной поддержки. В группе «специальных» языков, которые преподаются в РХ как иностранные, появились китайский и польский языки.

Главными факторами, влияющими на функционирование хакасского как второго государственного языка РХ, являются:

- малочисленность (в настоящее время численность хакасов в РФ составляет чуть менее чем 73 тысячи человек);

- низкий удельный вес коренного этноса (хакасы составляют 12% от общего числа жителей республики);

- рост темпов урбанизации (за последние 10 лет доля городского хакасского населения увеличилась на 5%; в настоящее время 43,3% хакасов являются городскими жителями, 56,7% - сельскими);

- языковой сдвиг с переходом на русский язык в ущерб родному (за период с 2002 по 2010 гг. количество хакасов, владеющих родным языком, сократилось с 69% до 58,3%).

В условиях стремительно протекающих процессов языкового сдвига особую актуальность приобретает эффективность региональной языковой политики как важнейшего ресурса поддержки миноритарных языков, а также фактора предотвращения языковых конфликтов. В языковом законодательстве РХ нашли в основном императивные положения федерального Закона о языках, а закрепление функционального статуса хакасского языка в нём носит ограниченный и разрешительный характер. Неоднократные корректировки республиканского Закона о языках приводили в том числе и к снижению уровня защиты республиканского языка, что отрицательно сказалось на его функционировании в период 2002-2008 гг. Рекомендательный характер республиканского языкового законодательства в отношении использования хакасского языка в социальных сферах, включая образование, способствует сохранению межэтнического согласия в республике и одновременно снижению престижности и востребованности хакасского языка, что доказывается ростом количества русскоязычных монолингвов среди хакасов, а также невысоким количеством русских жителей Хакасии, желающих его изучать (21,5% в Абакане и 9% в

Орджоникидзевском районе), а также наличием нетерпимого отношения к предоставлению возможности изучения родного языка хакасским детям.

Социолингвистические опросы, проведённые в группах русских и хакасских респондентов, позволили выявить сохранение высокого уровня позитивной этнической идентификации и языковой лояльности хакасов, а также отсутствие негативного отношения к возможности хакасов изучать родной язык со стороны большинства представителей доминантного русского этноса. В то же время на фоне продолжающегося увеличения числа русскоязычных монолингвов среди хакасов респонденты из сельской местности по-прежнему демонстрируют высокий уровень владения родным языком (76,1% сельских респондентов свободно понимают по-хакасски, 68,7% - свободно говорят). Это доказывает то, что именно аалы с компактным проживанием хакасов остаются ресурсной базой для сохранения и расширения функций хакасского языка. Как позитивные, так и негативные изменения в республиканской языковой политике оказывают соответствующее влияние на особенности билингвизма хакасской молодёжи. Благодаря позитивным переменам в региональной языковой политике несколько усилилось присутствие хакасского языка в этническом коммуникативном пространстве Республики Хакасия, в частности, в сферах образования, духовной культуры, СМИ, религии, городского пространства. При этом интенсивность использования хакасского языка в социальных сферах по-прежнему остаётся невысокой и потому едва ли может оказать существенное влияние на восстановление естественной межпоколенной передачи языка. Проведенные исследования позволили установить также и то, что родной язык воспринимается хакасами как существенная часть хакасской этнической идентичности, а потому его объединяющий потенциал должен эффективно использоваться для замедления и остановки процессов языкового сдвига.

ЛИТЕРАТУРА

1. 89 родных языков. Обзор: изучение национальных языков в республиках и округах России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/11552-89-rodnyh-yazykov.html>
2. Аврорин В.А. О предмете социальной лингвистики // Вопросы языкознания, 1974. - № 4. – С. 11-17.
3. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социалингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
4. Алексеев М.А. Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ. Материалы конференции. 24-26 сентября 2008 г. / ИПБ, ИЯ РАН. – М., 2008. – С. 14-20
5. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социалингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997.
6. Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. – М., 2005. - № 2 (23) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm>
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс, 2001. – 288 с.
8. Анжиганова Л.В. Межэтнические отношения в Республике Хакасия: проблемы и пути их решения // Проблемы сохранения этнической культуры и традиционных форм хозяйствования (материалы регионального научно-методического семинара 25 апреля 2013 г.) / под ред. Л.В. Анжигановой, А.П. Никитина. – Абакан, 2013. – С. 5-10
9. Анжиганова Л.В. Нормативная правовая основа сохранения и развития хакасского этноса в Республике Хакасия // Этносы

- развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.Г. Морогина. – Абакан, 2012. – С. 11-13
10. Асылгужин Р.Р. Этническая идентичность как социально-философская проблема (Электронный ресурс): Диссертация на соискание учёной степени канд. филос. наук – Уфа, 2005.
  11. Аюпова Л.Л., Ибрагимова В.Л. Содержание понятия «языковая ситуация» в отечественной и зарубежной литературе [Текст] / Л.Л. Аюпова, В.Л. Ибрагимова // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. – М., 2010. – С. 81-90
  12. Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
  13. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001
  14. Бенедиктов Н.А., Бердашкевич А.П. О правовых основах государственной языковой политики [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2003-02/28_492
  15. Берегсаси А.Ф., Черничко С.С. Направление языковой политики Украины как фактор этнических и языковых конфликтов // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – С. 227-230
  16. Биткеева А.Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект). – М.: Наука, 2006. – 365 с.

17. Боргоякова Т.Г. (а) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002. – 166 с.
18. Боргоякова Т.Г. (б) Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. Диссертация на соискание учёной степени д-ра филол. наук – М., 2002
19. Боргоякова Т.Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2001. – 160 с.
20. Боргоякова Т.Г. Социолингвистическая ситуация и языковое законодательство в Республике Хакасия: «Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации» – М.: Изд-во РУДН, 2003.
21. Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций хакасского языка в контексте современного языкового законодательства // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции 22-24 сентября 2005 года; Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 54-58
22. Боргоякова Т.Г. Этнические стереотипы в языковом сознании и межкультурном общении хакасов и русских // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Выпуск 11. / Под общей редакцией Т.Г. Боргояковой. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2007.
23. Боргоякова Т.Г. Проблемы языкового планирования в Республике Хакасия // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы II Международной научной конференции, 25-27 сентября 2008 года, Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. – С. 24-30

24. Боргоякова Т.Г. Особенности развития языкового законодательства Республики Хакасия // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: Сборник трудов Международной научной конференции. 9-13 сентября 2009 года. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 114-119
25. Боргоякова Т.Г. Преимущества билингвизма и проблемы билингвального образования в Республике Хакасия // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России: материалы Всероссийского научного семинара с международным участием, 29 июня 2011 г., г. Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ «Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова», 2011.
26. Боргоякова Т.Г. Проблемы функционирования хакасского языка в условиях асимметричного билингвизма // Наследие Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-19 мая 2012 года, г. Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2012. – 396 с.
27. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Демографическая мощь хакасского языка и языковая лояльность жителей Хакасии // Мир науки, культуры, образования – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2012. № 5 (36) – С. 233-237
28. Боргоякова Т.Г. Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. – С. 36-39

29. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – Изд-е 2-е, доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008
30. В республике проводятся дополнительные мероприятия для сохранения хакасского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.r-19.ru/news.html?view=26901>
31. В Хакасии планируют ввести написание названий населенных пунктов на хакасском языке [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://infotashtyp.tribune.info/>
32. Вареннес Ф. де. Международный закон и сохранение языкового разнообразия // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: Сборник трудов Международной научной конференции. 9-13 сентября 2009 года. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 92-113
33. Васильева Р.И. Современные этноязыковые процессы в полиэтнических улусах Республики Саха (Якутия) (1995-2003 гг.) – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007. – 76 с.
34. Васильева Р.И. Языковая ситуация в условиях многоязычного общества в Республике Саха (Якутия) (на материале взаимодействия якутского и русского языков в Приленье) // (Электронный ресурс): Диссертация на соискание учёной степени канд. филол. наук – Якутск, 2007
35. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2001.
36. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004.

37. Верхотуров Д.Н. Уроки казахского для Виктора Зими́на [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://khakasia.info/politika/2012-10-15-06-33-50>
38. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения СССР [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=0
39. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения СССР [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php
40. Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
41. Выступление Министра образования и науки Республики Хакасия Г.А. Салата на заседании Рабочей группы на заседании Рабочей группы по сохранению хакасского языка, культуры и развитию этнотуризма при Совете по экономическому развитию Республики Хакасия 29 мая 2012 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.r-19/mainpage/authority/21/obraz-ministry/documents/doklady/doklady_ministra/55576.html
42. Габдрахманова Г.Ф., Исхакова З.А., Мусина Р.Н. Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ татарского языка). – Астана: Кантана-пресс, 2011. – 396 с.
43. Галдия М. Языковое законодательство и предупреждение конфликтов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://eawarn.ru/EN/bin/view/Pubs/MarkusGaldia>
44. Галина Салата о сохранении и развитии хакасского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/obraz-ministry/documents/doklady/doklady_ministra/26903.html

45. Горячева М.А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация (Электронный ресурс): Диссертация на соискание учёной степени канд. филос. наук – М., 2003.
46. Грошева Г.В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX – начало XXI вв.) [Электронный ресурс] // Режим доступа:
47. Гулина О.Р. Языковое законодательство как часть антидискриминационного законодательства о меньшинствах [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2005/Pdf/Law.pdf
48. Гусейнова А.В. Региональный язык в сфере духовной культуры Республики Хакасия // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России: материалы Всероссийского научного семинара с международным участием, 29 июня 2011 года, г. Абакан /отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ имени Н.Ф. Катанова, 2011. – С. 43-47
49. Гусейнова А.В. Хакасский язык в структуре этнического коммуникативного пространства // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей – Красноярск: Изд-во СФУ, 2013. Т. 4. № 4 – С. 337-340
50. Гусейнова А.В. Особенности билингвизма хакасской молодёжи в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. – С. 65-69
51. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
52. Долгосрочная районная целевая программа «О развитии языков народов муниципального образования Аскизский район на 2012-2016

- гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<http://askiz.org/regulatory/may/691%20p%20.doc>
53. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.
54. Дырхеева Г.А. Развитие национально-языковых отношений и трансформация современных социолингвистических понятий и терминов // Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения / отв. ред. Г.А. Дырхеева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.
55. Дьячков М.В. Миноритарные языки в России [Электронный ресурс] // Режим доступа:
http://ecsocman.hse.ru/data/872/847/1217/014_Dyachkov.pdf
56. Дьячков М.В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах [Электронный ресурс] // Режим доступа:
http://ecsocman.hse.ru/data/025/920/1219/014Dyachkov_1.pdf
57. Дьячков М.В., Абрамова Е.И. Об истории языковой политики в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010, № 1. – С. 64-72
58. Дьячков М.В., Абрамова Е.И. Об истории языковой политики в России (часть 2) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010, № 2. – С. 53-60
59. «Езжайте в свой Аскиз» или об употреблении хакасского языка в Хакасии [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<http://abakan.bezformata.ru/listnews/upotreblenii-hakasskogo-yazika-v-hakasii/8315108/>
60. Забелина Н.А. Двуязычие: язык как достояние социума [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/013-5.pdf>

61. Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 (ред. от 5.05.2008) «О языках народов Республики Хакасия» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://khakassia.news-city.info/docs/sistemasb/dok_oeqewz.htm
62. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? – Хельсинки, 2012 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://blogs.helsinki.fi/minor-eurus/files/2012/12/kakizachem1.pdf>
63. Информ-агентство «Хакасия»: Абаканским улицам придумали названия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hakac.info/news/2011030314470>
64. Искужина Н.Г. Функционирование языков в районах Зауралья Республики Башкортостан: социолингвистический аспект. Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук. – Уфа, 2006
65. Каксин А.Д. (а) Тюркские названия на карте города Абакан: к вопросу о расширении этнического языкового кластера // Актуальные проблемы современной науки. Научная сессия «XV Невские чтения»: материалы научных конференций 22-27 апреля 2013 г. – СПб, 2013. - № 1 (4) 2013. – С. 67-68
66. Каксин А.Д. (б) Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI в.). – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2013. – 152 с.
67. Караулов Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм. Часть 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/russianworld/28_106.
68. Карпов В.Г. Прошлое, настоящее и будущее хакасского языка. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2008. – 36 с.

69. Касаткина С.С. Медиапространство современного города
[Электронный ресурс] // Режим доступа:
http://www.pglu.ru/innovation/cyberspace/issues/2011/Kasatkina_S_S.pdf
70. Катунин Д.А. Языковое законодательство в республиках Сибири // Язык и культура, 2009. - № 4. – С. 13-24
71. Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение, 1995, № 4
72. Костякова Ю.Б. Двоязычие в средствах массовой информации Республики Хакасия: история, традиции, задачи // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции 22-24 сентября 2005 года; Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 90-93
73. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гносис», 2002. – 284 с.
74. Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2011. – 252 с.
75. Крысин Л.П. Функциональная социоллингвистика: статус, проблемы, перспективы исследования // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – С. 27-29
76. Кызласов А.С. Языковая ситуация в Республике Хакасия [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<http://haknii.ru/?page=structure&subpage=language>
77. Мечковская Н.Б. Об учебнике по социоллингвистике В.И. Беликова и Л.П. Крысина [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<http://link.springer.com/article/10.1007/s11185-004-5222-y>
78. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М., 2001.

79. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998.
80. Михальченко В.Ю. Принципы функциональной типологии языков России [Текст] / В.Ю. Михальченко // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – С. 42-46
81. Михальченко В.Ю. О принципах создания словаря социолингвистических терминов: к постановке проблемы [Текст] / В.Ю. Михальченко // Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – С. 5-15
82. Мониторинг межнациональных отношений в Республике Хакасия в I квартале 2010 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/national/documents/reports/monitoring_monitoring_2010_1.html
83. Муниципальная целевая программа «Развитие хакасского языка, литературы и культуры в Бейском районе на 2012-2014 годы [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.19beya.ru/pravo/2011/post1345_1.doc
84. Мурадова А.Р. Как исчезают языки и как их возрождают [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/muradova-08.htm>
85. Мусина Р.Н. Семья в этноязыковой социализации // Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ татарского языка). Коллективная монография / Сост.: Габдрахманова Г.Ф., Исхакова З.А., Мусина Р.Н. – Астана: Кантана-пресс, 2011. – с. 109-118.
86. Мусина Р.Н. Язык и проблемы этнической идентичности // Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ

- татарского языка). Коллективная монография / Сост.: Габдрахманова Г.Ф., Исхакова З.А., Мусина Р.Н. – Астана: Кантана-пресс, 2011. – с. 310-323
87. Названия населённых пунктов республики продублируют на хакасском языке [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://glava.r-19.ru/news/126/>
88. Население Республики Хакасия за 2002-2012 годы: статистический сборник. – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия: Абакан, 2013. – 39 с.
89. Население Республики Хакасия по национальному составу (города, районы, посёлки городского типа): итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. / отв. за выпуск Т.С. Гернего. – Абакан, 2004 – 71 с.
90. Настоятель Градо-Абаканского храма Геннадий Фаст: Хакасия проходит период двоеверия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.19rus.info/index.php/obshchestvo/item/7807-nastoyatel-grado-abakanskogo-khrama-gennadij-fast-khakasiya-prokhdit-period-dvoeveriya>
91. Нерознак В.П. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 1994. – Т. 53. – № 2.
92. Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика. Теория и проблемы. – М., 1976 – 168 с.
93. О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011-2013 годах [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/national/documents/programs/11885.html>
94. О’Риаган Д. Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств – эффективный европейский инструмент защиты малых языков меньшинств // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: Сборник трудов

- Международной научной конференции. 9-13 сентября 2009 года. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 28-33
95. О'Риаган Д. Планирование развития языков коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы III Международной научной конференции, 23-25 сентября 2010 г., г. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова», 2010. - С. 20-28
96. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
97. Побызакова Е.К. Государственный хакасский язык: перспективы реального функционирования // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 2. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 1998. – С. 202-209.
98. Побызакова Е.К. Экстралингвистические факторы функционирования хакасского языка // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции 22-24 сентября 2005 года; Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 77-82
99. Побызакова Е.К. К вопросу о термине «родной язык» // Родной язык в системе образования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 23 октября 2009 года, г. Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2009. – С. 56-60
100. Постановление Правительства Республики Хакасия от 13.11.2013 № 622 «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия

- “Региональная политика Республики Хакасия (2014-2016 годы)”»
[Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://r-19.khakasia.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/programmy-i-plany/2049/>
101. Пушкарёва Ю.Г. Урбанонимия города Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект. Автореферат дисс. на соискание учёной степени кандидата филол. наук [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.bsu.ru/?mod=news&nid=9474>
102. Родной язык изучают 72% детей хакасской национальности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.19rus.info/news/87699.html>
103. Рязанов А.В. (а) Структурные изменения этнических коммуникативных пространств: динамика и направленность [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129325/>
104. Рязанов А.В. (б) Этнос в коммуникативном пространстве социума. Автореферат дисс. на соискание учёной степени доктора филос. наук. – Саратов, 2009
105. Сагалакова Т.Н. Развитие родных языков в контексте языкового законодательства России и Республики Хакасия // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований ‘2010». Том 25. Философия и филология. – Одесса: Черноморье, 2010. – С. 73-75
106. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/Part2-2.htm>

107. Сундуева Д.Б. Агинское Приононье как социолингвистический феномен [Текст] / Д.Б. Сундуева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. - № 5. – С. 50-57
108. Трудности перевода. Информационный проект «Репаблик» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.r19.ru/magazine/personality/the-difficulties-of-translation/>
109. Тува и Хакасия заговорят на национальных языках [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2025609>
110. У городов и сёл Хакасии появятся «двойные» названия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://1abakan.ru/news/shownews-1534/>
111. Федоров А.И. Языковая ситуация в Сибири и её изучение // Сибирский филологический журнал, № 2, 2010 – Новосибирск, Изд-во НГУ, 2010
112. Фельде О.В. Этноязыковая ситуация Красноярского края в начале третьего тысячелетия // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011, Т. 4, № 7. – С. 919-929
113. Фельде О.В., Журавель Т.Н. Тувинский язык в Красноярском крае: опыт социопсихологического исследования // Вестник ТГПУ, № 10 (125), 2012. – С. 159-163
114. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения учёных и повседневной жизни [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/05.pdf>
115. Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии). Диссертация на соискание учёной степени д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2009

116. Чертыкова З.А. Роль общественности в сохранении родного языка: хакасский опыт // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции 22-24 сентября 2005 года; Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 93-99
117. Чистанов М.Н. Этническая идентичность в контексте этнической экологии // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.Г. Морогина. – Абакан, 2012. – С. 14-15
118. Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. - Барнаул, 2000. – С. 172-181 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-00.htm>
119. Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1976. – 176 с.
120. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социоллингвистику. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
121. Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания / под ред. Л.В. Анжигановой. – Абакан, Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006.
122. Юдина Е.Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения). Автореферат дисс. на соискание учёной степени доктора соц. наук [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/sociol/01-09-2008/UdinaEN.doc>

123. Bowring, Bill. Language rights in practice – the case of the former editor of the only Khakass language newspaper // A SHARED vision: intercultural dialogue – a global paradigm to promote linguistic and cultural diversity / edited by Sonja Novak Lucanovic. – Ljubljana: Slovene National Commission for UNESCO: Institute for Ethnic Studies, 2010. – p. 87-109
124. Chown, Katya. Linguistic determinism and the history of early Soviet language planning [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://link.springer.com/article/10.1007/s11185-010-9056-5>
125. Edwards, Viv. Education and the Development of Early Childhood Bilingualism // Voces Diversae: Lesser-Used Language Education in Europe / Edited by Donall O’Riagain. – Belfast, Belfast Studies in Language, Culture and Politics, 2006
126. European Charter for Regional or Minority Languages and explanatory report. - Strasbourg, Council of Europe Publishing, 1992
127. Juha Janhunen, Tapani Salminen. UNESCO Red Book on endangered languages: Northeast Asia. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html.
128. Pavlenko, Aneta. Linguistic russification in the Russian Empire: peasants into Russians? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://link.springer.com/article/10.1007/s11185-011-9078-7>

Словари, справочники и энциклопедии

1. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990

3. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. – М.: Academia, 2000.
4. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006.
5. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков и др. /под общ. ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006.